

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНСКОЕ ВЕДЕНИЕ

№

133

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2
1998
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

К 120-летию освобождения Болгарии

- Хевролина В.М.* (Москва). Болгарский вопрос в российской общественной мысли 80-х годов XIX века (И.С. Аксаков, М.Н. Катков, С.С. Татищев)..... 3
- Виноградов В.Н.* (Москва). О "крымском синдроме", британском морском могуществе и угрозе австрийского нападения с фланга: от Екатерины II до Александра II..... 16

* * *

- Калиганов И.И.* (Москва). Болгарско-русские литературные связи эпохи Средневековья (Критический обзор мнений и задачи изучения)..... 27
- Крумлинг А.А.* (Москва). Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки)..... 46
- Сазонова Л.И.* (Москва). Ранние московские декламации Симеона Полоцкого в контексте конфликта царя Алексея Михайловича и патриарха Никона..... 61
- Михайлов К.* (София). Устная и письменная словесность в творчестве Софрония Врачанского..... 89
- Софронова Л.А.* (Москва). Концепция человека в сочинениях Г.С. Сковороды..... 101

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Сендерович С.Я.* В.Я. Петрухин. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск..... 115
- Петрухин В.Я.* S. Franklin, J. Shepard. The Emergence of Rus. 750–1200..... 119
- Польвицкий Д.И.* Новые книги о болгарской средневековой культуре..... 124
- Горина Л.В.* Е. Дроснева. Фолклор, Библия, История..... 127
- Алексеев А.А.* Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije..... 130
- Алексеев А.* The Five Biblical Scrolls in Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) with Introduction and Notes by Moshe Altbauer..... 132

PERSONALIA

<i>Венедиктов Г.К., Стемковская Ю.Е.</i> Льву Никандровичу Смирнову – 70 лет.....	138
<i>Иванов С.А.</i> Борису Николаевичу Флоре – 60 лет.....	140
<i>Досталь М.Ю.</i> К 70-летию словацкого историка В. Матулы.....	140
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН.....	142

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главиного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Васильев М.А., Веслова И.Ю.,
Кошкина Е.А., Стемковская Ю.Е.*

К 120-летию освобождения Болгарии

© 1998 г. ХЕВРОЛИНА В.М.

**БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА**
(И.С. Аксаков, М.Н. Катков, С.С. Татищев)

Российско-болгарские отношения после образования Болгарского княжества всегда были в центре внимания русского общества, в особенности консервативных кругов, рассматривавших Болгарию как опору влияния России в Балканском регионе.

После решений Берлинского конгресса одной из главных задач балканской политики России было восстановление на Балканах своего пошатнувшегося престижа и усиление политического влияния. Россию пугала все возрастающая политическая и экономическая экспансия Австро-Венгрии в балканских странах. Жертвами ее уже стали Босния и Герцеговина, отчасти Сербия и Румыния. Австрийский капитал проникал и в Болгарию, политическое и стратегическое значение которой для России было весьма велико. Какие бы цели своей политики на Балканах ни декларировал Петербург, за ними всегда стояла проблема проливов. При этом Болгарии отводилась важная роль: она могла стать союзником России в случае нового военного конфликта на Балканах, а после возможного распада Османской империи и хозяйкой проливов.

Известный российский дипломат Н.П. Игнатъев точно выразил цели России, заявив, что славянские земли на Балканах должны служить "полным обеспечением для наших оборонительных или наступательных продвижений на юге" [1. Ф. 730 (Н.П. Игнатъев). Оп. 1. Д. 587. Л. 1]. Однако для реализации этих планов пока не было соответствующих условий. Западные державы зорко следили за каждым шагом России на Балканах и были готовы противодействовать ее усилиям расширить там свое присутствие. Поэтому Петербургу приходилось вести осторожную политику, выжидая благоприятного момента, и ориентироваться пока что на действия в рамках Союза трех императоров.

Хевролина Виктория Максимовна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Представители консервативной общественной мысли в своих идеях и планах шли гораздо дальше правительства, открыто говоря то, о чем Петербург, быть может, мечтал, но не мог себе позволить даже высказать.

В настоящей статье рассматриваются позиции в болгарском вопросе трех видных представителей консервативной общественной мысли второй половины XIX в. – И.С. Аксакова, М.Н. Каткова и С.С. Татищева. Взгляды этих пользующихся большой популярностью публицистов, в особенности в вопросах внешней политики России, изучены слабо, между тем они выражали мнения значительных кругов российского общества.

Лидер славянофилов 60–80-х годов И.С. Аксаков первым поднял голос против разделения Болгарии, выступив в июне 1878 г. с резким протестом против решений Берлинского конгресса. Аксаков считал, что Болгарии должна принадлежать особая роль в послевоенном развитии Балкан. Как известно, одно из центральных мест в политической доктрине славянофилов занимала проблема славянского единства, консолидации славянского мира перед угрозой западного поглощения. В политическом плане она выливалась в идею славянской федерации, в религиозном и культурном – в идею религиозной и духовной общности славян.

Идея славянской федерации в русской общественной мысли насчитывала немало интерпретаций. У славянофилов во второй половине XIX в. она приобрела политическое звучание и связывалась с внешнеполитическими задачами России. Близкий к славянофилам Н.Я. Данилевский рассматривал славянскую федерацию как фундамент борьбы славянства с Европой.

После Берлинского конгресса, когда образовались независимые Сербия и Черногория, а также автономное Болгарское княжество, идея славянского объединения получила новую жизнь. Его создание представлялось славянофилам вполне реальным. В обществе и даже в правящих кругах считалось вполне возможным скорый распад Османской империи – как под ударами национально-освободительного движения еще подвластных Порте народов, так и с помощью западных держав, отхватывающих солидные куски от османских владений. По мысли славянофилов, освобожденная Болгария могла бы стать ядром балканской федерации.

Политический строй государств – членов федерации – в представлении славянофилов должен был бы быть таким, какой они мечтали создать в России: монархия с сильной верховной властью, широким местным самоуправлением и опорой на православную церковь. Народное собрание скорее было совещательным, нежели законодательным органом. По мнению славянофилов, европейские политические институты были чуждыми славянам. Аксаков, например, утверждал, что для славянских народов, демократических по своему духу и земледельческих по экономическому складу, не годились западные образцы, ориентированные на "преобладание города" и парламентаризма, ограничивающего власть монарха [2. 1882. 15 V]. Поэтому Тырновская конституция, принятая в Болгарии в 1879 г., была неприемлема для славянофилов, и ее отмену в 1881 г. Александром Баттенбергским они всемерно приветствовали. Аксаковская газета "Русь" в связи с этим утверждала, что болгарский народ, только начавший жить политической жизнью, еще не созрел для конституции западноевропейского образца. Создание политических партий в Болгарии, считали славянофилы, лишь порождало вражду в обществе и заслоняло "интересы отечества личными и партийными интересами" [2. 1881. 20 VI]. За рассуждениями такого рода в конечном итоге стоял страх, что Болгария отринет покровительство России и попадет в орбиту западноевропейского влияния.

Критика Тырновской конституции постоянно сопровождалась колкими замечаниями в адрес российских либералов, которые "приложили руку" к ее разработке. При этом доставалось и болгарским либералам, живущим, по мнению славянофилов, "чужими мыслями" и ориентирующимся на Европу.

Поддержав антиконституционный переворот 1881 г., славянофилы действовали в унисон политике Петербурга. Позднее И.С. Аксаков вспоминал, что посланному в

Софию консулу М.А. Хитрово Министерством иностранных дел были даны инструкции поддержать князя в его действиях и таким образом "предупредить внутреннюю революцию и вмешательство Европы". По просьбе Хитрово Аксаков в "Руси" также поддержал князя и "приглашал болгар подчиниться" [3. Ф. 126 (Киреевы). К. 3606. Д. 2. Л. 2–2 об.]¹.

Болгарскому вопросу уделял большое внимание влиятельный публицист, один из идеологов русского консерватизма М.Н. Катков. Основной задачей балканской политики России он считал овладение Константинополем и проливами, что возродило бы былое могущество страны. Катков не разделял планов славянофилов о создании славянского политического объединения, хотя и полагал, что Россия должна сохранить политическое и духовное влияние в славянских странах. Понимая шаткость ее экономических позиций на Балканах, он, подобно славянофилам, уповал на морально-политические факторы – православие, самодержавие, народность.

Первоначально Катков являлся сторонником сильной княжеской власти в Болгарии. По его мнению, народное представительство при сильном князе могло "послужить надежной опорой для национальной политики" [4. 1881. С. 322]. Как и Аксаков, он видел во введении Тырновской конституции происки российских либералов. Конституция, полагал Катков, породила все внутривнутриполитические неурядицы в Болгарии, внесла "смуты и шатания". Поэтому он с радостью встретил ее отмену. Публицист отвергал все обвинения в узурпации власти, адресованные князю, и выражал надежду, что, получив неограниченную власть, тот "установит порядок" в Болгарии. В одобрении российским правительством действий Баттенберга Катков видел залог его прорусской ориентации и успех Австро-Венгрии, стремящейся подчинить князя своему влиянию [5. 1881. 19 VI].

Восстановление Тырновской конституции в 1883 г. и Аксаков, и Катков встретили с сожалением. Этот акт вызвал размышления Каткова о том, насколько вообще конституционная форма правления отвечает природе Болгарского государства. Как и славянофилы, Катков полагал, что Болгария имела особую социально-общественную природу, отличную от большинства европейских стран. Там не было социального расслоения и социальной борьбы, следовательно, не могло быть почвы для политической вражды и политических партий. Теперь Катков утверждал, что Болгарии нужно политическое устройство, основанное на общинном начале, но не сильная монархическая власть. Он писал: "Общинная, но цивилизованная форма под контролем России в соглашении с другими державами была бы наиболее естественным для Болгарии положением. Общинное устройство с правителем во главе вроде князя Вогориди без притязаний на королевское или полукоролевское величество, единокровного и единоверного своим гражданам, не было ли бы такое устройство, помимо всякой доктрины, надежнее и правдивее для Болгарии?". Вместо этого призвали иностранного князя другой веры, а чтобы ограничить его власть, ввели конституцию по западному шаблону [5. 1883. 28 X].

Катков ссылаясь на историю России, где монархии предшествовали общинные республики, а князь имел чисто военные функции (например, в Новгороде). По мнению публициста, поскольку в Болгарии не было условий для "достойной монархии", даже "лучше было бы создать республику с ответственным перед страной и Европой правителем".

Как видим, Катков внес существенные коррективы в свою позицию относительно прерогатив княжеской власти в Болгарии, что было связано с изменением отношения к Баттенбергу Петербурга, недовольного обозначившейся к этому времени проавстрийской ориентацией болгарского князя. Теперь Катков обвинял князя в стремлении к неограниченной власти, в отсутствии заботы о благе страны. Заключение железнодорожной конвенции с Австро-Венгрией, удаление из Болгарии русских офицеров, конфликт Баттенберга с русскими министрами – все свидетельств-

¹ Письмо А.А. Кирееву от 30 октября 1883 г.

вовало, по мнению публициста, о том, что князь идет на серьезную конфронтацию с Россией. Таким образом, в болгарском вопросе политические взгляды Каткова подчас определялись конъюнктурными соображениями.

Одновременно Катков пытался опровергнуть утверждения западной прессы, обвинявшей Россию в попытке подчинить Болгарию своему влиянию. Он заявлял, что покровительство России не угрожает интересам Болгарии, так как Россия не стремится ни к захвату ее территории, ни к командным позициям в ее экономике, а хочет только оградить Болгарию "от чужой эксплуатации", сохранив таким образом ее самостоятельность и независимость [5. 1883. 21 X]. При этом игнорировался тот факт, что самостоятельность и независимость страны при покровительстве другой державы были бы весьма относительны.

Катков прямо выразил мысль о том, что Болгария становится ареной русско-австрийского противостояния, и возлагал надежды на объединительное движение, которое смогло бы, по его мнению, противодействовать расширению австрийского влияния и тем самым ограничить власть князя. Образование единой Болгарии, по мысли Каткова, не только усилило бы в ней позиции России, но и способствовало бы улучшению положения еще угнетенных народов, в частности, в Боснии и Герцеговине [5. 1884. 30 III].

Славянофилов также беспокоило проникновение Австро-Венгрии в Болгарию. Аксаков считал, что этому содействовала болгарская интеллигенция, которая "не сочувствует России, беря пример с нашей". Он призывал правительство в своей болгарской политике опираться на народные массы Болгарии, которые "влекутся духом к России" [6. С. 397]. Действия российской дипломатии в Болгарии Аксаков считал "прозападническими" и обвинял ее в нежелании учитывать интересы русского и болгарского народов. Восстановление Тырновской конституции он расценивал как промах дипломатов, допустивших укрепление в Болгарии австрийского влияния.

Процесс нарастания отчуждения Болгарии от России, ставший очевидным с начала 80-х годов, беспокоил славянофилов. Причины этого явления искали в политике Баттенберга, действиях болгарских либералов, происках Австро-Венгрии, наконец, в пассивности русских дипломатов. Ближе всех к пониманию сути происходящих событий подошел Аксаков, заявивший, что "во всем, что теперь совершается в Болгарии, виновата прежде всего Россия" [6. С. 552]. Однако вину он возлагал на русских дипломатов, не сумевших, по его мнению, "проводить в Болгарии политику, согласную с ее достоинством, интересами и духом народа". Дипломатам, равнявшимся на Европу и осторожничавшим "в духе Горчакова", Аксаков противопоставлял смелые действия бывшего посла в Константинополе и творца Сан-Стефанского договора Н.П. Игнатьева, осуществлявшего "национальную" внешнюю политику. Возражая противникам Игнатьева, которые обвиняли его в завышенных условиях Сан-Стефанского договора, Аксаков утверждал: "В том-то и великое благоденствие Сан-Стефанского договора: он сразу захватил так много, что как его ни урезывали, все-таки, несмотря на все малодушие вождей русской политики, осталось довольно" [6. С. 601].

Как Аксаков, так и Катков, порицая российскую дипломатию, не решались признаться себе в том, что она лишь исполняла решения верховной власти и что российская политика в Болгарии терпела неудачи главным образом в силу реакционных и авторитарных тенденций самодержавия. Катков вообще считал, что за все ошибки и просчеты во внешней, как и внутренней политике ответственны министры, плохо исполнявшие волю императора.

По мере того, как проавстрийские устремления болгарского князя становились все более очевидными, Петербург старался ограничивать его власть. При этом российские правящие круги нередко прибегали к помощи консервативной российской прессы, развернувшей на своих страницах критику действий болгарского правителя. В этом плане следует рассматривать выступление Каткова против возможного брака Баттенберга с внучкой германского императора и английской королевы принцессой

Викторией. 13 января 1885 г. в передовой статье "Московских ведомостей" Катков заявил, что этот брак приведет к усилению германского влияния в Болгарии, с чем Россия согласиться не может; он не увеличит популярности князя в Болгарии, ибо германская принцесса будет чуждой болгарскому народу. Завершало статью заявление о том, что предполагаемая женитьба явится угрозой существованию союза между Россией и Германией [5. 1885. 13 I]. В архиве Каткова сохранилось письмо к нему директора Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева от 10 января 1885 г., где тот сообщал о нежелательности брака Баттенберга, должствующего укрепить его положение, и просил опубликовать в газете под видом частной корреспонденции прилагаемую статью, одобренную "кем следует". Зиновьев добавлял, что "делу этому придают у нас первостепенное значение... ввиду шаткого положения здоровья императора Вильгельма" [3. Ф. 120 (М.Н. Катков). Д. 44. Л. 13–14]. По этим словам можно предположить интерес в вопросе о браке Баттенберга самого Александра III. Катков, выполняя прямой заказ МИД, даже перестарался, дав статью не частной корреспонденцией, а передовой. Публикация "Московских ведомостей", немедленно перепечатанная западной прессой, сыграла свою роль. Берлин, и без того сомневавшийся в целесообразности этого брака (на нем настаивала королева Виктория), отказал Баттенбергу, не желая ссориться с Петербургом. Естественно, что враждебность князя к России возросла еще больше.

Румелийский переворот в сентябре 1885 г. и последующие события поначалу были неоднозначно восприняты консервативными кругами России. Славянофилы, последовательно выступавшие против решений Берлинского конгресса о разделении Болгарии, безоговорочно поддержали соединение, объявив его делом болгарского народа. Первоначально они питали иллюзии, что этот акт подготовлен с ведома России, тем более, что Аксаков был знаком с содержанием соответствующего пункта австро-русско-германского договора 1881 г., выражавшего согласие трех держав с возможным соединением Болгарии. Но когда Петербург обозначил свое негативное отношение к перевороту, стали подозревать в качестве инициатора Англию, а затем и самого князя. Аксаков писал в "Русь", что независимо от того, кто стоял у истоков переворота, он должен быть поддержан и признан Россией [2. 1885. 14 IX]. Это была мужественная гражданская позиция. Аксаков страстно протестовал против требования Петербурга восстановить статус-кво, он считал, что соединение отвечает интересам не только болгарского, но и русского народа. "Русский народ не может отречься от своей любви к болгарскому народу из-за того, что Каравелов изволил Россию обидеть, а принц Баттенбергский не оправдал доверия", – замечал лидер славянофилов [6. С. 636–637]. В противном случае болгары могут обратить свои взоры к Австро-Венгрии.

Однако призывы славянофилов поддержать соединение Болгарии сопровождалась надеждами на расчленение Турции и предъявление к ней "своих притязаний", "без чего и воссоединение Болгарии было бы едва ли полезным". Связывая таким образом соединение с внешнеполитическими целями России, Аксаков по сути дела отвергал приоритет интересов болгарского народа, подчиняя их российским задачам.

С началом сербо-болгарской войны славянофилы заняли резкую антиавстрийскую позицию, считая Австро-Венгрию вдохновительницей событий на Балканах. В таком духе 21 ноября 1885 г. произнес речь на заседании Петербургского славянского общества его председатель Н.П. Дурново. Опубликовавшая эту речь "Русь" получила первое предупреждение министра внутренних дел, а Дурново – высочайший выговор за то, что вмешивается в политику. Предупреждение от 26 ноября 1885 г. обвиняло газету в том, что она "обсуждает текущие события тоном, несовместным с истинным патриотизмом, и стремится возбудить неуважение к правительству". Помимо речи Дурново поводом к предостережению послужила также передовая статья Аксакова в № 21 "Руси" от 23 ноября, где утверждалось, что Россия потеряла свои прежние позиции в Болгарии. Аксаков указывал, что мелочная досада, обида, гнев на болгарского правителя пересилили действительные нужды России. Она оказалась сто-

ронницей ненавистного как русскому обществу, так и болгарскому народу Берлинского трактата и сюзеренитета султана над Болгарией, т.е. отказалась от всего того, чего добивалась ранее [2. 1885. 23 XI]. И хотя Аксаков обвинял в этом российскую дипломатию, он был уже на грани понимания того, что главная вина лежала на верховной власти.

Болгарский кризис и связанные с ним события, в первую очередь братоубийственная сербо-болгарская война, правительственные санкции, безусловно сказались на здоровье Аксакова, и без того подорванном. В январе 1886 г. он скончался в возрасте 62 лет. Позднее его вдова А.Ф. Аксакова говорила О.Ф. Миллеру, что "Ивана Сергеевича убило разочарование в императоре, в честность и русское чувство которого он долго верил" [7. Ф. 1380 (О.Ф. Миллер). Оп. 1. Д. 6. Л. 40 об.].

Реакция Каткова на события в Болгарии была первоначально иной. Он выступил с одобрением правительственной позиции. Негативное отношение Петербурга к румелийскому перевороту встретило неприятие со стороны не только славянофилов, но и широких общественных кругов России, в том числе либералов. В задачу Каткова входило разъяснение правительственной политики. С первых же известий о перевороте он неустанно повторял в своей газете "Московские ведомости", что в принципе объединение Болгарского княжества и Восточной Румелии желательно, но несвоевременно, так как совершено враждебным России правителем. Катков даже утверждал, что объединение противоречит интересам самого болгарского народа, что совсем не отвечало действительности. Вообще публицист был в сложном положении, так как оправдать позицию Петербурга было весьма трудным делом. В статьях, посвященных болгарскому вопросу, Катков высказывал противоречивые идеи, постоянно колебался и в целом с трудом выдерживал намеченную линию. То он считал объединение несвоевременным, то утверждал, что если европейские страны поддержат объединение, то позиция России будет выглядеть странной; то предлагал согласиться на объединение при условии назначения болгарского князя румелийским губернатором. Катков поднял и македонский вопрос, предлагая восстановить права султана на Восточную Румелию, потребовав от него взамен "обеспечить болгарскую Македонию" [4. 1885. С. 460–461]. Однако на международной конференции по болгарскому вопросу в ноябре 1885 г. Россия потребовала восстановления статус-кво.

Катков был искренне убежден, что румелийский переворот был вызван не желанием болгарского народа, а спровоцирован Англией, которая таким образом стремилась отвлечь Россию от Индии. Вспомним, что события на Балканах развивались на фоне напряженной обстановки в Средней Азии, где еще не был до конца урегулирован афганский кризис, вызванный продвижением России к границам Афганистана. Отчасти Катков возлагал вину за события в Болгарии и на Петербург, давший стране конституцию по западному образцу и "навязавший ей иностранного князя". Публицист полагал, что Россия может противодействовать английским прои-скам в Болгарии при содействии Берлина, соперничавшего с Лондоном в Африке.

Нападение Сербии на Болгарию изменило позицию публициста. Вся российская общественность была на стороне болгар и требовала вмешательства правительства, призывая остановить сербов. Поражение Болгарии, подчеркнул Катков, было бы не в интересах России, "стоять за целость болгарской территории нас обязывают государственное достоинство наше и национальная честь", – писал он [4. 1885. С. 550]. Теперь Катков признавал, что объединение являлось национальной задачей болгарского народа и представляло его патриотическую идею, которой "обманным путем завладели интриганы". Второй сделанный Катковым вывод заключался в том, что Союз трех императоров оказался в болгарском вопросе бессильным и не смог обеспечить его решение в интересах России.

Приветствуя победу Болгарии над Сербией и справедливо считая ее результатом длительной деятельности русских офицеров в болгарской армии, Катков с сожалением признавал, что победа помогла укрепить положение Баттенберга и что объединение Болгарии под его управлением – дело решенное. В связи с этим он

призывал Петербург придерживаться твердой политики. По его мнению, были возможны два варианта такой политики: либо признать свершившийся факт и тогда восстановить полное доверие к князю, либо "воздержаться от признания соединения и выжидать времени, когда ход событий потребует действия" [4. 1885. С. 626]. Выдвигая первый вариант, Катков безусловно ориентировался на намерения части правящих кругов России и общества примириться с князем. Такие соображения высказывали некоторые члены императорской фамилии, Н.П. Игнатъев, А.Б. Лобанов-Ростовский, Н.Н. Обручев, А.А. Киреев и многие другие. Но царь решительно отказался встретиться с Баттенбергом, считая его своим главным врагом и виновником всех кризисных событий в Болгарии. Второй вариант был более реален. Правда, Катков сформулировал его слишком абстрактно, так как неизвестно было, как развернутся события и каких действий они потребуют.

Болгарский князь тем временем вступил в переговоры с Портой и заключил в феврале 1886 г. с ней договор (Топханейский акт), согласно которому Порта фактически признала объединенную Болгарию. При этом Баттенберг сохранил власть над Восточной Румелией, будучи назначен ее генерал-губернатором. Этот акт Катков расценил, как вытеснение России из Болгарии. Согласно России с Топханейским актом вызвало горькие филиппики публициста в адрес российской дипломатии, привыкшей, как он подчеркивал, действовать в рамках "европейского концерта". Катков полагал, что если Россия уж не могла применить против Баттенберга военную силу, то должна была выразить свой протест против договора. Согласиться же с Топханейским актом после того, как в течение полугода Петербург боролся против изменения Берлинского трактата, означало демонстрацию своего бессилия и беспринципности. Таким образом, Катков открыто выразил несогласие с болгарской политикой России, подчеркнув ее противоречивость.

Отречение Баттенберга от престола в августе 1886 г. не породило у Каткова никаких надежд, ибо "Баттенбергия осталась, и с нею России приходится считаться" [4. 1886. С. 434]. Первоначально он полагал, что России следует пока выжидать, но волна репрессий против русофилов в Болгарии и провал миссии Н.В. Каульбарса привели Каткова к мысли о необходимости военной оккупации Болгарии [4. 1886. С. 479]. Генерал Каульбарс был направлен в Болгарию в сентябре 1886 г. для восстановления там позиций России. Его "твердые" действия заслужили горячее одобрение Каткова, который рассматривал российского посланца не как дипломата, а как "возвестителя воли русского царя болгарскому народу". Каульбарс, по мнению публициста, не должен был вступать в переговоры с регентами, назначенными Баттенбергом, а требовать повинования [4. 1886. С. 470]. В ответ на подобные действия Каульбарс встретил не менее твердое противодействие регентов и вынужден был уехать из Болгарии, после чего последовал разрыв дипломатических отношений между обеими странами.

Несмотря на популярность идеи военной оккупации Болгарии в консервативных кругах России, Петербург осознал, что силовыми средствами удержать Болгарию нельзя. Оккупация не только была бы встречена враждебно болгарским народом, но могла вызвать международный военный конфликт, а к войне Россия не была готова. Катков видел теперь единственный путь "возвращения" Болгарии в организации там восстания и свержения регентов.

В 1885–1887 гг. Катков регулярно получал информацию о событиях в Болгарии как непосредственно от дипломатов, так и от корреспондентов, болгарских эмигрантов и других лиц. Они сообщали о недовольстве населения политикой регентов. Так, российский представитель в Бухаресте М.А. Хитрово направил к Каткову приехавшего из Болгарии корреспондента Е.П. Кочетова (печатавшегося под псевдонимами "Е. Львов", "Русский странник"). "Он расскажет вам ужасные, но достоверные вещи", – сообщил Хитрово в письме от 25 декабря 1886 г. Дипломат также информировал Каткова о создании в Бухаресте тайного болгарского комитета для подготовки восстания и своем активном участии в его деятельности [3. Ф. 120. Д. 21. Л. 95].

А. Путята в письме от 10 сентября 1886 г. из Бухареста сообщал Каткову об усилении в Болгарии настроений в пользу России [3. Ф. 120. Д. 21. Л. 190]. Катков получал информацию и от самого Каульбарса, о чем писал в своем дневнике советник министра иностранных дел Ф.Ф. Мартенс. 19 ноября 1886 г. он записал: "Для наших карьеристов-чиновников очень важно быть в хороших отношениях с газетами. Каульбарс пишет свои донесения Каткову, а Карцев обивает пороги у Суворина" [8. Ф. 340. Оп. 787. Д. 2. Л. 43].

Катков находился в переписке и с болгарскими офицерами-русофилами, в частности, с капитаном Радко Димитриевым, одним из организаторов детроизации Баттенберга 9 августа 1886 г. Идея офицерского заговора с целью свержения режима С. Стамболова, одно время разделявшаяся и Петербургом, увлекла Каткова. Благодаря односторонней информации о положении в Болгарии, поступавшей к нему от болгарских офицеров, он был уверен, что весь народ возмущен действиями регентов, что движение в армии против правительства приняло широкие размеры и восстание будет поддержано населением. В действительности дело обстояло не так.

Катков был человеком действия, и он стал действовать. 4 октября 1886 г. он направил записку Александру III, где со слов прибывшего из Болгарии офицера Георгинова сообщал о заговоре болгарских офицеров. Публицист называл также имена других заговорщиков – Р. Димитриева, Пакова, Тянкова, Ковалова, которые являлись выпускниками русских военных академий. "Это совершенно русские люди, проникнутые русским образом мыслей", – ручался Катков. Эти офицеры собирались немедленно вернуться в Болгарию для подготовки восстания в случае одобрения их плана российским правительством. Катков просил выдать им паспорта и финансовую помощь. Далее публицист писал: "Великим торжеством России было бы освободить Болгарию с помощью болгарской армии. Армия не допустит состояться фальшивому народному собранию и быстро покончит с регентством и английским влиянием... Если б дело удалось, это подняло бы значение России в Европе и на Востоке" [3. Ф. 120. К. 55. Д. 12. Л. 40].

Благодаря ходатайству Каткова офицеры получили паспорта российских подданных (на вымышленные фамилии) для проезда через Румынию, а Н.В. Каульбарсу было поручено оказать им содействие и снабдить средствами [9]. 8 января 1887 г. Катков адресовал царю новую записку, где категорически утверждал, что, по сообщениям офицеров Груева и Бендерова, в Болгарии готовится восстание и что заговорщикам следует выдать "незначительное пособие на дело". Заранее уверенный в успехе, публицист наметил программу укрепления и развития русско-болгарских отношений, в основе которой лежала опора на болгарскую армию и церковь. При этом болгарская армия рассматривалась Катковым как "верная добавочная военная сила" России [10. С. 75–77]. Однако публицист оказался плохим провидцем. Заговорщики в армии не имели единой организации, а подавляющее большинство военных было на стороне правительства. Болгарское офицерство в целом выступало за самостоятельность Болгарии и независимость ее от России. Диктаторские методы Каульбарса вызывали опасение многих болгарских деятелей в том, что ликвидация регентства приведет к установлению российского протектората над Болгарией. Прибывшие в Болгарию из России офицеры не могли таким образом рассчитывать на прочную поддержку. Это вскоре стало ясно Зиновьеву. Препровождая Каткову письмо Р. Димитриева, он писал: "О предприятии его уже известно, и оно не представляет никаких шансов на успех. Попытка эта только увеличит число жертв" [3. Ф. 120. Д. 44. Л. 33–34]. Так и оказалось. Разрозненные выступления в болгарских гарнизонах в конце 1886 – начале 1887 г. не были поддержаны другими частями и населением и быстро были подавлены, а участники восстаний казнены или приговорены к длительным срокам заключения. В феврале 1887 г. Катков получил письмо А. Путяты с сообщением о неудачном восстании гарнизонов в Силистрии и Рушуке и с просьбой выступить в защиту повстанцев, которых казнили и истязали в болгарских тюрьмах. Но Россия мало что сделала для них, хотя кампания в прессе была развернута.

Ввиду того, что между Россией и Болгарией уже не было дипломатических отношений, интересы России должны были защищать германские консулы, которые, однако, ничего не сделали для смягчения участи и отмены казни повстанцев. Это вызвало острую негативную реакцию в российской прессе, обвинявшей Германию и ее дипломатов в потворстве регентам, которые установили жесточайший репрессивный режим. Последовала жалоба Бисмарка [8. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1887 г. Д. 83. Л. 44]. 9 марта 1887 г. в "Правительственном вестнике" появилось "Правительственное сообщение", написанное, по свидетельству Мартенса, Зиновьевым, утвержденное министром иностранных дел Н.К. Гирсом и одобренное царем. В сообщении говорилось, что обвинения в адрес германских консулов несправедливы, последние старались спасти жизнь повстанцам [11. 1887. 9 III]. За резкие статьи царь объявил предостережение Каткову, однако оно было вскоре отменено, так как "Победоносцев поехал в Гатчину и убедил царя, что Катков – великий патриот, которому предостережение дать нельзя", – писал Мартенс [8. Ф. 340. Оп. 787. Д. 2. Л. 67 об.]. Тогда подал в отставку Гирс, но Александр III ее не принял.

Все эти обстоятельства заставили Каткова попытаться более глубоко проанализировать причины провала русской политики в Болгарии. Он изложил свои взгляды в ряде записок царю. Так, в записке от 26 декабря 1886 г., написанной после неудачи восстаний в конце октября в Бургасе и Сливене, публицист обвинил Петербург в равнодушии к судьбам преданных России офицеров, выступивших против регентов. Одновременно он, констатируя вытеснение России с Балкан и потерю ею позиций в Греции, Сербии, Румынии и Болгарии, возлагал за это вину прежде всего на союз трех монархов, который "не обеспечивает наши интересы на Востоке" [10. С. 69]. Эти мысли были развернуты затем Катковым в следующей записке царю в феврале 1887 г., но отправленной только 31 марта [10. С. 79–80]. Здесь Катков попытался проследить действия российской дипломатии в болгарском вопросе, начиная со времени румелийского переворота. Исходной мыслью явилось противопоставление политики МИД "политике монарха". Российская политика в Болгарии изображалась Катковым, как цепь ошибок дипломатов, действующих вопреки воле и указаниям царя. Главными недочетами Катков считал стремление действовать в рамках "европейского концерта", нерешительность, склонность к компромиссам, бездействие дипломатов в самые ответственные моменты кризиса, несогласованность действий дипломатов и военных, направляемых со специальными миссиями из России. Публицист обвинял дипломатов в отказе от поддержки антиправительственных сил в Болгарии, от содействия Каульбарсу и т.п. Вывод был однозначен: "Наша дипломатия служит более проводником чужой политики, нежели своей стране" [10. С. 80]. Катков в концентрированной и более резкой форме изложил в записке то, что он изо дня в день повторял теперь в своих передовых статьях. Конечно, многие недостатки дипломатов были отмечены правильно, но не они решали дело. Уже само противопоставление дипломатии и монарха было ошибочным. Провал русской политики в Болгарии в первую очередь был связан с самодержавным характером российской верховной власти, стремившейся действовать методами диктата и контроля и навязывающей молодому государству свои представления об историческом прогрессе. Фактор "благодарности" за освобождение Болгарии от османского ига, которым усиленно оперировали и дипломатия, и консервативная российская пресса, в том числе и Катков, не стал опорой российской политики, ставя болгар в унижительную моральную зависимость от "старшего брата". Наконец, именно та воля монарха (а, проще сказать, авторитарные амбиции Александра III), которую Катков считал выражением интересов России, явилась на деле препятствием к защите ее настоящих, а не мнимых национально-государственных интересов.

Таким образом, в анализе Каткова все было поставлено с ног на голову, не говоря уже о преувеличении им военных возможностей России. В болгарском вопросе он выказал себя сторонником действий "с позиции силы" и только в интересах России, как он их понимал, игнорируя национальные задачи болгарского на-

рода, стремившегося отстоять свою только что приобретенную самостоятельность.

В последней своей записке Александру III от 11 мая 1887 г. Катков указывал на провокационную роль Бисмарка в болгарском вопросе и предостерегал царя от доверия германскому канцлеру [12]. Болгарский кризис послужил Каткову основой для важного вывода о необходимости внешнеполитической переориентации России – от Союза трех императоров к союзу с Францией.

Бывший дипломат С.С. Татищев с середины 80-х годов активно сотрудничал в катковских изданиях, был внешнеполитическим обозревателем "Русского вестника". Кроме того, он являлся постоянным автором суворинского "Нового времени", газеты, которая после смерти Каткова стала ведущим органом консервативной прессы. В своих статьях и обзорах Татищев развивал идеи и взгляды Каткова, приспособливая их к меняющейся международной обстановке. Как Аксаков и Катков, он был сторонником "национальной" внешней политики, но несколько скорректировал это понятие, обозначив его как "политику реальных интересов". Татищев откровенно заявлял, что "великодушие и бескорыстие – добродетели в частной жизни, но преступны в области международной политики" и что "увлечение общечеловеческими идеалами позволительно лишь под условием подчинения их государственным потребностям своей страны, иначе это является преступлением перед родиной" [13]. Безусловно, такая позиция была связана с международными реалиями второй половины 80-х годов, когда Россия утратила прежний авторитет на Балканах и ее отношения с большинством балканских стран стали натянутыми, а с Болгарией и вовсе были разорваны.

В консервативных кругах российского общества раздавались сетования по этому поводу, говорилось о бессмысленности понесенных жертв, о "неблагодарности" бывших друзей. Подвергался критике Сан-Стефанский договор. Одновременно с этим делались попытки выработать новые принципы взаимоотношений, приемлемых для обеих сторон. Татищев выступил с пропагандой принципа обоюдной пользы как основы отношений России с балканскими государствами. Он рассчитывал, что они, попав в австрийские тиски, скоро осознают угрозу своей независимости и необходимость российской поддержки. Эта поддержка должна обуславливаться признанием нравственного авторитета России и содействием ей в реализации задач ее внешней политики, в том числе военной силой. По сути дела речь шла о своего рода протекторате и военно-политическом союзе между Россией и Болгарией.

Болгарию Татищев рассматривал как арену российского и австрийского противостояния и вносил в обсуждение болгарской проблемы присущую ему страстность. Главную задачу России в болгарском вопросе он видел в том, чтобы вернуть Болгарию в орбиту российского влияния. Для этого надо было разобраться в сути и причинах происходящих в ней процессов.

Во время болгарского кризиса Татищев стремился поехать в Болгарию. В январе 1886 г. он подал просьбу в МИД о командировании его на Балканы для "сбора данных о целях и намерениях местных правительств и их связях с великими державами" [1. Ф. 597 (С.С. Татищев). Оп. 1. Д. 881. Л. 1–2]. Однако получил отказ. Через некоторое время Татищев попытался попасть в Болгарию в качестве корреспондента "Нового времени". Сообщая о своем намерении издателю газеты А.С. Суворину, он мотивировал необходимость поездки желанием "узнать, что там происходит, выяснить степень отчужденности, возможность возврата отношений". В следующем письме от 20 августа 1888 г. Суворину он так формулировал свои задачи: "исправить ошибки дипломатии", "провести на месте расследование, а там, быть может, и привезти царю повинную Стамбулова" [7. Ф. 459 (А.С. Суворин). Оп. 1. Д. 4189. Л. 16–17]. Получив в 1888 г. средства от Суворина, Татищев отправился в Болгарию, но, выяснив по прибытии в Вену обстановку в Болгарии, понял, что пока не встретит там понимания. Поездку пришлось отложить.

Татищев не был сторонником усугубления разрыва, тем более военной оккупации Болгарии. Он склонялся к необходимости примирения. В этом плане представляет

интерес цикл статей Татищева в "Новом времени" под названием "Россия и Болгария" [11. 1887. 5–7, 12–14, 17, 18, 21, 28, 29 IV]. Это была серьезная публицистическая работа, анализирующая российскую политику в Болгарии и характер российско-болгарских отношений. Татищев верно указал на основные причины их разрыва, поставив на первое место происки западных держав, затем стремление болгар к политической самостоятельности и, наконец, ошибки и промахи российской дипломатии. В числе последних он называл недостаточное противодействие западной дипломатии и прессе, развернувшей антироссийскую пропаганду в балканских странах; поддержку болгарского князя в его антиконституционных стремлениях, наконец, нежелание установить связи с болгарскими либералами. Указывал Татищев и на несогласованность действий в Болгарии русских военных и дипломатических представителей, на ошибочность тактики компромата, а затем устранения князя и, главное, на негативную реакцию Петербурга в отношении румелийского переворота. Статьи Татищева содержали таким образом много верных наблюдений, все названные факторы действительно имели место и способствовали отходу Болгарии от России. Конечно, консервативные взгляды Татищева не давали ему возможности сформулировать одну из главных причин – стремление Болгарии к более прогрессивным европейским формам политического и социального устройства, неприятие методов опеки и диктата со стороны российских представителей. Но и того, что было названо, оказалось достаточным, чтобы вызвать гнев властей. Сразу же после опубликования работы в "Правительственном вестнике" появилось заявление "По поводу статей Татищева", где выражалась реакция МИД. Официоз указывал, что еще не наступило время давать оценку свежим событиям, а мнения автора, не подкрепленные документами, голословны и опрометчивы. Труд Татищева, говорилось в заявлении, содержит лишь его личное мнение и не может претендовать на серьезное историческое исследование событий, причиной которых являлся слишком быстрый переход Болгарии "от порабощения к конституционным формам" [11. 1888. 29 IV].

Тенденциозность такого подхода к содержательной работе историка и публициста была столь очевидной, что редакция "Нового времени" решила возразить "Правительственному вестнику". 30 апреля она заявила о своем несогласии с мнением о невозможности оценивать недавние события и посчитала это попыткой вывести из-под огня критики русских дипломатов. Редакция отстаивала также право на общественный контроль во всех сферах деятельности и утверждала: "Если события идут вопреки желаниям и ожиданиям России, если целые годы доказывают это постоянно, то значит в нашей дипломатии существуют какие-то недостатки" [11. 1888. 30 IV].

Характерно, что Татищев, подобно Каткову, всю ответственность за внешнеполитические просчеты возлагал на Гирса и дипломатов. В статье "О дипломатической ответственности", помещенной в "Новом времени" вслед за циклом статей о Болгарии и явившейся как бы ответом на уверения МИД, что дипломаты исполняли предначертания высшей власти, Татищев писал: "Глава государства не может нести ответственность за действия своих дипломатических советников и представителей" [11. 1888. 4 V]. Российские дипломаты, по его мнению, зачастую сообщали монарху неточную и неверную информацию и "вяло и равнодушно" исполняли те его распоряжения, которым не сочувствовали. Таким образом, царь, а тем паче самодержавный режим, в действительности несшие главную ответственность за разрыв с Болгарией, как бы оправдывались Татищевым. Искренен ли он был? Видимо, да, ибо и в частной переписке он всегда относился к монарху с должным пиететом.

Намерение Татищева посетить Болгарию осуществилось в 1890 г. Он пытался реализовать свои идеи о примирении России и Болгарии. 6 мая 1890 г., незадолго до поездки, он писал Суворину: "Каждый день ухудшает наше положение между Дунаем и Балканами. А можем ли мы махнуть рукой на болгар? Конечно, можем, но это все равно, что отказаться от всяких притязаний на Царьград, на проливы, на весь православный Восток. У меня в голове слагается такая дилемма: или соглашение с нынешней Болгарией, или обращение ее в русскую область. Первое легче и выгоднее,

второе сопряжено с величайшими трудностями, но все же лучше, чем третье – преобразование Болгарии в аванпост стремящихся к проливам враждебных сил в Западной Европе" [7. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4189. Л. 112].

Характерно, что в печати Татищев не рисковал высказываться так откровенно. В мартовском номере "Русского вестника" за 1890 г. он писал, что в отношении Болгарии у России есть два пути: либо вызвать ее на сближение "на почве обоюдной пользы", либо "навсегда вычеркнуть болгар из числа народов, осеняемых крылами русского двуглавого орла" [14. С. 39]. Путь сближения был наиболее оптимальным выходом, ибо не был связан ни с военной экспедицией, ни с окончательной утратой Болгарии, и Татищев продолжал его пропаганду в прессе. В своих политических обозрениях в "Русском вестнике" он рассказывал о положительных сдвигах в экономике Болгарии под управлением Стамболова. Последнего он характеризовал как талантливого администратора, твердость и рассудительность которого привели страну к расцвету. Упорядочены финансы, строятся железные дороги, выплачен долг России и т.п. Не следует ставить ему палки в колеса и поддерживать заговоры болгарских эмигрантов. Пора прекратить выжидать, надо забыть старые распри и протянуть Болгарии руку [14. С. 88–91]. Эта позиция Татищева, отвечавшая национальным интересам как России, так и Болгарии, противоречила взглядам большинства консервативных деятелей, да и самого царя, считавшего Кобурга и Стамболова "незаконными похитителями власти" в Болгарии.

Татищев, не встречая понимания, самолично предпринял попытку примирения. В августе 1890 г. он встретился со Стамболовым. Оба пришли к согласию: примирение необходимо. Стамболов направил в Петербург своего представителя для переговоров, но царь наотрез отказался его принять [15]. Таким образом, миссия Татищева не имела успеха. По его возвращении из Болгарии на него сразу обрушилась пресса – как русская, так и германская. Внешнеполитическое ведомство также выразило свое недовольство. Из консервативных газет сочувственно о Татищеве отозвалось только "Новое время", но и либеральная печать поддержала его инициативу. Так, "Неделя" заявила, что поездка Татищева была полезной и что следует признать значение роли Стамболова в Болгарии и провести с ним переговоры [16].

Как ни странно, за исключением брани в прессе, никаких санкций в отношении Татищева не последовало. В "Русском вестнике" он продолжал высказываться за примирение с болгарским правительством. Это вызывало протесты болгарских эмигрантов в России, которые в конце концов в марте 1892 г. направили ему открытое письмо с утверждением, что он не разобрался в истинном положении вещей в Болгарии и что диктатора Стамболова поддерживать нельзя [8. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 74. Л. 111–114]. Но Татищевым двигали совершенно иные цели. Он сознавал, что и Кобург, и Стамболов прочно сидят в Болгарии и пользуются авторитетом среди значительной части населения. Ожидать их свержения бесполезно, значит, надо изменить к ним отношение и признать существующий порядок вещей, независимо от той внутренней политики, которую они проводят. Татищев считал, что Россия и Болгария, руководствуясь принципом обоюдной пользы, могут помочь друг другу: Россия поддержит Болгарию в ее стремлении добиться сан-стефанских границ, Болгария облегчит решение проблемы проливов в интересах России. Конечно, речь шла о будущем, но возможно, как полагал Татищев, оно было не столь отдаленным. Ведь появились уже признаки улучшения русско-сербских отношений.

Анализируя политику России на Балканах в 80-х – начале 90-х годов, Татищев в одном из своих последних обозрений в "Русском вестнике" сделал закономерный вывод: принцип обоюдной пользы и сотрудничество стран во внешних делах могут быть реализованы только при условии полного невмешательства сторон во внутренние дела друг друга. Россия, стремившаяся к опеке над балканскими государствами, ничего не выиграла, а только утратила там свои позиции. Опека была ненавистна балканским странам и обременительна для самой России. "И когда мы им предоставили свободу, то они стали нашими друзьями и приверженцами" [17]. Конечно, в действи-

тельности дело обстояло не так просто. Сербия и Болгария прошли разный путь развития, они играли неоднозначную роль в российской политике, но в том, что опека России являлась негативным фактором во взаимоотношениях с ними, Татищев был совершенно прав. Косвенно это было признанием с его стороны ошибочных действий уже не дипломатии, а верховной власти, и думается, что здесь сыграл свою роль отказ царя пойти на примирение со Стамболовым, о котором так хлопотал Татищев.

Русско-болгарские отношения возобновились после отставки (и гибели) Стамболова и смерти Александра III – в 1896 г. Можно предположить, что усилия Татищева сыграли в этом свою, хоть и небольшую, но положительную роль, укрепляя в общественном мнении идею примирения.

Аксаков, Катков, Татищев являлись сторонниками так называемой "национальной" внешней политики. Идейным обоснованием их внешнеполитических взглядов была "теория официальной народности", утверждавшая единство интересов монарха и народа. "Историческим призванием" России, по их мнению, было освобождение балканских христианских народов от иноземного ига и их последующее сплочение вокруг России. Эти народы рассматривались как союзники России в решении ее внешнеполитических задач. В силу этого консервативные идеологи выступали за сохранение доброго согласия между Россией и балканскими странами, в первую очередь с Болгарией. Ухудшение, а затем разрыв русско-болгарских отношений воспринимались ими как акт, противоречащий интересам обеих сторон.

В позициях Аксакова, Каткова и Татищева были как сходные, так и отличные друг от друга моменты. Идеолог славянофилов, воодушевляемый идеей славянского объединения, видел в Болгарии "младшего брата", спасти которого от угрозы политической, идеологической и экономической экспансии Запада была призвана Россия. И хотя Аксаков связывал с Болгарией решение внешнеполитических задач России, но сильная Россия, по его мнению, была необходима для дальнейшего развития и процветания славянского мира. Катков и Татищев, будучи прагматиками, более откровенно увязывали болгарский вопрос с проблемой проливов, отвергая аксаковскую "политику чувств" во имя "политики реальных интересов". Каткова и Татищева роднило также то, что они были в большей степени людьми действия, стремившимися повлиять на события не только своим пером, но и поступками. Однако их активность встречала решительное сопротивление МИД, осторожная политика которого служила объектом резкой критики консервативного лагеря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
2. Русь.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).
4. Катков М.Н. Собрание передовых статей "Московских ведомостей". М., 1898.
5. Московские ведомости.
6. Аксаков И.С. Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
9. Косик В.И. Русская политика в Болгарии. 1879–1886. М., 1991. С. 161–162.
10. М.Н. Катков и Александр III в 1886–1887 гг. // Красный архив. 1933. № 3(58).
11. Новое время.
12. Источник. 1995. № 5. С. 5–8.
13. Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый. 1889. СПб., 1890. С. 15, 87.
14. Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике. Год второй. 1890. СПб., 1898.
15. Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 115–116.
16. Неделя. 1890. 3 сентября.
17. Русский вестник. 1893. № 5. С. 395.

© 1998 г. ВИНОГРАДОВ В.Н.

О "КРЫМСКОМ СИНДРОМЕ", БРИТАНСКОМ МОРСКОМ МОГУЩЕСТВЕ И УГРОЗЕ АВСТРИЙСКОГО НАПАДЕНИЯ С ФЛАНГА: ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО АЛЕКСАНДРА II¹

Восточный кризис продолжался три года: летом 1875 г. восстали Босния и Герцеговина – 1 (13) июля 1878 г. участники Берлинского конгресса поставили подписи под актом, его завершившим. Хронологически события делятся на два неравные этапа: 21 месяц длились усилия по разрешению конфликта путем переговоров на фоне кровопролития, резни и пожарищ в Османской империи; 15 месяцев заняла русско-турецкая война и мирное урегулирование. Оборот "цеплялась за мир" в отношении линии, проводившейся российской дипломатией в первый период, наверное, в данном случае неуместен; лучше сказать, что она исчерпала до дна все возможности, чтобы избежать вовлечения своей страны в войну. О том свидетельствует серия демаршей, совещаний, конференций: так называемая нота Андраши (декабрь 1875 г.), рейхштадское свидание сопровождавшихся министрами Александра II и Франца-Иосифа (июнь 1876 г.), Берлинский меморандум (май того же года), наконец, Константинопольская конференция держав (декабрь 1876 г.) и Лондонский меморандум (март 1877 г.). Таковы лишь основные вехи кампании, упорно и последовательно осуществлявшейся ведомством на Певческом мосту с целью избежать вооруженного столкновения с Турцией. Двор и кабинет, можно сказать, миротворствовали в одиночестве; общественное мнение страны, превратившееся в серьезную силу, ратовало за решительные действия; волна солидарности с южными славянами, не сентиментально-трогательной, а активно-действенной, выражавшаяся в готовности помочь им и оружием, и деньгами, и личным участием, прокатилась по России. Офицеры действительной службы стремились пройти испытание огнем в поединке за свободу Балкан, славянофилы вынашивали планы сплочения родственных народов, революционеры хотели накопить опыт для грядущих сражений с самодержавием. Даже один факт – пять тысяч добровольцев в сербской армии – говорит сам за себя.

Общественное недовольство в скрытой форме обращалось против Александра II и вполне откровенно – против престарелого канцлера А.М. Горчакова, обвинявшегося

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00264).

в робости, трусости, инертности, свойственных якобы его дряхлости. "Миролюбцами по должности" традиционно выступали хранители находившейся в плачевном состоянии казны, которых приводила в ужас мысль о чрезвычайных военных расходах. Но министр финансов М.Х. Рейтерн на арене внешней политики не выступал, и критика обходила его стороной.

Из западных европейских же столиц российские послы сообщали о царившем там ледяном равнодушии к событиям, происходившим где-то в неведомых "цивилизованному европейцу" закоулках на юго-востоке. Парижская газета "Фигаро" вздумала опросить читателей, что они знают о Герцеговине. Ответы превзошли самые пессимистические ожидания: одни решили, что так зовут новую звезду балета, другие полагали, что речь идет о музыкальном инструменте, изобретенном Герцем [1]. Не пылкий посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, а его рассудочный, хладнокровный лондонский коллега П.А. Шувалов жаловался: "Больно смотреть, как мало интереса вызывает здесь судьба христиан" [2]. А столь авторитетное в данном случае лицо, как видный британский либерал В. Харкур, свидетельствовал в "Таймс" о позиции "свободной прессы": "Газеты, которые патронируют правительство, или которым правительство покровительствует, истощили все языковые возможности, все ухищрения ума, чтобы нагромоздить вымысел на вымысел, разжечь предрассудки, возбудить подозрительность и ненависть по отношению к России" [3].

Исходившие из Петербурга предложения о реформах процеживались на международной арене через два сита, британское и австрийское, превращаясь в обращенные к Высокой Порте вежливые просьбы. А.М. Горчаков сетовал на то, что глава английского МИД лорд Э. Дерби учинил "педантичную чистку" очередного документа, вычеркнув даже слово "демарш", дабы не раздражать турок [4. 1877. Д. 70. Л. 209].

К весне 1877 г. стало очевидно: российское дипломатическое ведомство занято сизифовым трудом. Терпение лопнуло – 12 (24) апреля перчатка была брошена, русско-турецкая война началась.

И все же мы не склонны примыкать к критикам, кидающим в "команду Горчакова" камни за ее неоправданное долготерпение. Два фактора, две своего рода константы, проявившиеся в балканских делах, как только Россия развивала повышенную активность в регионе и в воздухе веяло грозой, довлели над нею: угроза австрийского удара с тыла и опасение британской морской мощи.

В 1860–1870-е годы Александр II, канцлер, старшее поколение сановников находились под воздействием своего рода "крымского синдрома": мысль о возможности возрождения в том или ином виде сколоченной Великобританией в 1850-е годы антирусской коалиции преследовала их как кошмар и заставляла действовать с сугубой осторожностью, проверяя и перепроверяя каждый шаг. На это, кроме того, существовали веские причины в виде уже столетнего исторического опыта.

Казалось бы, у России существовали давние традиции антиосманского сотрудничества с Габсбургской монархией. В конце XVII в. венский двор усиленно заманивал и в конце концов заманил Москву в Священную лигу христианских государств для сопротивления османскому натиску на Европу. Общность австро-российских интересов четко проявлялась в "оборонительном варианте" противостояния Порте. Когда же наступила очередь "наступательного варианта" – а это произошло в первую "екатерининскую" войну 1768–1774 гг., позиция Вены круто изменилась. Балканы она рассматривала как сферу своей экспансии, продвижение же России к устью Дуная означало овладение господствующими позициями в регионе. В результате бывший союзник превращался в соперника. Именно так расценивались успехи российского оружия. Победоносный мир "даст русской империи громадное могущество, а империи Оттоманской падение в перспективе более или менее отдаленной", – рассуждал канцлер А.В. Кауниц [5. С. 459]. Репено было вмешаться, пока не поздно.

Началась переброска войск в Венгрию, поближе к театру военных действий. Всего там собирались сконцентрировать мощный ударный кулак: пехотных полков австрийских – 20, венгерских – 9, хорватских – 7, кавалерийских – 16, гусарских – 3,

всего – 60 тыс. человек [6. 1870. Д. 503. Л. 50; 1871. Д. 513. Л. 2, 21]. Фельдмаршал П.А. Румянцев такими силами не располагал – у него было 45 тыс. солдат. Эрцгерцог Иосиф, соправитель императрицы Марии-Терезии, зачастил на "гульбище" в Пратер, где происходило обучение солдат. Ему уже подготовили походную церковь. Иосиф делился планами с братом Леопольдом: "Если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Адрианополю, наступит время двинуть войска на Дунай и отрезать их тыловые части, что принудит их к поспешному отступлению, во время которого их армия может быть уничтожена" [5. С. 384].

Принцип христианской солидарности Вена бестрепетно принесла в жертву сиюминутным интересам и выгодам. Екатерина II была ошеломлена, узнав, что католическое величество успело заключить так называемый субсидный договор с Высокой Портой, обязавшись "путем переговоров или силой оружия" (!) добиться от России мира с возвращением Турции занятых неприятелем "крепостей, провинций и территорий". Собираясь лишить Россию завоеванного, Вена выговаривала себе, в обмен на услугу, лакомый кусок в виде Малой Валахии (до р. Алут, или Олт) и щедрую денежную субсидию в 20 тыс. кошелек по 500 в каждом – всего около 4 млн рублей [6. 1772. Д. 532. Л. 1–5].

Убедившись, что австрийского удара в спину не миновать, петербургский кабинет пошел на крупный маневр, дав согласие на раздел Польши, что раньше в его планы не входило. Внимание Вены было переключено на север, она перестала бряцать оружием в опасной близости от театра военных действий. Речь Посполитая стала разменной монетой в большой игре европейской дипломатии. Первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин заметил: "Один только польский раздел помешал Австрии обнажить меч" [7]. С тех пор преемники Панина самым тщательным образом договаривались с Веной при наступлении на юге грозовой обстановки, стремясь обезопасить российскую армию от нападения с тыла. Нет необходимости говорить, что при этом делались значительные уступки в пользу Габсбургской монархии, часто за счет балканских народов.

С Великобританией отношения были самыми добрыми на протяжении большей части XVIII в.; страны торговали ко взаимной выгоде; английские корабли бороздили океанские просторы под парусами из русского льна.

Господство на морских путях, связывавших воедино владения короны, считалось в Лондоне залогом имперской мощи и безопасности. По Утрехтскому миру 1713 г. Англия приобрела ключи к Средиземному морю – скалу-крепость Гибралтар, запиравшую выход на просторы Атлантики. "Великий сенёр", как именовали тогда турецкого султана, считался чем-то вроде сторожа Черноморских проливов и исправно исполнял эту обязанность. Османская империя была уже слишком слаба, чтобы угрожать британским морским коммуникациям.

Иное дело – быстро наращивавшая мускулы Россия. Появление андреевского флага в Средиземноморье в Англии встретили с тревогой. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. здесь восприняли настороженно: свободный проход судов (торговых!) через Босфор и Дарданеллы оценили как угрозу британским коммерческим интересам, как предвестник появления конкурента (ср. то обстоятельство, что виднейший публицист того времени князь М.М. Щербатов жаловался на существовавшее тогда положение, когда "коммерция российская передается яко в монополию одному сему народу" [8. С. 107].

Отношения между двумя странами начали скатываться в болото недоверия и подозрительности. Екатерина II отказалась поставить "пушечное мясо" для борьбы против восставших американских колоний (запрашивали англичане 20 тыс. солдат, обещая выплатить по 7 фунтов стерлингов за каждого). В инструкции британскому посланнику Гуннингу говорилось даже, "увеличение военной силы столь желательно", что за расходами Англия не постоит. Но в личном письме королю Георгу III царица "признавалась": она и заподозрить не могла, что испрашиваемое у нее "пособие" выразится в многотысячной войске, и предалась размышлениям о последствиях для

достоинства ее и России участия в "усмирении восстания", заявляя, что из чувства человеколюбия она не желает надолго отрывать солдат от России [9].

Далее события развивались по нарастающей. Британский флот блокировал американские берега, перехватывал нейтральные суда, конфисковывал по своему усмотрению, а часто и произволу, их грузы. Екатерина II сколотила Лигу вооруженного нейтралитета (1780), к которой примкнуло немало государств, и положила конец этому разбою, заставив англичан признать право свободного мореплавания и перевозки всех грузов (за исключением военной контрабанды) и обогатив по ходу дела морское право рядом важных положений.

Широкому читателю русско-турецкая война 1787–1791 гг. представляется чередой феерических триумфов солдат А.В. Суворова и матросов Ф.Ф. Ушакова. Другая ее сторона – крайнее напряжение сил и вдруг, после льстивых уверений дворов в дружбе, обнаружившаяся изоляция – остается уделом тех, кто углубляется в источники и специальную литературу. В 1788 г. к туркам присоединились шведы, напав, в третий раз в XVIII в., на Россию. В.О. Ключевский замечал в этой связи: "... Только душевно нездоровые люди, вроде короля Густава III, продолжали думать об отмстке..." [10]. Но кузен Екатерины не только думал, но и осуществил – совершенно неожиданное – вторжение в Россию. Поскольку граница оказалась оголенной, из Петербурга спешно, на почтовых лошадях, перебрасывали гвардейские части, ловили празднующихся, брали церковных причетников и из них сформировали полк, из ямщиков – другой [11. Т. 1. С. 232]. Два года ушло на то, чтобы образумить разгоряченную голову шведского родственника Екатерины II, и гул пушечной пальбы не раз доносился до Петербурга. Не успели высохнуть чернила под заключенным в Вареле мирным договором, как нависла новая, еще более серьезная угроза. Здесь нет ни нужды, ни возможности распутывать все хитросплетения тогдашней системы международных отношений; но фактом является образование враждебной России коалиции Великобритании и Пруссии. Король последней, Фридрих-Вильгельм II ("толстый Гу", по терминологии самой Екатерины II) был непрочь воспользоваться русско-турецкой войной для подрыва позиций России в континентальных делах и двинул к границе 80-тысячное войско.

Но "коренником" в союзе выступала Великобритания. Премьер-министр Вильям Питт младший стремился прервать российский натиск на Балканы. Его сторонник, лорд Белгрейв, мрачно предрекал: "Как только русские пройдут Дарданеллы, они, конечно, будут поддержаны коварными греками, и где потом кончатся их завоевания, один Бог может сказать" [8. С. 115]. Но запугать общественность взятием русскими никому неведомой крепости Очаков не удалось: уж слишком большие торговые интересы были поставлены на кон. Ораторы оппозиции именовали Очаков "заброшенным местечком", их лидер Чарлз Фокс полагал: обширность российской "территории, незначительность ее доходов и небольшая плотность населения делают ее могущество для нас совершенно неопасным".

Вопрос о войне с Россией вызвал в Великобритании серьезный политический кризис. Сперва успех сопутствовал Питту. Он добился от парламента санкции на снаряжение и отправку на Балтику мощной, в несколько десятков линейных судов, эскадры. В конце марта 1791 г. он направил в Берлин на согласование текст ультиматума двух держав России с требованием отказаться от присоединения крепости Очаков и полосы земли между Бугом и Днестром. Предусматривался жесткий, десятидневный срок его принятия, в случае отказа – война. Два двора желали перечеркнуть итоги победоносной для России войны и вернуть ее к положению *status quo ante bellum*, ссылаясь на прецеденты: на таких условиях были подписаны договоры русско-шведской и австро-турецкой (1791). Екатерина "зрела в корень", заметив в разговоре с британским представителем: "Ваш кабинет определил меня изгнать из Европы" [11. Т. 2. С. 193].

Но коса нашла на камень. Британская общественность не понимала и не принимала "войны из-за Очакова", от которой тяжело пострадали бы судоходство, промышлен-

ность, торговля. В завязавшейся "войне перьев" оппозиция одержала верх. В нее втянулся и персонал российского посольства во главе с С.Р. Воронцовым, поставляя публицистам материал, рисовавший в самом привлекательном свете выгоды от взаимной коммерции и в самых мрачных тонах – пагубу от ее прекращения. Войдя во вкус, российские дипломаты и сами сочинили брошюру, "забыв" по скромности, поставить на титульном листе свои имена. С.Р. Воронцов сообщал в Петербург: "Парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может никак поддержать никакого министра, и никто из сих последних не осмеливается начинать войну против ее видимой воли". Екатерина II торжествовала: в Лондоне "пишут на всех домах: не хотим войны с Россией" [8. С. 116–117, 119; 11. Т. 2. С. 239]. Планы тогдашних "ястребов" были сорваны, флот в буквальном смысле разоружен, ультиматум отозван с полпути, из Берлина, к немалому огорчению прусского короля Фридриха-Вильгельма II, зря пробряцавшего оружием. Россия в том же 1791 г. подписала победоносный мир с Турцией в Яссах.

Однако приобретенный в XVIII в. опыт имел непреходящее значение: войны масштаба Семилетней или за испанское наследство едва удалось избежать. За каждым шагом России впредь следили пристальнейшим образом. Доктрина *status quo* – сохранения в целостности и неприкосновенности Турецкой империи, официально не оформленная, тем не менее начала свое долгое, почти столетнее существование. Ее поборниками выступали Великобритания и Австрия, противником – то открытым, то тайным – Россия. В правозащитной системе Европы XIX столетия доктрина имела свою политическую нишу. Правда, Османская империя формально не являлась участницей Венской системы договоров 1814–1815 гг. системы, которая, сколь бы критически мы к ней не относились как к консервативной и монархической, в определенной степени отражала существовавшие реалии, сложившееся равновесие сил и на протяжении сорока лет поддерживала мир на континенте. Турецкая держава отвечала принципам легитимизма, династия Османов насчитывала более полутысячи лет правления и фактически на нее распространялось положение о неприкосновенности сложившихся границ.

В треугольнике соперничества на Балканах: Великобритания – Австрия – Россия, царскому двору приходилось считаться не только с раскладом сил, но и примирять идеологические принципы с государственными интересами, заключающимися, в частности, в подрыве власти Османской империи над православными народами и поддержке их освободительного движения. Выход был найден в отказе от территориальных захватов, в курсе на образование в регионе автономных государственных образований без формального их вычленения из состава Османской державы. Русско-турецким войнам, а их в XIX столетии произошло четыре, предшествовала многомесячная дипломатическая подготовка с целью предотвратить "постороннее" вмешательство в них. И.С. Достян удачно заметила, что в войну 1828–1829 гг. Россия вступила с готовым мирным трактатом [12]: все его важнейшие постановления были обговорены и согласованы; российские уполномоченные поставили подписи под тремя международными актами, свидетельствуя свой отказ от предъявления Турции в Европе территориальных притязаний (один из них вошел в историю дипломатии под названием "протокола о бескорыстии"). Обязательство России "не удерживать за собой ни одну из занятых областей" парализует попытки интервенции, полагал вице-канцлер К.В. Нессельроде [13]. Серьезные трения с другими европейскими державами имели место, но открытого столкновения удалось избежать. Адрианопольский мир принес Сербии утверждение самоуправления, Дунайским княжествам – расширение и упрочение автономии, а перед Грецией открыл путь к независимости.

Международное положение России представлялось прочным. Видная исследовательница балканских проблем Б. Елавиц усматривала преимущество России в том, что она, едва ли не единственная из континентальных держав, после 1815 г. не имела территориальных претензий к соседям и не вынашивала грандиозных планов, усматривая в этом трудность, почти что невозможность образовать против нее общеевропейскую коалицию [14].

Подобных же притязаний, а, стало быть, и поводов для развязывания конфликтов, в Европе насчитывалось немало. Зрели предпосылки объединения Германии (что предвещало австро-прусскую схватку) и Италии (что вело к столкновению с той же Австрией); Франция жаждала "залечить" нанесенные ей на Венском конгрессе раны и расширить границы; бельгийцы добивались отделения от Нидерландского королевства; над датско-прусскими отношениями нависла туча из-за Шлезвига; норвежцы отнюдь не добровольно вошли в состав Швеции. Казалось бы, при наличии многих точек соперничества сколотить коалицию против России невозможно. И все же – в первый и последний раз на протяжении столетия – Британии удалось образовать такой союз. Император Наполеон III спешил утвердить свой трон и династию впечатляющим внешнеполитическим успехом, а более желанного триумфа, нежели отмщение России за катастрофу "великой армии" его дяди, Наполеона I, придумать было трудно. В результате Англия заполучила прекрасную французскую пехоту, без которой соваться на российские просторы представлялось по меньшей мере неблагоприятно. Царь Николай I не верил, что ему придется воевать с двумя "морскими державами" сразу, но это свершилось.

Еще больший сюрприз ожидал российского самодержца со стороны Австрии. До самого момента отречения Николай I пребывал в тенетах догм Священного союза и в уверенности, что узы монархической солидарности нерушимы. О степени возмущения и горечи, его охвативших, свидетельствуют царские пометы на полях неутешительных донесений дипломатов о готовности Вены примкнуть к западным державам: "??? Не верю!", и нелестные эпитеты по адресу канцлера К.Ф. Буоля (по французски и по-русски): "Каналья!!", "Мерзавец!!!", "Негодяй!!!" [15]. Оставалось или сдать позиции без боя, или шагнуть в пропасть войны. Николай I предпочел последнее.

Повторять трагическую ошибку отца и оказаться лицом к лицу с новым вариантом "крымской коалиции" Александр II опасался больше всего. "Крымский синдром" преследовал его десятилетиями. Отечественная дипломатия, возглавляемая А.М. Горчаковым, решительно выступила из тени Священного союза и занялась отстаиванием государственных интересов. Вершиной ее успеха явилась отмена самого тяжелого и унижительного условия Парижского договора 1856 г. – запрета на содержание военного флота на Черном море (1870–1871), причем и сам канцлер, и посол в Лондоне Ф.И. Бруннов блеснули дипломатическим мастерством, добившись санкции европейского ареопага на единолично принятое Александром II решение. Ни одна из держав, за исключением Пруссии, своего согласия заранее не давала, да и О. Бисмарк, связанный обещанием поддержать акцию царя и Горчакова, громко ворчал, заявляя, что она преждевременна и вопросом следует заняться после франко-прусского примирения. Собравшимся в Лондоне на конференцию по этой проблеме послам было важно показать, что они не под петербургскую дудку пляшут, а самостоятельное решение принимают. Ф.И. Бруннов же должен был продемонстрировать, что воля императора непреклонна и пересмотру его решения не подлежит. Долговязый и неуклюжий Филипп Иванович проявил дипломатическую гибкость и ловкость, сумев перебросить мостик через разделявшие Россию и "Европу" разногласия и по нему "пробрался" к компромиссу. Все же конференция постановила, что впредь все вопросы, имеющие общеевропейское значение, должны решаться с общего согласия.

Восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии поставили царя и его окружение перед вопросом: а стоит ли браться за оружие? С нелегким сердцем был дан положительный ответ. В Зимнем дворце и на Певческом мосту знали, о чем не подозревала общественность: существовали принятое перед Австро-Венгрией обязательство не допускать образования на Балканах большого славянского государства, а также согласие на оккупацию ее войсками Боснии и Герцеговины, т.е. областей, первыми поднявшихся на борьбу – вошедшее черной страницей в историю войны [16. С. 189]. Развивая опасения соперников, А.М. Горчаков заявил, что захват Константи-

нополя в российские планы не входит, а статус Черноморских проливов может быть определен по взаимной договоренности держав (в совете которых Россия неизменно пребывала либо в полной изоляции, либо в меньшинстве). Уже накопленный опыт подсказывал: обретая связанные с суверенитетом прерогативы, новые государства на Балканах проявляли явную тенденцию к самостоятельности при проведении внешней и внутренней политики и тяготились опекой России. Посол в Лондоне П.А. Шувалов вопрошал: ради чего вести войну? ради князей, которые "не слушаются"? [4. 1877. Д. 71. Л. 258].

Но смириться и воздержаться от вооруженного вмешательства в кризис значило расписаться в собственном бессилии, самым подорвать свои позиции и невольно подпереть шатающееся здание Османской империи. Громадным было влияние морального фактора. Формулу российско-балканских отношений нельзя выводить, исходя только и просто из государственных интересов. Весы истории российско-балканских связей выравниваются лишь в том случае, если мы бросим на их чашу то, что украшает венец общечеловеческих ценностей: дружбу, солидарность славянских народов, общность православной религии, традиции совместной борьбы.

Война велась на трех фронтах – балканском, кавказском и дипломатическом. Австро-венгерский канцлер Д. Андраши ни в малой степени не считался с достигнутой с Россией договоренностью о нейтралитете и счел излишним даже информировать о ней посла в Лондоне Ф. Бойста, который вел на Даунинг стрит переговоры о противодействии Петербургу. Правда, стороны никак не могли прийти к согласию, кому же выступать первым. Д. Андраши опасался, как бы Джон Буль, втавив Вену в конфликт, не отсиделся на своем острове (сам канцлер уподобил Великобритании и Россию акуле и волку, которые могут показать друг другу зубы и удалиться каждый в свою стихию, Австрии же в случае столкновения с Россией деваться некуда) [17. 1979. № 6. С. 119].

Британская дипломатия "преследовала" российскую армию по пятам, осыпая ведомство Горчакова протестами. Свой нейтралитет Уайт-холл снабдил столькими оговорками, что протестовать можно было ежедневно, и Петербургу оставалось только диву даваться изощренности британского ума: военные действия не должны были угрожать Суэцкому каналу, Египту, Персидскому заливу, Черноморским проливам и Стамбулу. П.А. Шувалов тщетно "убеждал" руководителя Форин оффис Э. Дерби, что Россия и в мыслях не имеет нападать на Египет и "угрожать" Суэцкому каналу, охраняемому мощной эскадрой, ей просто нечем. Но тот продолжал изображать страх перед двумя российскими канонерскими лодками, крейсировавшими в Индийском океане, и небольшой флотилией, стоявшей в Сан-Франциско. "Это выходит за пределы здравого смысла!" – гласила помета Александра II на одной из депеш Шувалова [4. 1877. Д. 71. Л. 341–342; Д. 70. Л. 270, 307–308].

Премьер-министр Б. Дизраэли (графу Биконсфилду) и самой королеве Виктории "русская угроза" мерещилась за каждым углом. Они возглавляли воинственную часть британской общественности. Измотанный в борьбе с ними П.А. Шувалов жаловался на существование "некоего заговора полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в политического клоуна". Виктория, по его словам, "впала в безумие" от ненависти к России [4. 1877. Д. 71. Л. 384; 1878. Д. 80. Л. 393]. Когда же российская армия в ходе победоносного наступления приблизилась к проливам – пробил их час. Несмотря на русско-турецкое перемирие и невзирая на протесты султана, эскадра адмирала Хорнби (семь броненосцев и фрегат) вошла в Дарданеллы и Мраморное море (начало февраля 1878 г.). Это событие было столь серьезным, что Александр II срочно вызвал Горчакова в Царское Село телеграммой, написанной, вопреки обыкновению двора, по-русски: "Так важно, что я желал бы знать твое мнение прежде чем ответить" [4. 1878. Д. 80. Л. 55].

Решено было не пасовать перед британским шантажом и пригрозить занятием Стамбула. Угроза не подействовала и, подобный шаг сочли слишком рискованным. Возник "промежуточный" вариант: занять высоты, господствующие над Босфором,

чтобы в случае необходимости помешать прорыву эскадры Хорнби в Черное море. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, приказа не выполнил. Телеграф молчал двенадцать дней. Наконец, он отправил брату докладную записку: "Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией в то время, как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны" [18]. А между строк читалось предостережение опытного военного – не играть с огнем. Противостояние российских войск на берегу и британского флота в водах продолжалось несколько месяцев.

Николай Николаевич был освобожден от должности, разумеется, по "собственной просьбе" и для поправки расстроенного здоровья. Назначенный ему на смену герой обороны Севастополя генерал Э.И. Тотлебен солидаризировался с мнением своего предшественника и полагал, что нехватка тяжелой артиллерии вообще ставит под сомнение возможность воспрепятствовать прорыву сил адмирала Хорнби в Черное море [19].

В исторической литературе и поныне встречаются утверждения, умаляющие степень опасности со стороны Англии, например: "Сухопутными войсками она не обладала, а ее флот не мог нанести России сколько-нибудь серьезного ущерба" [16. С. 194]. Мог, и даже очень. Все российские порты были открыты для его ударов. Отечественный флот находился в полном упадке: эпоха парусных кораблей миновала, они, по словам генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, годились разве на дрова: построить же паровые броненосные суда не хватало средств. В строю числился один-единственный (!) броненосец "Петр Великий"; самоходные бронированные батареи ("поповки"), числом две, на Черном море в счет не шли, сопротивляясь семи машинам Хорнби они были не в состоянии.

Важно подчеркнуть и другое: появление британских кораблей у любого принадлежавшего России участка побережья, будь то Черного, Балтийского, Белого, Охотского морей, побуждало концентрировать здесь войска для противодействия возможному десанту и отвлекать их от основного театра войны. Показательно в этом смысле в целом неудачные для англичан и успешные для русских кампании 1854–1855 гг. на Балтике. Атаку на Аландские острова удалось отбить; разрушение малой крепости Бомарзунд – это все, чем мог похвастаться адмирал Ч. Нэпир. Но чтобы воспрепятствовать высадке союзников (дивизии генерала Барагэ д'Илье, 10 тыс. штыков), на побережье в 1854 г. сосредоточили целую армию: в районе Петербург – Кронштадт – 80 тыс. человек, Свеаборга – 80 тыс., в низовьях Западной Двины – 40 тыс. плюс 70 тыс. человек постоянного гарнизона, всего – 270 тыс. человек. В следующем году численность войск довели до 300 тысяч. Вот что означала британская морская мощь! Защитникам Севастополя и во сне не снилась такая сила на главном театре войны! "Мы видим, – отмечал Е.В. Тарле, – как ничтожно было сравнительно с этой огромной, по тем временам, армией, то войско, которое было выделено для обороны Севастополя и защиты Крыма" [20].

Неудивительно, что весной 1878 г. высокопоставленные военные поскромнели и дружно переключивали на плечи дипломатов задачу восстановления мира. Сам министр Д.А. Милютин призывал не рисковать новой войной против половины Европы, она "не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать "достоинство" России" [21. С. 35].

Кабинеты Лондона и Вены настаивали на созыве конгресса держав-участниц Парижского мира 1856 г. Британский меморандум от 13 марта 1878 г. гласил: "Каждая статья договора между Россией и Турцией будет представлена конгрессу не обязательно для принятия, но с целью рассмотрения, какие статьи требуют принятия или согласования с несколькими державами, а какие нет" [17. 1980. № 1. С. 108]. Маневры А.М. Горчакова, пытавшегося ограничить сферу компетенции форума положениями, имевшими общеевропейскую значимость, успехом не увенчались. Намечаемую встречу трио Дизраэли – Солсбери – Андраши собиралось превратить в

судилище над победителем. Тон их становился все более безапелляционным, они требовали представить им на "суд и расправу" весь текст прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора: "Никакое изменение существующего положения вещей, – гласило сообщение британского посла в Петербурге от 8 марта 1878 г., – ранее установленного договорами, не будет считаться имеющим силу, пока оно не будет признано державами" [4. 1878. Д. 58. Л. 62, 234–239; Д. 81. Л. 121]. Сравнительно миролюбивого Э. Дерби отстранили от руководства иностранными делами: он полагал, что ради спасения распадавшейся Османской империи не стоит затевать с Россией войну. Первый же сочиненный его преемником маркизом Р. Солсбери меморандум П.А. Шувалов назвал "инструментом войны". При личном объяснении дипломатов покинула предписываемая протоколом сдержанность: Р. Солсбери посоветовал русским "сидеть смирно"; П.А. Шувалов заметил, что успокоиться надо англичанам, не посылать броненосцы на рейд Стамбула и прекратить "ежедневные сюрпризы в виде мобилизации и циркуляров" [22]. Близкая к кабинету британская пресса всю занималась подстрекательствами, изображая "почти безнадежное состояние России".

Загнанная в угол изоляции, Россия попыталась расколоть фронт оппонентов, договорившись с одним из них. Монархическая слепота труднее всего поддается лечению, вера в солидарность консервативных дворов не покидала царя и канцлера. "... Союз трех императоров более чем когда-либо является ключом к миру", – полагал А.М. Горчаков [4. 1878. Д. 81. Л. 379].

Первый зондаж решили произвести в Вене, послав туда Н.П. Игнатьева. Его миссия закончилась полным провалом. Граф Д. Андраши настаивал на разделе Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, переходе под власть Габсбургов стратегически важного острова Ада-Кале на Дунае, на сокращении согласованных с ним же ранее территориальных приобретений Черногории, на праве построить через Сербию железную дорогу. По словам Н.П. Игнатьева, Австро-Венгрия собиралась заполучить "без выстрела и усилия все выгоды политические, военные и экономические, могущие сделаться ее достоянием лишь после войны не только с Турцией и с нашими единоверцами, но и с нами", "помешать самостоятельному развитию не только Сербии и Болгарии, но и Черногории", обратить "сербское племя" "в вассальное владение короны св. Стефана" [23].

А события торопили. В конце февраля Д.А. Милютин в предвидении столкновения с Габсбургской монархией приказал отвести из действующей армии все гвардейские части, гренадерский корпус и некоторые другие соединения – всего пять пехотных, три кавалерийских дивизии, одну стрелковую и одну саперную бригады. К лету у Э.И. Тотлебена оставалось, по его подсчетам, всего 100 тыс. штыков и сабель. У оправившихся от испуга турок насчитывалось 160 тыс., к которым могли присоединиться, предположительно, до 70 тыс. англичан [17. 1980. № 1. С. 172].

Не двух с трудом наскребаемых Дизраэли корпусов опасались в русской ставке. Лишь такой профан в военном деле и склонный к экзальтическим порывам человек, как британский премьер-министр, по второй своей ипостаси – писатель-романтик, мог строить планы вторжения в Россию. Пугала морская мощь Великобритании, способность ее флота наносить удары на Черном и Белом морях, на Балтике и в Тихом океане, неистощимость ее финансовых ресурсов, возможность "мастерской мира" производить вооружения в любых количествах. Конец вероятной войны с нею не проглядывался даже в дымке десятилетий. Оставалось стучать в лондонские двери, – иного адреса для поисков мира не существовало. Н.П. Игнатьев на эту роль не годился, Уайт-холл не желал вести дела с творцом Сан-Стефанского мира. Иное дело П.А. Шувалов – общительный, словоохотливый, обаятельный, превосходно ориентировавшийся в обстановке, лавировавший и в министерских кабинетах, и в "свете", обладавший особым даром раздобывать секреты (быть может, прежняя должность шефа жандармов способствовала?). В гостиных его называли "графом Шу" (а, например, никому и в голову не приходило именовать Ф.И. Бруннова, прошедшего

в Англии три десятка лет, "бароном Бру"). И все же он долго не мог установить контакт с Солсбери. Помощь пришла с неожиданной стороны. "Граф Шу" заметил, что министры ее величества ведут себя гораздо раскованнее на верховых прогулках, нежели в официальных кабинетах. Случилось ему встретиться с Солсбери в Гайд-парке. Джентльмены в знак приветствия приподняли цилиндры. Завязалась беседа. По тону министра посол пришел к выводу, что дело не так уж безнадежно. Он запросил и получил разрешение на вступление в переговоры. "Первые две встречи – очень плохи", – телеграфировал он. Последующие ему показались лучше [4. 1875. Д. 81. Л. 147–152]. В итоге их был выработан меморандум, предопределивший, в общих чертах, решения Берлинского конгресса. П.А. Шувалов не подозревал, что подписывая бумагу, он ставит крест на своей карьере – общественность не простила ему сделанных уступок...

Нам уже приходилось высказывать следующее мнение: суд истории и суждение современников – вещи разные и часто не совпадающие; последнее нередко формируется под влиянием момента, возбужденных военными успехами надежд и горечи от их стремительного и неожиданного краха [24]. Так случилось и на сей раз: о тяжести принятых Россией по Будапештской конвенции 1877 г. обязательств, о смиренной рубашке, вынужденно надетой на планы мирного урегулирования, не знал даже посол в Лондоне П.А. Шувалов. Но град камней обрушился на незадачливую дипломатию, упустившую плоды побед, которая, как витийствовал златоуст славянофилов И.С. Аксаков, сорвала с России "победный венец", заменив его "шутовской с гремушками шапкой" [25]. Мы не разделяем точку зрения, будто в Берлине Б. Дизраэли, Р. Солсбери и Д. Андраши учинили над своими оппонентами нечто вроде дипломатических Канн. Да, тем пришлось плохо: самозванный "беспристрастный маклер", князь О. Бисмарк, ограничил свою роль тем, что открывал заседания и удалялся со сцены, оставляя А.М. Горчакова (старого и утратившего прежнюю энергию), П.А. Шувалова, поневоле принимавшего основные удары на себя (ибо третий уполномоченный, П.П. Убри, в счет не шел по причине полной безликости), на растерзание упомянутой англо-австрийской тройцы. Французы еще не оправались от разгрома 1871 г. и, что называется, сидели смирно, итальянцы "при сем присутствовали" – с их мнением мало считались.

И все же англо-австрийскому большинству пришлось наступить на горло собственной песне и молчаливо смириться с концом доктрины *status quo*. Международное признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, восстановление, после пятисотлетнего перерыва, Болгарской государственности знаменовали судьбоносный перелом в истории Балкан. Отныне развитие региона определяла (и тормозила) не Османская империя, а национальные государственные образования. Вполне правомерно в связи с этим суждение А.Л. Нарочницкого: "Западным державам удалось лишь ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов" [26].

История отделила здоровые зерна в решениях Берлинского конгресса от плевел. Мрачная их сторона определялась позицией Великобритании и Австро-Венгрии, настоявших на оккупации Боснии и Герцеговины и разделе Болгарии. Но переломить ход истории не удалось и им. Отчленение от Болгарского княжества его южных земель выглядело противоестественно в глазах многих современников. Д.А. Милютин выражал убеждение, что долго так продолжаться не может, и "образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения болгарского народа в одно самостоятельное государство" [21. С. 69–70]. Военный министр не ограничивался тем, что поверял свои мысли бумаге, он действовал: в болгарское войско вступили многие русские офицеры, российская армия оставила в княжестве запасы оружия, в Восточной Румелии получили распространение гимнастические общества, под ширмой которых готовились военные кадры. Прошло семь лет, и объединение "двух Болгарий" свершилось.

Совсем неутешительными обернулись итоги войны для официальной России. Она

вернула Южную Бессарабию, загладив тем самым последние следы крымского поражения, в Закавказье присоединила Карс, Ардаган и Батум с прилегающей территорией. Но не оправдались расчеты на расширение российского влияния в балканском регионе. Напротив, оно покатилося по наклонной. Упрочившие свои позиции христианские государства целеустремленно осуществляли самостоятельный политический курс. Самовластные замашки и менторские ухватки Александра III способствовали тому, что произошло противоестественное и вредное для обеих сторон событие – разрыв отношений между Россией и Болгарией. Последняя серьезная опора в регионе оказалась утраченной. Османская империя перестала быть определяющим фактором в Юго-Восточной Европе, эта роль перешла к добившимся независимости христианским государствам. Самодержавию пришлось еще раз убедиться, что дипломатия является наукой о возможном, а не искусством добиваться желаемого. Лимит, отпущенный историей на русско-турецкие войны XIX в. подошел к концу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wirthwein W.G.* Britain and the Balkan Crises 1875–1878. New York, 1935. P. 15.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Посольство в Лондоне, 1876. Д. 426. Л. 24.
3. *The Times*. 1877. 29 I.
4. АВПРИ. Ф. Канцелярия.
5. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1995. Кн. 14.
6. АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией.
7. *Гендель Г.М.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1947. Т. XVII. С. 199; Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1885. Т. 37. С. 459.
8. *Станиславская А.М.* Англо-русские отношения в к. XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории. М., 1957. Вып. 12.
9. Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1876. Т. 19. С. 477, 502.
10. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 502.
11. *Петров А.Н.* Вторая турецкая война на царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880.
12. *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 326.
13. Внешняя политика России XIX – нач. XX в. М., 1992. Т. 15. С. 219–220.
14. *Jelavich B.* St. Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy. Bloomington; London, 1974. P. 446.
15. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1292. Д. 6. Л. 73, 74, 80.
16. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997.
17. *Виноградов В.Н.* Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история.
18. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. С. 114–115.
19. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878. М., 1978. С. 39.
20. *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 456–457.
21. Дневник Д.А. Милютин. М., 1950. Т. 3.
22. *Pall Mall Gazette*. 1878. 15 VI.
23. После Сан-Стефано. Записки гр. Н.П. Игнатъева. Пг., 1916. С. 38–40.
24. *Виноградов В.Н.* Берлинский конгресс 1878 г. перед лицом истории // Великие силы Балканите в ново и най-ново време. София, 1885; *Vinogradov V.N.* The Berlin Congress of 1878 and the History of the Balkans // Insurrections, Wars and the Eastern Grises in the 1870. New York, 1985.
25. *Аксаков И.С.* Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин, 1878. С. 8, 20.
26. *Нарочницкий А.Л.* Берлинский конгресс, Россия и южные славяне // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83.

© 1998 г. КАЛИГАНОВ И.И.

К XII Международному съезду славистов

БОЛГАРО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МНЕНИЙ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)

Задача данной статьи состоит не в обзоре научных работ, посвященных отдельным литературным памятникам, мигрировавшим на Русь из Болгарии в эпоху Средневековья. В славистике их накопилось огромное количество, и даже простой их перечень занял бы здесь неоправданно большое место. Цель этой работы заключается в попытке вскрыть основные проблемы и методологические аспекты разысканий в названной области палеославистики, в отыскании наиболее эффективных направлений самого исследовательского процесса и определении стратегических целей, которые представляются нам самыми важными¹.

Основные вопросы, которые встают перед учеными, обращающимися к проблематике болгаро-русских литературных средневековых связей, напрашиваются сами собой. Каков был действительный объем древнеболгарского письменного наследия и какая его часть проникла в древнерусскую рукописную традицию? Какова периодизация этого проникновения? Каким образом это сказывалось на древнерусской литературе? Сложность и многоаспектность данной темы принуждает автора излагать свою точку зрения в виде развернутых тезисов, каждый из которых подкрепляется его аргументацией в случае несогласия с позицией других ученых.

I. Сведение Ф. Томсоном гипотетического общего репертуара переводной болгарской книжности IX–X вв. к наличности средней византийской монастырской библиотеки (типа книгохранилища обители св. Иоанна Предтечи на Патмосе) и мнение ученого об исключительно религиозном характере [1] репертуара этой книжности не могут быть приняты по нескольким причинам: а) материальные возможности Болгарского государства и церкви как заказчиков, благодаря которым создавался национальный фонд переводной славянской книжности, были несоизмеримо выше мате-

Калиганов Игорь Иванович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Основные положения этой статьи были изложены в виде доклада на Международном симпозиуме "Аспекты балканской культуры XIV–XIX вв." в Миланском университете (май 1996 г.).

риальных ресурсов упомянутого монастыря; б) в период завоевательных войн болгарского царя Симеона (893–927) после захвата византийских городов в руки победителей попадали греко-византийские рукописи не только религиозно-аскетического, но и светского содержания; в) получивший светское образование в Константинополе царь Симеон (он обучался в знаменитой Магнаврской школе), стремившийся во всем подражать византийским василевсам, несомненно, не ограничивался чтением только религиозно-аскетической литературы; г) недавние открытия Д.М. Буланина, установившего факты перевода в Болгарии IX–X в. греческого философского трактата "Энхиридион" и светского "Письма Сосипатра Аксиоху" [2], являются яркими свидетельствами реального существования болгарской светской переводной литературы в древнюю эпоху.

II. Бытующее в славистике, начиная с Н.К. Гудзия [3], представление о преимущественно церковно-религиозном характере древнеболгарской литературы IX–X вв. и попытка объяснить этот феномен как результат книжной самоцензуры Болгарии, которая якобы доказывала чистоту своей христианской веры Византии, чтобы добиться церковной самостоятельности [4], вряд ли соответствуют исторической действительности. Древняя болгарская переводная книжность дошла до нас преимущественно в русских списках XII–XIII и более поздних веков. Не исключено, что завоевание Византией Болгарии во второй половине X – первых десятилетиях XI в. привело к византийской ревизии болгарской переводной книжности на предмет устранения из нее источников "ересей" и "дьявольской гордыни": претензии Болгарии стать доминирующей на Балканах военной и политической силой; восставание ее на свою "крестную мать" Византию; поставление собственного болгарского патриарха, несмотря на длительное сопротивление Константинополя. Урок, извлеченный Византией из развития отношений с Болгарией, впоследствии не прошел даром, и в новокрещенную Русь через византийское церковное "сито" (в первые русские митрополиты поставлялись греки, присланные из Константинополя) попадала главным образом религиозно-аскетическая болгарская переводная литература.

III. Термин "трансплантация" применительно к переносу болгарских литературных памятников на русскую почву после введения христианства на Руси (Д.С. Лихачев) [5] с самого начала вызывал у нас внутреннее несогласие. Позаимствованный из области медицины, делающей в 70-е годы успехи в пересадке сердца, этот термин неточно и неверно отражает процесс движения переводных и оригинальных литературных памятников со славянского юга на восток. (Согласно концепции Д.С. Лихачева, "все или почти все, что было создано в Болгарии в IX–X вв., стало известно на Руси после ее крещения".) Употребление подобного термина заведомо предполагает наличие "донора" (Болгарии) и "реципиента" (Руси) – двух пассивных объектов, и "хирурга" – активного субъекта, т.е. фактически Византию. Его использование практически означало бы исключение активности русской воспринимающей стороны, да и возможности болгарской миссионерской роли тоже.

IV. На концепцию "трансплантации" работает гипотеза об одномоментном переносе на Русь библиотеки болгарского царя Симеона целиком. Активным ее сторонником недавно выступил А.А. Турилов, утверждающий, что "в любом случае не позднее последнего десятилетия X в. она (библиотека. – И.К.) уже находилась в Киеве" [6. С. 33]. Категоричность такого утверждения является неоправданной, тем более, что в качестве одного из главных доводов в его пользу становится ссылка на устное мнение А.А. Алексеева о привозе Симеоновой библиотеки на Русь в результате похода князя Святослава на славянский юг в 971 г. Допускается, правда, и вероятность того, что находившаяся в Преславе библиотека царя Симеона стала трофеем завоевавшего Восточную Болгарию византийского императора Иоанна Цимисхия, а затем попала на Русь в качестве приданого византийской принцессы Анны, выданной замуж за русского князя Владимира I. По данному вопросу в славистике давно высказывались подобные предположения [7] и, кроме упомянутых двух путей, здесь можно добавить такие факты, как брак русского князя Всеволода Ярославича с византийской прин-

цессой (1042–1052) [8], миграция болгарских книжников в период завоевания Болгарии в 1001–1014 гг. византийским императором Василием II и др. [9].

В целом, здесь уместно вести речь не о *всей* Симеоновой библиотеке, якобы разом попавшей на Русь, а об отдельных, генетически связанных с этой библиотекой болгарских кодексах. Время их проникновения на русскую почву остается проблематичным. Так, например, знаменитое Учительное Евангелие Константина Преславского с миниатюрой, изображающей болгарского князя Бориса-Михаила, известное в русском списке XII–XIII вв., или Слово Ипполита Римского об Антихристе с "портретом" царя Симеона, сохранившееся в русском списке XII в., могли быть изготовлены в афонском монастыре Ксилургу (существование в котором русской колонии с 1071 г. отмечает и сам А.А. Турилов) с болгарских протографов, находившихся в Зографской обители. Причем, не исключено, что в руки русских копиистов попали не "парадные" экземпляры древних кодексов из Симеоновой библиотеки, а их более поздние, скромные списки, хотя и со скопированными из первоисточников миниатюрами. Такими были, в частности, протографы знаменитого русского Изборника Святослава 1073 г., представлявшие собой две скромные, лишенные украшений рукописи небольшого формата [10].

Тремя указанными кодексами исчерпываются фактические материалы, которыми оперирует А.А. Турилов в поддержку гипотезы о "трансплантации" Симеоновой библиотеки в Киев в конце X в. Если разделить точку зрения о наличии готового фундамента из переводной и оригинальной болгарской литературы IX–X вв., "трансплантированного" на Русь сразу же после ее крещения, то остается только посочувствовать умственной лености и интеллектуальной инертности русских, располагая огромным количеством славяно-византийских литературных образцов, подвиглись на создание первых оригинальных произведений древнерусской литературы лишь спустя полвека или даже более (Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона, написанное между 1037–1050 гг.). Вероятнее всего, процесс перенесения на Русь после ее крещения памятников переводной и оригинальной болгарской литературы IX–X вв. осуществился не разом, а растянулся на многие десятилетия, происходил постоянно, хотя и с неизбежными неодинаковыми по длительности паузами, и распадался на множество независимых друг от друга эпизодов с участием болгарской, русской и византийской сторон, как вместе, так и порознь, или в различных комбинациях этих сторон [11]. К аналогичному выводу пришел и Ф. Томсон, пишущий следующее: "Каким образом византийская культура в той ее славянской форме, в какой она была получена Болгарией, была перенесена в Киевскую Русь, остается загадкой из-за отсутствия свидетельств в исторических источниках. В их молчании, возможно, нет ничего удивительного, поскольку перенесение не вызывалось какими-либо великими событиями, а представляло собой длительный незаметный процесс, который временами становился более интенсивным, но никогда не прерывался" [12].

V. Ошибочной можно считать *концепцию единства в развитии древнеславянских литератур православного региона и возможности создания их единой истории до XVI в.* (Д.С. Лихачев) [13]. То самобытное и оригинальное, что рождалось в литературах болгар, русских и сербов, возникало при принципиально различных исторических, политических и культурных обстоятельствах. Не совпадают не только хронологические отметки, с которых начиналось самостоятельное литературное творчество в трех названных странах (Болгария – конец IX в., Русь – середина XI в., а Сербия – рубеж XII–XIII вв.), но и имевшиеся у них стартовые возможности. Русские книжники ко времени написания собственных оригинальных сочинений могли уже опираться на созданные в Болгарии славяно-византийские литературные образцы, а первые сербские писатели располагали не только последними, но частично усвоили и русский литературный опыт XI–XII в. Различными в период зарождения оригинальных литератур в Болгарии, на Руси и в Сербии были степень централизации государства, взаимоотношения государства и церкви, характер соотносительности национальных церковных институтов с Константинопольским патриархатом, число местных книж-

ников, владевших греческим языком, осознание болгарами, русскими и сербами своего места в христианском и славянском мире и др. Потому-то первые оригинальные литературные памятники в трех указанных странах столь непохожи друг на друга даже при наличии у них известного типологического сходства.

Концепция Д.С. Лихачева строилась на выводе о приблизительно одинаковом составе памятников в средневековых литературах Болгарии, Сербии и Руси, но она не подкрепляется совокупностью реально существующих фактов. Огромный корпус греко-византийских памятников общехристианского содержания, переведенных в Болгарию и перешедших к русским со славянского юга (и представленных в значительно меньшей мере в Сербии по той простой причине, что сербы в конце XII–XIII в. могли пользоваться книжными сокровищами Афона, где тогда уже существовали болгарский Зографский, русский Пантелеймонов и сербский Хиландарский монастыри), не уравновешивался русским и сербским вкладами в литературу Болгарии XI – первой половины XV в. Усматривать, следовательно, наличие некоей единой "системы" в развитии древних литератур Болгарии, Сербии и Руси [14] будет явным преувеличением. Понятие "система" предусматривает взаимосвязанность основных образующих ее частей и такое гибкое их взаимодействие, при котором изменение функционирования одной из них неизбежно влечет за собой замедление, ускорение или сбой в работе других ее частей. Подобные процессы в развитии древних литератур болгар, русских и сербов не наблюдаются.

VI. Воспринявший идею Д.С. Лихачева о возможности создания общей истории литератур болгар, русских и сербов до XVI в. включительно А.В. Липатов распространил ее и на западнославянские литературы, занявшись разбивкой литератур на "общности", "макрорегионы", "регионы" и "подрегионы" с "общей периодизацией" [15]. Хронология существования этих регионов и сами принципы их выделения вызывают у нас серьезные возражения. Опираясь, в частности, двумя критериями – конфессиональная ориентация на Рим или Константинополь и наличие параллелизма письменностей латинская/славянская, А.В. Липатов безоговорочно зачисляет Болгарию в гомогенный регион [15. С. 76], забывая о возможности параллелизма письменностей греческая/славянская.

После введения в Болгарию христианства там почти три десятилетия (865–893) господствовала греческая письменность, которая вслед за переходом к славянскому богослужению, разумеется, не была уничтожена, а определенным образом соотносилась со славянской. Еще большая "гетерогенность" имела место в болгарских землях в период византийского ига (XI–XII вв.), когда грекоязычная литература пришлых византийцев и литература, создававшаяся на славянском языке на периферии, представляли собой неразрывный симбиоз и образовывали единое "литературное поле" [16]. Непонятно также, почему в предлагаемой схеме не учитывается "гетерогенность" средневековых центров славяно-византийского общения – Афона и Константинополя. Итак, критерий сосуществования письменностей неславянская/славянская при проверке конкретикой оказывается несостоятельным. Крайне уязвим и критерий конфессиональной ориентации на Рим или Константинополь, ибо до XII в. содержание корпуса латинских и греческих памятников, известных южным, западным и восточным славянам, было схожим и реального культурного разделения на "Pax Latina" и "Pax Orthodoxa" еще не было [17]. Слависты, в том числе и итальянские, не используют эту терминологию Р. Пиккио по отношению в древнейшем периоде. Более уместным представляется здесь употребление нейтрального понятия "Slavia Christiana" [18].

По нашему глубокому убеждению, вскрыть закономерности развития и взаимодействия древних славянских литератур можно не посредством втискивания их в прокрустово ложе "общей периодизации" [15. С. 76–77; 19], а благодаря тщательному структурно-типологическому анализу всей совокупности конкретных славянских литературных материалов. Чрезвычайно важен здесь и учет общих греко-византийского и латинского литературных фонов.

VII. С концепцией "трансплантации" Д.С. Лихачева неразрывно связано положение о явлении "приживления" средневековых литературных памятников, попадавших к славянам из Византии или со славянского юга на Русь. Согласно указанному положению, "приживление" заключалось в том, что произведения при перенесении в новую среду претерпевали определенные изменения, выливавшиеся в создание новых редакций, сокращение или расширение материалов протографов, приобретение новых смысловых нюансов и т.п. Отсюда логически следовал вывод об отсутствии четких границ между литературой переводной и литературой оригинальной, между создателем византийского произведения и славянским переводчиком этого произведения, между болгарским переводчиком и переписывавшим и переделывавшим его перевод русским книжником.

Эти рассуждения с незаметной подменой понятий можно выразить следующим уравнением: условный византийский памятник литературы → перевод его в Болгарии с "приживлением" = памятник болгарской переводной литературы = памятник оригинальной болгарской литературы → переписывание его на русской почве с "приживлением" = памятник оригинальной литературы Древней Руси (ведь переводным этот памятник на Руси вроде бы считаться не должен, ибо его переложили в Болгарии на славянский язык, понятный древнерусским копиистам без всякого перевода). В лучшем случае подобный памятник именуется памятником болгарской литературы (без уточнения – оригинальной или переводной. – И.К.), но если называть его таковым, то в результате приходишь к парадоксальному выводу, что византийского влияния в Древней Руси фактически не было, а было сплошь болгарское.

Использование термина "приживление" к переводной болгарской и русской литературе IX–XV вв. граничит с научной мистификацией. Болгарские переводчики времен царя Симеона, так же как и знатоки греческого языка из Тырновской переводческой школы, неукоснительно следовали принципам пословного, буквального перевода уже потому, что переводимые ими византийские сочинения имели сакрально-религиозный характер, изменение содержания и смысла которых приравнивалось к тяжкому греху. Точно так же бережно и скрупулезно относились к переводным болгарским текстам и переписывавшие их русские копиисты, а происходившую по мере распространения их списков постепенную языковую русификацию нельзя считать "приживлением".

Романтические представления о "приживлении" в период раннего славянского литературного Средневековья подпитывают слабая текстологическая изученность и отсутствие сводных критических изданий греко-византийских памятников, избравшихся славянскими книжниками для перевода. Они начинают основательно подтачиваться при обращении к зарубежным архивам и отысканию списков, служивших протографами для славянских средневековых переводчиков. В своих ценных работах итальянский славист М. Капальдо и отечественный ученый М.В. Бибииков показали ошибочность мнения о том, что болгарский книжник Иоанн Экзарх творчески перерабатывал слова Иоанна Златоуста, становясь таким образом соавтором этого авторитетнейшего византийского писателя, или что переводившие Изборник болгарские книжники эпохи царя Симеона выступили в качестве редакторов и составителей данного флорилегия. Благодаря обнаружению ряда греческих списков М. Капальдо сумел доказать, что сохранившиеся славянские списки ряда Слов Иоанна Экзарха более чем на 80–95% текстуально совпадают с грекоязычными списками, близкими к протографам соответствующих произведений Иоанна Златоуста [20]. Не исключено, что в ходе дальнейших разысканий процент текстуальных совпадений еще больше возрастет. К сходному заключению пришел и М.В. Бибииков, исследовавший рукописную традицию греческих списков прототипа Изборника и установивший, что данный компендиум в том его виде, в каком он был переведен в Болгарии в эпоху царя Симеона, сформировался в Византии до 920 г. [21].

VIII. Концепция Д.С. Лихачева о существовании некоей единой, общей литературы православного региона до XVI ст. недавно обрела свое новое продолжение в работе Д.М. Буланина [22]. По словам ученого, если несколько изменить модальность

упомянутой концепции Д.С. Лихачева, то можно говорить о наличии общей истории переводной литературы у православных болгар, русских и сербов до указанной верхней хронологической отметки. Более того, далее Д.М. Буланин пишет следующее: «Возможность создания самостоятельной истории переводной литературы Древней Руси или других стран – носителей культуры "Slavia orthodoxa" следует отбросить как научную фикцию. Если не считать эпохи разложения средневековой культуры, у славянских переводов была общая история» [22. С. 22–23]. Модальность здесь, действительно, следовало изменить, но в прямо противоположном смысле: создание историй болгарской и сербской переводной литературы эпохи Средневековья невозможно без изучения русской рукописной традиции, поскольку большинство памятников, переведенных на славянском юге, дошли до нас только в более поздних русских списках.

В подходе Д.М. Буланина явственно прослеживается соблюдение уже упоминавшихся "правил игры" с аксиоматическими представлениями об ослабленности чувства авторства у средневековых славянских книжников, о зыбкости границ между литературой переводной и оригинальной, об отсутствии границ между творцами, переводчиками и копиистами, о размытости границ между православными славянскими литературами в эпоху Средневековья. Отсюда закономерно напрашивается вывод исследователя о том, что «значительная часть сочинений и переводов, появившихся на свет в рамках "Slavia orthodoxa" принадлежала всем (курсив мой. – И.К.), кто входил в эту культурную общность: не нуждавшиеся в переводе тексты свободно перемещались из одной части славянского мира в другую» [22. С. 19]. Модальность процитированного высказывания, на наш взгляд, также нуждается в изменении: переводные памятники, появившиеся на свет на славянском юге и вливавшиеся в русскую рукописную традицию, играли в духовной и литературной жизни Древней Руси такую же важную роль, какую они играли у болгар и сербов. Искусственное же устранение границ между создателями подобных памятников, их переводчиками, копиистами и пользователями ничем не оправдано. Можно не сомневаться, что болгарские и македонские ученые как занимались прежде, так и будут заниматься далее изучением деятельности Преславской, Охридской и Тырновской переводческих школ, не помышляя ни об "общей истории" переводной литературы "Pax Orthodoxa", ни о возможном обвинении в ненаучности. Эта "общая история" есть очередной миф, ибо число русских переводных памятников, предположительно проникших в Болгарию и Сербию до XVI в., не превышает и десятка² и несопоставимо с количеством переводных произведений, которые попали на Русь со славянского юга.

IX. В связи с проблемой переводной литературы в славянских странах православного региона следует остановиться на общеславянском литературно-книжном языке-посреднике.

Здесь прежде всего следует заметить, что старославянский язык-посредник создавался не в одночасье и развивался не *вне* и не *над*, а *внутри* каждого народа, воспринявшего и обогащавшего письменное и литературное кирилло-мефодиевское наследие, и кроме того, он не исключал использование инославянского опыта. В этой связи анекдотичным казусом выглядит заявление А.В. Липатова, что старославянский язык был создан в 863 г. св. Кириллом и стал наднациональным "койне" и что первые литературные памятники у славян на "родном" языке появились в XII столетии в Чехии [19]. 863 г. нельзя отнести не только к созданию [19. С. 80], а даже к зарождению будущего языка-посредника, ставшего общим для славян "Slavia Orthodoxa". В указанном году Кирилл и Мефодий были отправлены византийским императором Михаилом в Великую Моравию с проповедью учения Христова, но зачатки

² В число русских переводных памятников, проникших на славянский юг, традиционно включались Пандекты Никона Черногорца, но как показало новейшее исследование К.А. Максимовича [23] более предпочтительным выглядит предположение о переводе данного свода на Афоне, хотя и книжником восточнославянского происхождения.

литературно-книжного языка были заложены первоучителем Кириллом еще до упомянутой даты, ибо, по единодушному мнению палеославистов, главное христианское кредо "Символ веры" и потребное для зачала христианского богослужения Евангелие-Апракос были переведены им еще в Константинополе. При их переложении с греческого первоучитель Кирилл принял за основу диалект солунских славян, наиболее близкий диалекту славян, обитавших в Северо-Восточной Болгарии.

В формировании и становлении этого языка затем четко прослеживаются стадии, которые играют определяющую роль для понимания генезиса его основы [24]. В великоморавский период солунские братья и их ученики при переводах и создании оригинальных сочинений учитывали местные особенности языка моравян. После вынужденного бегства кирилло-мефодиевских учеников в Болгарию (и, вероятно, в незначительном количестве в Хорватию) частично сохранившиеся славянские переводные и первые оригинальные славянские сочинения усваиваются на новых территориях, постепенно, по мере переписывания, приобретая все больше местных языковых черт. Затем картина значительно усложняется: после крещения Руси и возникшей потребности здесь в славянских богослужебных текстах и церковно-религиозных книгах, последние попадают в новокрещенную страну не только из Болгарии, но и из Чехии, принявшей кирилло-мефодиевскую эстафету от канувшей в Лету Великой Моравии (906). В свою очередь, становление сербской письменности и литературы в XII–XIII вв. проходило благодаря усвоению памятников письменности и литературы, позаимствованных у болгар, хорватов и отчасти у русских. Последующий процесс развития ставшего общим для славян "Slavia Orthodoxa" старославянского языка отмечен не менее сложными переплетениями болгарского, русского и сербского языковых изводов и неоднократной сменой их доминант в рамках упомянутого ареала [25].

Подробное рассмотрение этого процесса не входит в нашу задачу – здесь мы коснемся лишь одной принципиальной особенности старославянского языка: генезиса его народностной основы. Огромный корпус памятников, присутствующий в древнерусской письменности и составляющий до 99% наличных в ней произведений [26], является византийским по своему происхождению и был переведен в Болгарии в эпоху царя Симеона. Если учитывать, что при переводе первых византийских богослужебных текстов Кирилл использовал славянский солунский диалект, генетически близкий восточно-болгарскому, и что абсолютно преобладающая масса византийских памятников, влившихся затем в письменности Руси и Сербии, была переведена в Болгарии, нельзя не признать того очевидного факта, что *в основе общего для "Slavia Orthodoxa" старославянского языка лежал язык древнеболгарский*. Отрицать право этой основы называться "древнеболгарской" только по той причине, что этноним "болгары" не имел отношения ни к одному из славянских племен, живших на территории Первого Болгарского царства, а обозначал протоболгар (тюрков), державших в руках государственную власть, исторически неправомерно. В таком случае литературно-книжный язык Киевской Руси XI–XIII вв. также нельзя называть древнерусским, ибо слово "русь" имеет скандинавское происхождение и не служило для обозначения какого-либо восточнославянского племени.

Принимая во внимание сравнительно большой исторический период функционирования этого общего для славян "Slavia Orthodoxa" языка-посредника и происходившие в нем изводные наслоения, целесообразнее всего называть данный язык классическим термином "старославянский".

X. Отвечая на ставший почему-то спорным вопрос, было ли южнославянское влияние на Руси, скажем со всей определенностью: разумеется, было. Но заводя речь о его объеме, хронологии и степени интенсивности в различные исторические периоды, здесь сразу же нужно уточнить: какое влияние подразумевается? Южнославянское культурное влияние, ширившееся на Руси в различных формах и видах, распространялось с неодинаковой быстротой и широтой охвата. Если обратиться к

особенностям средневековой культуры и миграции ее различных форм из одной страны в другую, то нетрудно заметить, что сюжеты изобразительного искусства перенимались болгарами, русскими и сербами от Византии и друг от друга значительно ранее, чем связанные с этими сюжетами литературные произведения. Так, например, изображение полета Александра Македонского на небеса в корзине, влекомой грифонами, проникло к южным славянам и на Русь (Преславская диадема IX–X вв., Киевская диадема XI в. и деталь экстерьера Дмитриевского собора XII в. во Владимире) [27] на несколько веков раньше, чем в литературах Болгарии, Сербии и Руси появились редакции переводных "Александрий" с этим сюжетом³.

То же самое относится к памятникам письменности и литературы, распространившимся у славян в период Средневековья в рукописном виде. После введения христианства на Руси (конец X в.) и в период так называемого "второго южнославянского влияния" в XIV–XVI вв. в первую очередь появлялись и переписывались переведенные на славянском юге и на Афоне богослужебные тексты. Подражание и усвоение русскими писцами и книжными оформителями почерков, орфографии и орнаментики, представленных в южнославянских рукописях, вне всякого сомнения, началось гораздо раньше, чем усвоение древнерусскими авторами южнославянского стиля "плетения словес" и отражение его в творческом наследии Древней Руси. Смешивать эти разнородные явления, указывая на присущий славянскому Средневековью прословутый "синкретизм", на наш взгляд, недопустимо.

Разновременность усвоения различных аспектов южнославянской культуры на Руси наблюдается даже в памятниках письменности с неславянским по своему характеру содержанием. Формы средневековой культуры, распространявшиеся благодаря визуальному восприятию и зрительной памяти, мигрировали из одной страны в другую быстрее, чем подражание и следование южнославянским нормам орфографии древнерусскими переписчиками. Русский книжник, проживший на Афоне и читавший тамошние греческие и славянские рукописи, мог позаимствовать из них орнаментiku, не копируя при этом нормы южнославянской орфографии при переписывании рукописных книг на Святой Горе или по возвращении на Русь. Не исключено было также и известное влияние греческого письма (почерков) на славянское в силу схожести начертания большинства греческих и славянских графем.

XI. Смешение различных понятий при рассмотрении болгаро-русских (и шире – русско-южнославянских) культурных связей в эпоху Средневековья – явление широко бытующее в отечественной палеославистике. Один из знатоков славяно-русских средневековых рукописей, историк А.А. Турилов, вступая в пределы литературоведения, неправомерно ставит знак равенства между литературными связями и литературными взаимосвязями⁴, между памятниками письменности и памятниками литературы, между книжными связями и литературными связями, между переводной литературой и оригинальной литературой, между проникновением литературных произведений в инославянскую среду и влиянием литературных произведений в инославянской среде⁵, между влиянием литературы и литературным влиянием. А.А. Турилов сосредоточивает свое внимание на распространении в русских рукописях южнославянских типов почерка, орфографии и орнаментики в XIV–XVI вв., останавливается на хронологии этого *книжного влияния*, а затем абсолютно необоснованно пытается

³ Разумеется, в церковно-религиозном искусстве здесь не было очень жесткой закономерности: изображения славянских святых появились в церквях других православных стран обычно даже не до, а после проникновения в эти страны житий и служб подвижников.

⁴ Отсюда проистекает более чем странный упрек исследователя в "полном игнорировании" русского влияния в Болгарии, незатронутого в нашем докладе на X Международном съезде славистов (см. [11]), хотя название этого доклада ясно говорит, что такая задача не ставилась.

⁵ Отождествление этих двух понятий у А.А. Турилова настолько полное, что он незаметно для себя приписал нам другую хронологию болгарского литературного влияния на Руси: X–XIV и XV–XVI вв., в то время как мы писали о XI–XIV и XV–XVII вв. (ср.: [28. С. 36] и [11. С. 64]). В X ст. болгарская оригинальная литература не могла влиять на оригинальную русскую, ибо последней еще попросту не было.

перенести эти выводы на южнославянское *литературное влияние* – понятие, отнюдь не адекватное первому.

Проникновение болгарских оригинальных литературных памятников на русскую почву не есть начало болгарского *литературного влияния* на Русь. Факты попадания их на Русь относятся к истории литературных связей и области *литературных контактов*, но эти контакты нередко заканчивались ничем, поскольку они не вызывали никаких творческих импульсов у древнерусских книжников при написании ими собственных сочинений. Точно так же не следует отождествлять понятия *влияние литературы (литературное присутствие)* и *литературное влияние*. В истории русско-болгарских литературных связей, например, давно известно о попадании в Болгарию русских житий Бориса и Глеба, княгини Ольги, князя Владимира, князя Мстислава и некоторых слов Кирилла Туровского. Эти литературные памятники *присутствовали* в болгарских землях XII–XIII вв., они стали элементами местной духовной культуры, они влияли на сознание болгар и иногда находили отражение в религиозной живописи Болгарии (жития Бориса и Глеба, в частности, без сомнения, способствовали созданию фресок этих русских святых в болгарских средневековых монастырях и церквях). Отрицать, следовательно, *влияние русской литературы* на сознание и духовно-религиозную культуру болгар здесь невозможно. Но *присутствие* упомянутых литературных памятников в Болгарии не означает русского *литературного влияния* в данной стране в тот период. Тиражирование их в болгарских списках свидетельствует лишь о расширении на славянском юге русского *литературного присутствия*, но на развитии болгарской литературы это никак не сказывалось. Болгарские книжники не перерабатывали эти русские произведения, не создавали их новые редакции и не избирали их литературными образцами при написании собственных сочинений. *Под литературным влиянием следует понимать непосредственное воздействие оригинальных литературных произведений одного народа на литературные сочинения, создаваемые представителями другого народа.* Присутствие русского переводного сборника Пчела в средневековой Болгарии, которое А.А. Турилов считает фактом русского влияния [28] (какого и в какой области? – И.К.) в болгарских землях, не имеет никакого отношения к влиянию русскому литературному, ибо данный кодекс есть памятник славянской письменности, византийский по своему происхождению.

Приводя в своих публикациях массу ценных наблюдений о путях проникновения, распространении и влиянии южнославянской книжности на Русь в конце XIV и XV вв. (и здесь А.А. Турилову нет равных, ибо в качестве активнейшего члена Археографической комиссии, готовящей очередной том Сводного каталога славяно-русских рукописей XV в., он обладает уникальной возможностью фронтального просмотра манускриптов, которые рассредоточены по многочисленным архивам и хранилищам), ученый, на наш взгляд, делает несколько поспешные выводы. Просмотренные им и другими членами Археографической комиссии славяно-русские рукописи XV в. пока обследованы крайне бегло и поверхностно. В результате последующей их проверки было внесено более 150 поправок к датировкам рукописей этого периода [29], предварительный список которых был опубликован на шесть лет раньше [30. С. 6, 8]. Дальнейшее их изучение, наверняка, потребует от А.А. Турилова в будущем новых самокорректировок и критических "саморецензий".

Но дело даже не в этом: заключение исследователя о том, что распространение южнославянских почерков, орфографии и орнаментики имело в древнерусской книжности 1400–1430 гг. "революционный", "взрывной характер" [29. С. 13], по нашему мнению, является сильно преувеличенным. Медленные темпы распространения книг в XV в., бывовавших на Русь, как и прежде, в своем средневековом рукописном виде, относительная их дороговизна и длительность исполнения писцами исключали какую-либо "революционность". Несколько десятков русских рукописей 1410–1430 гг. с признаками южнославянского книжного влияния составляют ничтожный процент по

отношению к рукописям, писанным на Руси тогда же, но без установки книжников на подражание письму и орнаментике южных славян.

XII. Обмен литературными памятниками между болгарами, русскими и сербами в эпоху Средневековья не представлял собой некую полноводную реку, несшую свои воды то со славянского юга на восток, то с востока на юг, как это мыслит А.А. Турилов, который выделяет следующие периоды древних болгаро-русских взаимовлияний: болгарское влияние на Руси в X–XII вв., а затем с конца XIV–XVI вв., и русское влияние в Болгарии – конец XII–XIII в. и XVI–первая половина XVIII в. [6. С. 32]. Движение на Русь памятников болгарской переводной и оригинальной литературы, действительно, сопоставимо с полноводной рекой, но обратное движение русских литературных произведений по сравнению с болгарским выглядит скудными, часто пересыхающими ручейками. Число переводных и оригинальных сочинений Древней Руси, попавших в болгарские земли, не превышает и десятка, и их буквально можно пересчитать по пальцам.

Предложенная А.А. Туриловым периодизация не сопровождается сколько-нибудь весомыми аргументами. Особенно это касается русского литературного влияния в Болгарии XVI–первой половины XVIII в. На протяжении первого столетия в выделяемый ученым исторический период развитие болгарской литературы проходило под знаком мартирологической линии. Создание житий софийских подвижников Георгия Нового и Николы Нового – мучеников, пострадавших за отказ принять ислам, гармонично вписывается в балканскую мартирологическую традицию, основы которой были заложены Константинополем и Афоном с конца XV в. (За три с половиной века на Балканах было затем написано свыше 70 житий "новомучеников", обладавших рядом сходных типологических черт: простотой изложения материалов, активной ролью авторов в описываемых событиях, элементами неожиданности и непредсказуемости в развитии действия, наличием некоего "авантюрного" начала и др. [31].) Точно так же чисто местным балканским явлением было и господство в Болгарии целой эпохи "дамаскинов". Дважды переведенные там в конце XVI ст., сборники слов и поучений греческого проповедника Дамаскина Студита превратились позднее в сборники смешанного содержания "дамаскины" и составили главный круг чтения болгарина XVII–XVIII вв. В этот круг вошли произведения и некоторых других греческих писателей XVII в., и литература Болгарии таким образом, бесспорно, была втянута в орбиту греческого литературного влияния [32]. Ни малейших следов русского литературного воздействия на оригинальное творчество болгарских книжников XVI–первой половины XVIII в. до сих пор не обнаружено.

Не поможет здесь А.А. Турилову и уточнение, что в своей периодизации он подразумевал присутствие в болгарских землях русских и украинских старопечатных книг XVI–XVII вв. В результате широкомасштабного обследования подобной литературы, хранящейся в болгарских архивах, библиотеках, музеях, монастырях и церквях нами было установлено, что подавляющее большинство из них проникло на славянский юг не ранее XVIII ст. Примером здесь может служить экземпляр Львовского Апостола Ивана Федорова 1574 г., идентифицированный нами в библиотеке Врачанской митрополии. Помещенные на полях его листов приписки свидетельствуют о том, что он мог оказаться в Болгарии не ранее конца XVIII в. [33]. *Присутствие* русскоязычных религиозных книг, изданных в Московском государстве и на Украине в XVI–XVII вв., стало нарастать в Болгарии с конца XVII в.⁶, а их непосредственное воздействие на литературное творчество болгарских книжников фактически начинается с создания знаменитой "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского (1762). Принимая во внимание и то обстоятельство, что русское литературное присутствие в Болгарии в XII–XIII вв. осталось неиспользованным в творчестве местных писателей ни тогда,

⁶ Украинские и русские старопечатные книги, находящиеся в архивах Болгарии, были описаны болгарским ученым П. Атанасовым [34]. Однако он практически не затрагивал проблему времени проникновения их в болгарские земли.

ни одним-двумя столетиями позднее, следует признать тот очевидный факт, что *русское литературное влияние в Болгарии на всем протяжении XI–первой половины XVIII в. практически отсутствовало*. Это не исключает, однако, возможности создания периодизации истории книжных связей между Болгарией и Россией в эпоху Средневековья, ибо они относятся к иной сфере духовного взаимодействия болгарского и русского народов.

XIII. В целом, искусственное уравнивание степени участия болгарской и русской сторон в средневековом литературном взаимодействии подпитывало миф об особой духовной связи между двумя народами с древнейших времен. Этот миф зародился не в советскую эпоху, а еще в первой половине XIX в., по мере становления славистики. Напомним, что выходы в свет одного из первых фундаментальных славистических изданий – труда К.Ф. Калайдовича о Шестодневе болгарского книжника Иоанна Экзарха [35] и славянофильско-романтического эссе Ю.И. Венелина о древних болгарях [36] – разделяло всего несколько лет. Тогда казалось, что в отечественных и зарубежных книгохранилищах таятся несметные, никем не тронутые рукописно-книжные сокровища, которые дадут неопровержимые свидетельства о теснейшей духовной связи славян с глубокой древности и особенно между болгарами и русскими уже хотя бы потому, что азбука и средневековый литературно-книжный язык у двух народов столь удивительно схожи. На самом же деле, если проанализировать результаты более чем полуторавсковых научных исследований, то к общности азбуки, литературно-книжного языка, православной веры и двум-трем болгарским и русским святым, почитавшимся в обеих странах, добавить сегодня вобщем-то нечего. В эпоху Средневековья болгары и русские знали друг о друге не больше, чем о других народах Европы и Азии. Древнерусский читатель имел об Александре Македонском более ясное представление чем, например, о болгарском царе Симеоне, а болгарские книжники ничего не ведали о Ярославе Мудром или Дмитриии Донском.

XIV. Утверждение о "постоянной циркуляции памятников" между славянскими литературами и сравнение последних с "резервуарами" (А.В. Липатов) [37] не могут быть приняты медиевистами, ибо они противоречат реальным фактам. Взаимосвязи между болгарской, русской и сербской литературами не походили на механизм функционирования "сообщающихся сосудов" ни в одну из исторических эпох. Реальная картина развития и взаимодействия славянских литератур православного региона складывается совсем иная: различные скорости и разнонаправленность у них литературного движения, несходство изменения конфигурации литературно-жанровых "сеток" на протяжении истории, наличие длительных пауз и неравноценность в литературном взаимодействии, редко преодолеваемое равнодушие к тому местному литературно-оригинальному, что создавалось болгарами, русскими и сербами по отдельности.

XV. При рассмотрении вопросов, связанных с так называемым вторым южнославянским влиянием на Русь, нельзя обойти вниманием ключевые фигуры митрополитов Киприана († 1406) и Григория Цамблака († 1420) – болгарских писателей, творивших на русской земле в конце XIV–первых десятилетиях XV в. Здесь, однако, медиевисты, как правило, допускают две характерные ошибки: а) все творчество этих книжников воспринимается как однородное целое, несущее в себе черты южнославянского стиля "плетения словес"; б) забывается о том, что эти авторы, даже творя непосредственно на Руси, являлись все-таки проводниками внешних по отношению к древнерусской литературе традиций. Творчество Киприана и Цамблака не было однородным ни в стилевом, ни в жанровом аспектах – оба церковных деятеля не просто меняли стиль своих произведений в зависимости от законов жанра, к которому они обращались, но и учитывали особенности читательской аудитории, которой адресовались создававшиеся ими произведения.

Написанное Григорием Цамблаком в Молдавии житие Иоанна Нового Белгородского – первого святого молдавского национального пантеона – не отличается словесным "извитием", риторической пышностью и сложностью стилистических фигур, поскольку оно было рассчитано на неопитов с невзыскательными литературными

вкусами⁷. Точно так же некоторые созданные этим книжником проповеди, в бытность его митрополитом Киевским и Виленским, отмечены печатью безыскусности, ибо они предназначались для паствы, которая едва ли была способна оценить замысловатые словесные эксперименты. Совсем иной характер носят такие цамблаковские произведения, как Слово похвальное патриарху Евфимию Тырновскому и Слово надгробное митрополиту Киприану. Они являются вершиной творчества Цамблака, и в них сполна реализовалась цамблаковская виртуозность владения стилем "плетения словес". Однако эти произведения адресовались совсем другому кругу читателей: первое, вероятно, было составлено для болгарской эмиграции в молдавских и южнорусских землях, а второе – московскому митрополиту Фотию с целью продемонстрировать свои писательский и проповеднический таланты [39].

Аналогичная картина и с творчеством митрополита Киприана. Его послания не могут быть сопоставимы с созданным им же житием митрополита Петра уже хотя бы потому, что они принадлежат к различным жанрам. Оценки учеными последнего произведения крайне противоречивы. Л.А. Дмитриев, в частности, сначала полностью отрицал наличие в нем каких-либо признаков стиля "плетения словес", но затем изменил свое мнение на прямо противоположное [40]. Основанием для этого послужило установление того факта, что вместе с житием упомянутого святителя Киприан поместил в рукописи и похвальное ему слово. Тем самым писатель как бы объединил в одном произведении два указанных жанра, а это был один из приемов Тырновской книжной школы, культивировавшей литературный стиль "плетения словес". Киприановское Слово похвальное митрополиту Петру, бесспорно, яркий образец такого стиля, но для понимания истории усвоения подобных литературных приемов на Руси принципиальное значение имеют другие обстоятельства. Во-первых, русские переписчики стали отделять киприановское Слово похвальное митрополиту Петру от киприановского жития святителю и помещать их в рукописях по отдельности [41]. Во-вторых, в отличие от жития, Слово похвальное не получило широкого распространения в древнерусской литературе. Не пользовались популярностью на Руси и цамблаковские Слово похвальное патриарху Евфимию Тырновскому и Слово надгробное митрополиту Киприану, что было связано с внелитературными факторами: оба святителя в период Средневековья не были провозглашены святыми ни в Болгарии, ни на Руси.

XVI. Но здесь важно и другое: южнославянские оригинальные сочинения становились литературными образцами для древнерусских книжников спустя большой промежуток времени после своего рождения или даже своего появления в русской рукописной традиции. Так, например, Слово надгробное Киприану впервые было использовано одним из древнерусских книжников лишь в конце XV–начале XVI в.: оно послужило образцом Иосифу Волоцкому при составлении им Послания вельможе Иоанну о смерти князя [42]. Большой хронологический интервал наблюдается и между присутствием в русской рукописной традиции цамблаковского Слова в Великий петок и использованием его епископом Григорием Суздальским при написании Молитвы новым св. русским чудотворцам (1549–1550) [43]. Все это свидетельствует о том, что привнесенные извне в древнерусскую книжность южнославянские литературные явления усваивались далеко не сразу, а только по мере созревания соответствующих потребностей внутри нее самой.

XVII. Говоря о болгарском литературном влиянии на Руси, следует отметить и другую особенность, заключающуюся в полном отсутствии какого-либо предпочтения при переписывании и творческом использовании памятников оригинальной болгарской литературы в зависимости от того, создавались ли они в период Первого или Второго Болгарского царств. "Пролог" – оригинальное вступление к Шестодневу,

⁷ Это заметно даже при беглом знакомстве с текстом памятника. Попытка болгарского ученого А. Давидова [38] доказать наличие в Мучении Иоанна Нового стиля "плетения словес" выглядит неубедительной из-за произвольно выбранных статистических параметров текста для анализа.

сочиненное Иоанном Экзархом, вызывало одинаковый интерес как у Владимира Мономаха, который использовал его при сопоставлении своего знаменитого Поучения в XII в. [44], так и пять веков спустя у протопопа Аввакума, сочинявшего свою "Автобиографию" в XVII в. [45].

XVIII. В истории средневекового литературного влияния южных славян на Русь четко просматриваются два периода: I) XI–XIV вв. – болгарское литературное влияние (ибо ни одного оригинального сербского литературного памятника, проникшего на Русь в тот период и повлиявшего тогда же на литературное творчество древнерусских книжников, науке не известно); II) XV–XVII вв. – болгаро-сербское литературное влияние с известным перераспределением удельного веса и степенью интенсивности в рамках указанных трех веков.

При этом необходимо отметить, что в течение этих двух периодов *болгарское, а позднее и сербское, литературные влияния на Русь никогда не были доминирующими, а осуществлялись лишь наряду с литературным влиянием византийским, которое и было преобладающим, хотя оно и приходило в русские земли через болгарское, а позднее – частично сербское, переводное литературно-книжное посредство*. В XVII в. византийское литературное влияние оттесняется на задний план новыми западноевропейскими литературными веяниями. С точки зрения методологии, по-другому следует подходить и к *влиянию болгарской литературы на русскую духовную культуру*. Оно осуществлялось непрерывно на всем протяжении русского литературного Средневековья, начиная с XI в., ибо *присутствие болгарской литературы на Русь постоянно оказывало воздействие на духовный мир древнерусских писателей и читателей*.

XIX. Одно из главных мест при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья должна занять кодикология. Ее значение пока, к сожалению, еще слабо осознается нашими палеославистами. Название одной из статей голландского ученого В. Федера "Двести лет бессистемных славистических исследований", равно как и слова ее эпиграфа о том, что она "призвана показать необходимость кодикологического изучения рукописей" [46] очень символичны в этом смысле. Хотя публикация В. Федера касается путей изучения только одного древнеславянского памятника – Изборника Святослава, ее можно воспринимать как постановку более широкой проблемы. Несмотря на то, что содержание понятия "кодикология" было еще в конце 60-х годов исчерпывающе раскрыто в работах Б.Л. Фонкича [47], она нередко смешивается нашими учеными с палеографией или другими более привычными понятиями. Дадим здесь краткую формулировку своего понимания понятия "кодикология" и преследуемых ею целей: *кодикология есть комплексная наука, призванная для извлечения явных и скрытых данных о времени и месте создания рукописей, их авторах, переписчиках, оформителях, заказчиках, владельцах и бытовании рукописей в читательской среде*. Кодикология опирается на результаты филолого-лингвистического, палеографического, лингвистического, исторического, текстологического и искусствоведческого анализа. Она может также учитывать данные, полученные посредством методов, используемых в других гуманитарных науках, и не исключает применения технических средств для рассчитывания смытых или выскобленных слов, проведение графологической экспертизы и др.

XX. Одна из трудностей, возникающих при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья, связана с проблемой авторства. Многие из сочинений, подписанных именами известных византийских или славянских средневековых писателей, на самом деле вышли из-под пера других книжников. Это хорошо видно на примере более чем двух десятков слов и поучений, приписываемых Клименту Охридскому – плодovитому болгарскому писателю IX–X вв. [48]. И наоборот, в качестве автора некоторых климентовских сочинений этого жанра древнерусская рукописная традиция называет Иоанна Златоуста. Ослабленность чувства авторства, а порой и полное пренебрежение им у средневековых творцов и переписчиков не должны

приводить в растерянность палеославистов⁸. При исследовании проблемы литературных влияний важна не степень осознанности творцом того, болгарскому, сербскому или византийскому писателю принадлежало то произведение, которое он избрал для себя литературным образцом, а объективность факта самого влияния. В этой связи проблема прояснения авторства и уточнения, в какой славянской (или неславянской) стране было создано анализируемое произведение, имеет принципиальное значение.

XXI. Отрадно, что на смену крайне уязвимым филологическим методам атрибуции авторства, основанным на сопоставлении отдельных лексических групп, фраз, образов, литературных приемов или композиции, ныне приходят точные методы математико-статистического анализа с обработкой текстовых данных на ЭВМ. В отечественной палеославистике это направление уже много лет успешно разрабатывается историками МГУ под руководством российских ученых Л.В. Милова и Л.И. Бородкина, которые опубликовали недавно коллективный труд под названием "От Нестора до Фонвизина" [49]⁹. Являясь давнишним сторонником этого направления [51], не могу, однако, не отметить, что для достижения "чистоты" эксперимента при тестировании необходимо проводить тщательнейшую предварительную текстологическую работу по реконструкции древних текстов славянских памятников.

XXII. Особое внимание при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья нужно обратить на правила критических изданий памятников с богатой рукописной традицией. Твердое следование опубликованным в "Трудах Отдела древнерусской литературы" принципам выборочной фиксации разночтений к основному издаваемому списку произведения, на наш взгляд, крайне неплодотворно. По такому пути пошли, в частности, болгарские издатели сочинений Климента Охридского [52], не приняв во внимание то обстоятельство, что русская рукописная традиция литературных произведений южных славян обычно отличается инвариантностью. В результате стеммы списков творений Климента Охридского построить не удалось, ни на шаг не продвинулись ученые и к прояснению времени проникновения на русскую почву ряда климентовских сочинений. То же самое относится к решению вопроса об авторстве многих приписываемых этому книжнику слов и поучений. Без стемм их списков и реконструкции древнейших текстов приписываемых этому писателю произведений анализ текстовых данных более поздних списков при помощи ЭВМ не даст надежного и объективного ответа. Кроме того, главный недостаток упомянутого издания заключается в его "закрытости" по отношению к вновь открываемым спискам климентовских творений. Подключить их разночтения к текстам опубликованных списков сочинений Климента Охридского, положенных в основу издания, практически невозможно из-за выборочной цифровой индексации только тех слов списков, к которым при публикации были даны разночтения. Издание довольно быстро устарело по причине обнаружения ряда новых списков в болгарских и зарубежных хранилищах [53].

Наиболее целесообразной в данной области палеославистики мы считаем технику критических изданий с цифровой индексацией всех слов издаваемого списка памятника, независимо от того, имеются ли к ним в данный момент разночтения в других привлекаемых к изданию списках или нет. Подобные публикации превратятся в "рабочие", и их смогут использовать в будущем другие поколения славистов, которые будут продолжать текстологическое изучение памятников с учетом новых, ранее неизвестных списков. В то же самое время, очевидно, не стоит последовательно

⁸ Такое чувство, похоже, испытывает А.А. Турилов, пишущий: "Но для реальной оценки ситуации с древнейшими болгарскими памятниками в книжности Московской Руси нельзя упускать из виду, что русский книжник XV–XVII вв. имел дело с анонимными текстами и псевдоэпиграфами, переписывая их в поистине журденовском неведении о их древнеболгарском происхождении...". Далее ученый фактически ставит под сомнение правомерность употребления понятия "влияние", хотя одновременно сам его использует [6. С. 37].

⁹ Подробный разбор этого труда см. в нашем обзоре [50].

обозначать цифрами подряд все разночтения публикуемого списка, например от 1-го до последнего 391-го, как это делает А. Милтенова [54]. При пространности текста памятника в процессе подведения разночтений оперирование четырех-пятизначными цифрами создаст технические неудобства и увеличит вероятность ошибок в цифровой маркировке.

Видимо, лучше нумеровать первую сотню слов от единицы до ста, обозначая начало сотни на полях слева буквами кириллического алфавита по порядку, исключая Ё, Ъ и Ы. В случае объемности издаваемого текста после 28-й сотни слов следующие можно снова обозначать теми же буквами кириллического алфавита, но уже в сопровождении римских цифр, помещаемых слева от соответствующего буквенного обозначения: IA, IB–IЯ, затем IIА–IIЯ и т.д. Эта техника маркирования была предложена нами более 15 лет назад [55] и реализована на практике в наших сводных критических изданиях житий и службы Георгию Новому. Ее использование позволило эффективно вскрыть историю текстов памятников, идентифицировать автограф Василия-Варлаама (служба мученику) и выстроить стеммы списков произведений, несмотря на инвариантный характер их русской рукописной традиции.

XXIII. Нынешняя ситуация диктует необходимость изменения стратегии и тактики проведения российской палеославистикой конкретных разысканий в области средневековых болгаро-русских литературных связей. Распад СССР, превращение многих его архивов в зарубежные, скудость финансирования науки и невозможность получения командировок учеными даже в другие российские города должны привести к отказу от невыполнимого для текстологов требования охватывать всю совокупность списков памятника, имеющих широкий географический диапазон хранения. Очевидно, следует ограничиться тщательнейшим кодикологическим изучением только тех рукописей со списками исследуемого памятника, которые находятся, так сказать, под рукой. То же самое относится и к подготовке сводных критических изданий литературных памятников. Достаточно издать один раз древнейший список изучаемого памятника с его пословно-цифровой индексацией (сделав тем самым его "рабочим") и подвести разночтения к нему по доступным для исследователя спискам. Приняв за основу такое издание, иногородние и зарубежные ученые смогут продолжать работу по текстологическому изучению данного памятника – кодикологически исследовать доступные им рукописи с его списками, публиковать описания этих рукописей и выявленные разночтения к уже изданному списку. Таким образом палеославистика постепенно будет продвигаться к конечным результатам в области текстологического изучения памятников, имеющих богатую рукописную традицию: завершению сводных критических изданий этих памятников.

XXIV. Очевидно, исследователям не стоит избирать и непомерно широкие темы для придания названию своих работ бесспорной диссертательности [56]. Даже опытному ученому не хватит жизни, чтобы основательно изучить, например, всю русскую рукописную традицию Шестоднева Иоанна Экзарха и осуществить сводное критическое издание памятника. Метод лингво-текстологического анализа, предложенный в свое время Л.П. Жуковской (он зиждется на "шурфовом" подходе, т.е. лингво-текстологическом анализе небольших отрывков текста памятника, изучаемых по хронологической вертикали его списков) [57], на наш взгляд, не оправдывает себя. Исследовательские "буры" могут встретить на своем пути не только ценные текстовые пласты, но и "пустоты", образуемые в результате погрешностей в датировках рукописей, существования "конволютов" – манускриптов, состоящих из разновременных частей, различия орфографических установок, работавших над рукописью писцов, и т.п. Более целесообразно, с нашей точки зрения, в подобном случае ставить перед собой сравнительно скромные задачи: например, изучение истории текста и критическое издание одной из глав Шестоднева. Такие публикации при взятии на вооружение описанной нами пословно-цифровой индексации позволили бы постепенно продвигаться к конечному результату: сведению воедино всех отдельных критически изданных различными исследователями

глав памятника и осуществлению сводного критического издания текста всего Шестоднева. То же самое относится к таким объемным переводным древнеславянским памятникам, как Изборники, Пандекты Никона Черногорца, разновидности Патериков и др.

XXV. Подведем итоги и сформулируем задачи, стоящие перед палеославистикой в области изучения болгаро-русских литературных и книжных связей в эпоху Средневековья:

1) кодикологическое изучение русских рукописей со списками болгарских оригинальных и переводных памятников;

2) подготовка и осуществление сводных критических изданий с пословно-цифровой индексацией – методике, которая кажется нам оптимальной;

3) прояснение стыков южнославянской и русской рукописных традиций этих памятников (в том случае, если первая из них не сохранилась, а древняя часть второй утрачена, здесь необходимо привлекать данные "макротекстологии": стеммы списков "конвоя") и уточнение времени их попадания на русскую почву;

4) выявление по возможности всех русских списков этих памятников и локализация их бытования на Руси; составление карт такого бытования;

5) решение проблемы авторства ряда анонимных и приписываемых древнеболгарским писателям сочинений при помощи обработки текстовых данных на ЭВМ;

6) фиксация всех случаев воздействия оригинального творчества болгарских авторов на древнерусских книжников при написании ими собственных сочинений; классификация типов этого воздействия;

7) уточнение датировки русских рукописей XIV–XVI вв. со следами влияния южнославянской орфографии, почерков и орнаментики; прослеживание путей и темпов распространения этого влияния на Руси;

8) разработка проблемы автоматического ввода непосредственно из рукописей текстовых данных в память ЭВМ и обработки их с целью построения стемм.

В этом перечне задачи 3-я и 7-я относятся к области книжных связей, задача 3-я, кроме того, – литературных контактов; 4-я и 5-я – влияния болгарской литературы, 6-я – болгарского литературного влияния. Выполнение этих задач прояснит несовпадающие хронологию, формы и объемы болгарского литературного и книжного (письменность) влияния на средневековой Руси, а также то, какую, когда и где несла болгарская литература древнерусскому читателю культурную и литературную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thomson F. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in the Tenth to Thirteenth Centuries and Implications for Russian Culture // Belgian Contributions to the 8-th International Congress of Slavists. Zagreb-Ljubljana. September 1978. Slavica Gandensia. 5. 1978. Pp. 107–139.
2. Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен. 1991.
3. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1956. С. 142.
4. Буланин Д.М. Древняя Русь. Глава I // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 40.
5. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. М., 1973. С. 22.
6. Турилов А.А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого Болгарского Царства в книжности Московской Руси. XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение, № 3. М., 1995.
7. Vlasto A. The Entry of the Slavs into Christianity. An Introduction to the Medieval History of Slavs. Cambridge. 1970. P. 252.
8. Щепкина М.В. К вопросу о просвещении Руси // Плиска-Преслав. Проучвания и материали. Т. I. София, 1979. С. 202–203.
9. Жуковская Л.П. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 11–12.

10. *Whiteman R.* The 1073 Izbornik: the Manuscript and its sources // *Indiana Slavic Studies*. № 4. 1967, P. 252–267; *Lunt H.G.* On the Izbornik of 1073 // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. VII. 1983. P. 359–376.
11. *Калиганов И.И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси // *Славянские литературы*. X. Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 51–65.
12. *Thomson F.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. XII/XIII. 1988/1989. P. 241.
13. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е дополнительное. М., 1979. С. 8.
14. *Лихачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система // *Славянские литературы*: VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 5–48.
15. *Лунатов А.В.* Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в. (Европейский контекст, типологическая дифференциация и национальная специфика, формирование основ современного развития) // *Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в.* М., 1987.
16. *Калиганов И.И.* Болгарская литература в IX–XII столетиях // *Очерки истории культуры славян*. М., 1997. С. 327–341.
17. *Birnbaum H.* On the Slavic Share in Western Civilization: Early Period. Some Definitional Considerations // *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Piccio decata*. Vol. I. Roma, 1986. P. 43–53; *Marti R.* "Slavica orthodoxa" als literar und sprachkritischer Begriff // *Studia Slavico-byzantina et mediaevalia europensia*. Vol. I. Studies on the Slavo-Byzantina and West European Middle Ages. In memorium Ivan Dujčev. Sofia, 1989. P. 193–200.
18. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Ricerche Slavistiche*. Vol. XLII. Roma, 1995. С. 14.
19. *Лунатов А.В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс. (История, типология, связи) // *Славянские литературы*. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады советской делегации. М., 1993. С. 80, 77, 81.
20. *Capaldo M.* Jean l'Exarque en tant que compilateur et traducteur // *Polata knigopisnaia*. 3. 1979. P. 1–21; *Capaldo M.* Pour l'édition des sermons attribué á Jean l'Exarque // *Linguistique balkanique*. 25. 1982. 1. P. 19–39; *Capaldo M.* La source principale du Sermon sur la Nativite attribue á Jean l'Exarque // *Polata knigopisnaia*. 9. 1984. P. 3–29.
21. *Бибиков М.В.* Рукописная традиция греческих списков прототипа "Изборника Святослава 1073 г." // *Византийский временник*. Т. 54. Ч. I. М., 1993. С. 105–126.
22. *Буланин Д.М.* Древняя Русь // *История русской переводной художественной литературы*. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995.
23. *Максимович К.А.* Терминология церковно-канонического и гражданского права в древнейшем славянском переводе "Пандектов" Никона Черногорца. М., 1996. АКД.
24. *Калиганов И.И.* О значении древнеболгарской письменности // *Болгарская культура в веках*. Сборник тезисов международной конференции. М., 1992. С. 19–22.
25. *Толстой Н.И.* История и структура славянских языков. М., 1988.
26. *Соболевский А.И.* Древнерусская переводная литература. Литографический курс лекций. СПб., 1892–1893. С. 5.
27. *Банк А.В.* Моливодул с изображением полета Александра Македонского на небо // *Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока*. Л., 1940. С. 189–190.
28. *Турилов А.А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв. (Проблемы и перспективы изучения) // *Славянские литературы*. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады советской делегации. М., 1993. С. 34.
29. *Турилов А.А.* Предисловие (опыт саморецензии) // *Дополнения к "Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР"*. М., 1993.
30. *Предварительный список славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР*. М., 1986.
31. *Калиганов И.И.* Типологические особенности балканских мучеников в XV–XVIII столетиях // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 2. XVI–начало XVIII в. М., 1989. С. 125–

- 137; *Калиганов И.И.* Поэтика балканских мучеников конца XV—начала XIX в. // *История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы.* (Салоники, сентябрь, 1994). М., 1994. С. 155–167.
32. *Петканова-Тотева Д.* Хилядолетна литература. София, 1974. С. 190–210.
33. *Калиганов И.И.* Книжовна находка. Лвовският "Апостол" на Иван Фьодоров в България // *АБВ* от 8/XII 1987 г. С. 2.
34. *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. София, 1986.
35. *Калайдович К.Ф.* Иоанн, ексарх Болгарский. М., 1824.
36. *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгары. М., 1829.
37. *Липатов А.В.* Славянское просвещение в общеевропейском контексте // *Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение.* М., 1982. С. 29, 30.
38. *Давидов А.* Към лексикалната характеристика на "Похвално слово за Евтимий" и "Мъчение на Йоан Нови" от Григорий Цамблак // *Търновска книжовна школа. 1371–1971. Международен симпозиум.* Велико Търново, 11–14 октомври 1971 г. София, 1974. С. 477–499.
39. *Калиганов И.И.* Болгарская литература // *История литературы западных и южных славян.* М., 1997. Т. I. С. 112, 135–141.
40. *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // *ТОДРЛ.* Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 215–254; *Дмитриев Л.А.* Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиция Великотърновской книжной школы // *Търновска книжовна школа. Т. II. Ученици и последователи на Евтимий Търновски.* София, 1980. С. 64–70.
41. *Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и изобразительном искусстве Древней Руси. М., 1993.
42. *Ангелов Б.* Проникване на старобългарските съчинения в старата руска литература // *Старобългарска литература. Изследвания и материали. Кн. 2. Българо-руски книжовни връзки през Средновековието.* София, 1977. С. 34–35.
43. *Сивкова А.* "Слово за преподобните отци в Сирната събота" в руската ръкописна традиция // *Старобългарска литература.* № 12. София, 1982. С. 54–69.
44. *Лихачев Д.С.* "Шестоднев" Иоанна Экзарха и "Почтение" Владимира Мономаха // *Вопросы теории и истории языка.* Л., 1963. С. 187–190.
45. *Сарафанова-Демкова Н.С.* Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // *ТОДРЛ.* Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 367–372.
46. *Veder W.* Two hundred years of misguided philological research // *Recerche slavistiche.* Vol. XLII. Roma, 1995. P. 103–109.
47. *Фонкич Б.Л.* Греческая кодикология. На материале рукописей X–XVII вв. собраний Москвы и Ленинграда. М., 1969. АКД; *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи XV–XVII вв. М., 1977.
48. *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.
49. *Милов Л.В., Бородкин Л.И.* и др. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994.
50. Литература православного средневекового славянства в трудах российских ученых за 1993–1994 гг. (Обзор содержания и критические замечания) // *Recerche slavistiche.* Vol. XLIII. Roma, 1997. P. 467–492.
51. *Калиганов И.И.* Илектронна техника и старобългаристика // *АБВ* от 24 май. София, 1981; *Калиганов И.И.* Об изучении древнеболгарской литературы // *Советская болгаристика. Итоги и перспективы.* М., 1983. С. 172–176.
52. *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. I–II. Обработили Б. Ангелов, К. Куев, Х. Кодов, К. Иванова. София, 1970–1977.
53. *Милтенова А.* Ръкописната сбирка за Свищовското читалище // *Старобългарска литература.* София, 1980. Кн. 8. С. 68–104; *Томова Е.* Кирилски ръкописи с български сюжети в полски хранилища // *Старобългарска литература.* София, 1992. Кн. 25–26. С. 218–225; *Станчев К.* Слова на Климент Охридски в неизвестни и в неизползувани преписи // *Старобългарска литература.* София, 1993. Кн. 28–29. С. 125–130.

54. *Милтенова А.* "Разумник-указ" (Текстологическо проучване, издание на старобългарския текст) // *Старобългаристика*. № 4. София, 1986. С. 20–44.
55. *Калиганов И.И.* Несколько соображений о методике изучения болгаро-русско-сербских средневековых литературных связей // *Старобългарска литература*. София, 1985. Кн. 18. С. 58–83.
56. *Дончева-Панайотова Н.* Търновска книжовна школа и Русия в края на XIV–и началото на XV в. Киприан и Григорий Цамблак. АКД. Велико Търново, 1974. С. 159–162; *Баранкова Г.С.* Лексика русских списков "Шестоднева" Иоанна Экзарха. М., 1977. АКД; *Иванова К.* Агиографската продукция на Търновска книжовна школа. София, 1979. АКД; *Сивкова А.* Русско-болгарские литературные связи XV в. (Литературная история слов Григория Цамблака). Л., 1983. АКД.
57. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

© 1998 г. КРУМИНГ А.А.

РЕДАКЦИИ СЛАВЯНСКОГО ПЕЧАТНОГО ПРОЛОГА (предварительные заметки)

История Пролога – одной из важнейших церковно-религиозных книг славянского православного Средневековья изучена крайне поверхностно. Обилие содержащихся в нем материалов и их относительная разнородность отпугивают исследователей от исполнения трудоемкой задачи его изучения. Работ о происхождении и составе славянского печатного Пролога насчитывается очень немного. Около 120-ти лет назад была опубликована статья профессора Киевской Духовной академии Н.И. Петрова об инославянских источниках русского печатного Пролога [1]. Следующая крупная работа об этом виде сборнике появилась спустя сто лет: она была подготовлена коллективом ученых ИМЛИ АН СССР и затрагивала такие важные проблемы как культурные потребности русского общества в период подготовки первого издания русского Пролога, характеристика некоторых рукописных источников отдельных печатных изданий Пролога и анализ ряда циклов сюжетов проложных статей (частичная выборка из издания 1675–1677 гг.) и др. [2]. Об отдельных рукописных источниках русского печатного Пролога писали также В.А. Кучкин [3] и Л.П. Жуковская [4]. Нельзя не упомянуть и статьи справочного характера, опубликованные Н.Д. Бубновым [5] и Е.А. Фет [6]. Кроме того, при изучении состава русского печатного Пролога весьма полезна и фундаментальная работа архимандрита Сергия, в которой перечисляются важнейшие даты, имена отцов Церкви, агиографических героев и христианские праздники, отмечаемые на христианском Востоке [7].

Наш небольшой обзор показывает, сколь мало знаем мы еще о русском старопечатном Прологе. Неизвестным остается даже точное число содержащихся в этом сборнике статей, не говоря уже о таких сложных вопросах, как характеристика их жанрового содержания и редакций первых выпусков Пролога. Именно этим аспектам и посвящена данная статья. В ней анализируются Прологи, опубликованные Московским Печатным Двором в 1641, 1642/1643 гг. (первое издание), 1659/1660 г. (второе издание) и 1660/1661 г. (третье издание). Разница между указанными изданиями иллюстрируется на примере статей славянского происхождения с приведением их полных перечней. В статье также приводится подробное археографическое и кодикологическое описание рукописей, которые были положены справщиками Московского Печатного Двора в основу первого печатного издания Пролога.

Попытаемся вначале дать свое определение рассматриваемому виду Сборника. Пролог (другое название – Синаксарий) – сборник житий и поучений на все дни года,

первоначально предназначенный для чтения в церкви во время утрени, после 6-й песни канона. О чтении Пролога на утрени после 6-й песни канона говорится и в современных богослужебных книгах, хотя церковное чтение Пролога, насколько я знаю, давно вышло из обычая (в последовании утрени, после 6-й песни канона: "И чтение в Синаксарии" [8]; в изложении чина утрени, после 6-й песни канона: "По 6-й песни ирмос, и ектенія, и кондак святаго: И йкос, аще есть: аще ли ни, мученичен во глас Октоиха. Таже чтется Пролог" [9]). В первых изданиях Пролога (П-1641 и П-1642/43) еще сохранился след этого церковного чтения Пролога – в начале каждого дневного чтения слова: "Благослови отче".

Статьи в основном тексте Пролога (не считая заголовков, приложений, предисловий, послесловий, указателей и т.п.) разделяются по жанрам следующим образом:

1) Тексты, читаемые на утрени не после 6-й песни канона, а ранее, "по кафисмах". Тексты "по кафисмах" – поучения на большие праздники и жития особо почитаемых святых. От обычных для Пролога кратких житий и поучений тексты "по кафисмах" отличаются очень большими размерами. В начале текстов "по кафисмах", над заголовком или внизу первой страницы, обычно бывают пометы вроде "Сие слово чти по кафисмах". Тексты "по кафисмах" всегда помещаются в самом начале дня, перед всеми другими статьями. Текстов "по кафисмах" в Прологе немного.

2) Жития, или памяти со сказаниями. Отличительная особенность проложных житий – их краткость. Точные даты в житиях встречаются редко, потому что жития предназначались для чтения вслух. Жития составляют несколько более половины всех статей Пролога.

3) Памяти без сказаний, т.е. короткие, в одну фразу, памяти малоизвестных святых. В рукописном "стишном" Прологе таких памятей без сказаний очень много; в печатном Прологе, напротив, памяти без сказаний встречаются редко.

4) Поучительные рассказы. Эти рассказы обычно заимствованы из древних Патериков; могут быть и отрывки из больших житий тех святых, краткие жития которых помещены в Прологе. Поучительных рассказов в Прологе много.

5) Бессюжетные календарные поучения, т.е. поучения, связанные с праздником того дня, под которым они помещены. Календарных поучений в Прологе мало.

6) Бессюжетные некалендарные поучения; их много в Прологе.

Обычная схема дня в Прологе: первая часть – житийная (жития и памяти без сказаний), вторая часть – поучительная (поучительные рассказы, календарные и некалендарные поучения). В дни больших праздников перед житийной частью помещаются тексты "по кафисмах". Русские жития очень часто помещаются в самом конце дня, после поучительной части.

Число статей в Прологе очень велико. По моим подсчетам, в первом полном издании П-1642/43 в основном тексте – 1784 статьи, в том числе: восемь текстов "по кафисмах" (два жития и шесть поучений), 1032 жития, 49 памятей без сказаний, 364 поучительных рассказа, 25 календарных и 306 некалендарных поучений (подсчеты приблизительны, так как нет четкой границы между житиями и поучительными рассказами, также между житиями и календарными поучениями). Добавочные статьи в П-1642/43: одно предисловие, три послесловия, одно добавочное житие "по кафисмах", 36 синаксарей на подвижные праздники, одно примечание к синаксарю; с этими добавочными статьями 1826 статей.

Преподобный Никодим Святогорец, в предисловии к своему Прологу на новогреческом языке, так отозвался о Прологе: "если хотим сказать правду, то должны сознаться, что в церкви Христовой ни одна книга столько не беспорядочна и не неисправна как синаксарий, как это признается всеми вообще знающими" (см. Пролог ("Synaxaristês"), на новогреческом языке, издал преподобный Никодим Святогорец, Венеция, 1819, 3 тома в 4°, – предисловие Никодима, цит. по [7. С. 339]). При большом числе статей и большом числе несходных изданий изучение печатного Пролога дело очень трудное.

Как определяются редакции печатного Пролога или любого другого сборника? Состав сборника обычно бывает не совсем устойчив: при переписке или перепечатке сборника делаются какие-то изменения в его составе. Эти изменения могут быть четырех видов: изъятие старых статей, включение новых статей, радикальная переработка статей и перестановка. Все эти статьи, которые когда-либо подвергались изменениям, т.е. изымались, включались заново, перерабатывались и переставлялись, суть переменные или характерные статьи, в отличие от статей постоянных или нехарактерных, которые одни и те же во всех изданиях или списках сборника. Каждое конкретное издание сборника (или список) содержит все нехарактерные статьи в соединении с той или иной комбинацией характерных. Эта комбинация характерных статей определяет ту или другую разновидность сборника, называемую редакцией сборника. Комбинация характерных статей редакции может быть одна и та же во всех изданиях или списках этой редакции; если это так, то редакция имеет твердо определенный состав, без разновидностей. Если же комбинация статей имеет разновидности с собственными характерными статьями, то можно говорить о разных видах, подвидах, вариантах и т.п. внутри одной редакции. Чтобы вполне точно определить редакции и их виды, сначала нужно определить все характерные статьи сборника. Но чтобы определить все *характерные* статьи, нужно знать *все без исключения* статьи во *всех без исключения* изданиях или списках. Пока хоть одно издание (или список) осталось неизвестными исследователю, всегда остается возможным, что исследователь что-то упустил, – какую-то неизвестную редакцию или разновидность редакции; поэтому выводы могут оказаться неверными или неполными.

Для определения всех редакций и видов редакций печатного Пролога необходимо ознакомиться со всеми изданиями Пролога и перечислить все статьи всех изданий в более или менее обозримой форме, т.е. составить сводный указатель содержания всех изданий, – работа хоть и большая, но все же выполнимая. (Сделать подобную работу по рукописным Прологам, кажется, превышает человеческие силы). Вот предварительные выводы из моей работы.

0) Далеко еще не законченное, но все же выполненное мною более чем на половину исследование печатного Пролога позволяет сделать следующие выводы.

0-1) Печатный Пролог – самостоятельный вид Прологов, не существовавший в старой рукописной книжности; это новый сборник, а не новая редакция какого-либо старого рукописного сборника.

0-2) Основной текст для печатного Пролога послужили: для первого полугодия – стилишный Пролог, для второго полугодия – так называемая "вторая русская редакция" или "пространная русская редакция" (по моему мнению, это также не редакция сборника, а особый сборник).

0-3) В работе редакторов при подготовке печатного Пролога важнейшие действия: а) изымались памяти без сказаний (позднее их стали заново вводить в печатный текст); б) вносились все новые русские жития; в) вносились все новые тексты "по кафисмах".

0-4) Существуют 4 редакции печатного Пролога:

0-4-1) 1-я редакция – Иоасафовская. Только 1-е полугодие – месяцы сентябрь – февраль. – Только в незаконченном Иоасафовском Прологе 1641 г. (П-1641).

0-4-2) 2-я редакция (1-я полная) – Иосифовская. – Только в Иосифовском Прологе 1642–1643 гг. (П-1642/43) и в старообрядческих и единоверческих перепечатках П-1642/43.

0-4-3) 3-я (2-я полная) редакция – только во 2-м полном издании 1659–1660 гг. (П-1659/60).

0-4-4) 4-я (3-я полная) редакция. – В 3-м полном издании 1661–1662 гг. (П-1661/62) и во всех последующих изданиях (кроме старообрядческих и единоверческих изданий, где перепечатывалась 2-я редакция). 4-я редакция, одна из всех, представлена во многих изданиях и имеет много видов. Последнее издание 4-й редакции – последнее синодальное издание Пролога, вышедшее в 1895–1896 гг.

0-5) Изменения текста по редакциям имели характер скорее последовательного расширения и дополнения текста, чем сокращения; проще сказать, каждая новая редакция была пространнее предыдущей.

0-6) Для расширения текста в новых редакциях использовались преимущественно жития русских святых и большие тексты "по кафисмах" (а в 4-й редакции во 2-м полугодии – также памяти без сказаний).

1) Особенности 1-й редакции:

1-1) 1-я редакция представлена только в П-1641.

1-2) 1-я редакция – неполная: только первое полугодие, месяцы сентябрь – февраль.

1-3) Наборный оригинал П-1641 – рукопись Тип. 327, – стихной Пролог за 1-е полугодие, XVI в.

1-4) 1-я редакция – стихная.

1-5) Изъято большинство памятней без сказаний, которых очень много в рукописном стихном Прологе. В рукописи Тип. 327 я насчитал 349 памятней без сказаний, не включенных в печатный текст П-1641; в действительности изъятых памятней без сказаний было больше, так как рукопись сильно дефектна.

1-6) Текст "по кафисмах" только один: 26 сентября – "житие и жизнь" Иоанна Богослова.

1-7) Славянские статьи 1-й редакции: 16 сентября – житие княгини Людмилы Чешской; 28 сентября – "страсть" князя Вячеслава Чешского; 14 октября – "память преподобныя Парасковий"; 19 октября – "память" Иоанна Рыльского; 21 октября – "пренесение" в Тырново мощей епископа Илариона Меглинского; 22 ноября – "успление" Михаила Воина; 14 января – "память" архиепископа Саввы Сербского; 13 февраля – "память" Симеона Сербского; 14 февраля – "память" Кирилла Философа.

1-8) Русских статей немного – всего лишь 7 статей: 5 сентября – "убьение благовернаго князя Глеба"; 24 ноября – псевдоэпиграфическая "притча святаго Варлама о еретїцех, и о идолослужителех"; 25 ноября – "Чюдо святаго Климента отрочяти"; 26 ноября – "освящение церкви святаго великомученика Георгия, еже в Киеве, пред враты Святыя Софии"; 30 ноября – "слово, о проявлении крещения Русьския земли, святаго апостола Анѣдреа како приходил в Русь, и благословил место и крест поставил, идеже ныне град Киев"; 11 февраля – "память" Димитрия Прилуцкого; 12 февраля – житие митрополита Алексия.

1-9) В начале – старинное предисловие, переведенное с греческого. В предисловии указано, что Пролог составил "трудолюбивый Илия, иже мног съи рвением и боголюбом, и многу бодрость во иночестве и подвиг положь", а дополнил "Симеон священноинок". (В некоторых списках вместо Илии указан Петр, а вместо Симеона – Константин, митрополит Мокисийский (см. [3. С. 293–295].)

1-10) В конце – послесловие издателей П-1641: "Описание и объявление въкратце настоящия сея новопечатныя книги Пролога, сиречь всего пролетнаго писания сим всем святым, и како по царскому велению напечатана бысть".

2) Особенности 2-й редакции:

2-1) 2-я редакция представлена только в П-1642/43.

2-2) 2-я редакция – первая полная печатная редакция: есть оба полугодия.

2-3) 2-я редакция – единственная полная печатная дониконовская редакция; поэто-му была принята у старообрядцев и единоверцев.

2-4) 2-я редакция – не стихная: в ней случайно остались только шесть стихных статей. В стихных статьях из 1-й редакции стихи изъяты.

2-5) Типографским оригиналом для первого полугодия послужил П-1641.

2-6) Типографским оригиналом для второго полугодия послужила рукопись Син. 241 – Пролог "второй русской редакции" за 2-е полугодие, начало XVII в.

2-7) Во 2-й редакции, в приложениях к 1-му и 2-му полугодиям – синаксари на подвижные праздники. В 1-м полугодии – девять синаксарей. во 2-м – 27; в обоих полугодиях – 31 синаксарь, не считая повторений (с повторениями – 36 синаксарей). В

других редакциях нет синаксарей на подвижные праздники. Обычно эти синаксари помещались в Постной и Цветной Триодах. Автором синаксарей считается Никифор Ксанфопул, патриарх Константинопольский.

2-8) Текстов "по кафисмах" – восемь (из них только один – в 1-м полугодии): 26 сентября – "житие и жизнь" Иоанна Богослова (есть и в 1-й редакции); 25 марта – Иоанна Златоуста слово на Благовещение; 24 июня – Афанасия Великого слово на Рождество Иоанна Предтечи; 29 июня – Иоанна Златоуста "похвала святым верховным апостолом Петру и Павлу"; 12 июля – "житие и подвизи" Михаила Малеина (патрон царя Михаила Феодоровича); 20 июля – "Григория мниха и презвитера, игумена обители Пантократоровы, слово похвалное, святому пророку и боговидцу Илии"; 6 августа – Ефрема Сирина слово на Преображение Господне; 15 августа – святого Андрея архиепископа Иерусалимского слово на Успение Богородицы; добавление ко 2-му полугодю – "Месяца апреля в 23 день. мучение святого и славнаго великомученика Георгия".

2-9) Славянские статьи 2-й редакции: 16 сентября – житие княгини Людмилы Чешской; 28 сентября – "страсть" князя Вячеслава Чешского; 14 октября – "память преподобных Парасковии"; 19 октября – "память" Иоанна Рыльского; 21 октября – "пренесение" в Тырнов мощей епископа Илариона Меглинского; 22 ноября – "успение" Михаила Воина; 15 декабря – житие архиепископа Стефана Сурожского (нет в 1-й редакции); 14 января – "память" архиепископа Саввы Сербского; 13 февраля – "память" Симеона Сербского; 14 февраля – "память" Кирилла Философа; 4 марта – "пренесение честных мощей" князя Вячеслава Чешского; 11 мая – "память преподобнаго отца нашего Мефодия епископа Моравскаго учителя Русьскаго"; 26 мая – "страдание" Георгия Нового; 2 июня – страдание "великомученика Иоанна Новаго мучившагося в Беле граде" (Аккермане); 6 августа – поучение Климента Охридского на Преображение Господне. Все статьи 1-го полугодия есть и в 1-й редакции, кроме жития Стефана Сурожского под 15 декабря.

2-10) Во 2-й редакции очень много русских статей. В обоих полугодиях – 64 статьи, в том числе 28 в 1-м полугодии и 36 во 2-м полугодии. Из 28 статей 1-го полугодия только семь статей заимствованы из 1-й редакции. Перечень русских статей 2-й редакции: 5 сентября – "убиение благовернаго князя Глеба" (есть и в 1-й редакции); 7 сентября – "память" архиепископа Иоанна Новгородского; 16 сентября – "преставление" митрополита Киприана; 19 сентября – "память" князей Феодора, Давида и Константина; 20 сентября – "убиение" князя Михаила и боярина Феодора Черниговских; 25 сентября – "преставление" Сергия Радонежского; 27 сентября – "преставление" Савватия Соловецкого; 1 октября – "память" Саввы Вишерского; 29 октября – житие Авраамия Ростовского; 5 ноября – житие архиепископа Ионы Новгородского; 6 ноября – "память" Варлаама Хутынского; 17 ноября – "память" Никона Радонежского; 23 ноября – "память" великого князя Александра Невского; 24 ноября – псевдоэпиграфическая "притѣча святаго Варлаама о еретицех, и о идолослужителех" (есть и в 1-й редакции); 25 ноября – "Чюдо святаго Климента о отрочяти" (есть и в 1-й редакции); 26 ноября – "освящение" церкви святаго великомученика Георгия, еже в Киеве, пред враты Святыи Софии" (есть и в 1-й редакции); 27 ноября – "обретение честных мощей" князя Всеволода Псковского; 27 ноября – "воспоминание бывшего знамения и чюдесе от иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Девы Марии, иже в Великом Новѣ граде"; 30 ноября – "слово, о проявлении крещения Русьския земли, святаго апостола Анѣдреа како приходил в Русь, и благословил место, и крест поставил, идеже ныне град Киев" (есть и в 1-й редакции); 3 декабря – "преставление" Саввы Сторожевского; 7 декабря – "память" Антония Сийского; 21 декабря – житие митрополита Петра; 10 января – "успение" Павла Комельского; 11 января – "память" Михаила Клопского; 31 января – "память" архиепископа Никиты Новгородского; 11 февраля – "память" Димитрия Прилуцкого (есть и в 1-й редакции); 11 февраля – "память" князя Всеволода Дмитровского; 12 февраля – житие митрополита Алексия (есть и в 1-й редакции); 2 марта – "память" епископа Арсения Тверского; 11

марта – житие архиепископа Евфимия Новгородского; 17 марта – "преставление" Макария Калязинского; 17 апреля – "память" Зосимы Соловецкого; 26 апреля – "память" епископа Стефана Пермского; 27 апреля – слово о Исаакии Печерском; 28 апреля – "память" епископа Кирилла Туровского; 1 мая – "память" Пафнутия Боровского; 2 мая – "пренесение мощей" князей Бориса и Глеба; 3 мая – "преставление" Феодосия Печерского; 7 мая – "память" Антония Печерского; 9 мая – перенесение мощей Николая Чудотворца (русская статья); 10 мая – "слово о черноризце исходящем из монастыря" (из жития Феодосия Печерского в Печерском Патерике); 14 мая – "преставление" Исидора Ростовского; 15 мая – житие епископа Исаии Ростовского; 15 мая – "память" Евфросина Псковского; 15 мая – "убиение" царевича Дмитрия; 19 мая – "память" Корнилия Комельского; 20 мая – "первое пренесение мощей" князей Бориса и Глеба; 23 мая – "обретение телесей" епископа Леонтия Ростовского; 26 мая – "слово како диявол изводит до отпетия из церкви человека" (из жития Матфея Прозорливого в Печерском Патерике); 1 июня – "память" Дионисия Глушицкого; 9 июня – "память" Кирилла Белозерского; 25 июня – "память" Петра и Февронии Муромских; 27 июня – "слово о Мартине мниси иже бе в Турове, у церкви святыю мученику Бориса и Глеба, един живый о Бозе"; 11 июля – "успение" великой княгини Ольги; 12 июля – "житие и подвизи" Михаила Малеина (житие явно русского происхождения, читалось "по кафисмах"); 12 июля – мучение Феодора Варяга и сына его Иоанна; 15 июля – "успение" великого князя Владимира; 16 июля – "знамение бывшее от иконы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно Девы Марии иже бысть в веси Псковской в Черсках"; 24 июля – "страсть" князей Бориса и Глеба; 25 июля – "память" Макария Желтоводского; 1 августа – "празднуем Всемилостивому Спасу Христу Богу нашему, и Пречистой Богородице Марии Матери Его" (память победы Андрея Боголюбского над волжскими булгарами); 3 августа – "память" Антония Римлянина; 24 августа – "пренесение честных мощей" митрополита Петра; 26 августа – сретение иконы Владимирской Божьей Матери (и память избавления от нашествия Тамерлана).

2-11) В основном тексте 1-го полугодия изъяты 36 статей 1-й редакции. Полное перечисление всех изъятых статей и объяснение в каждом случае мотивов исключения заняло бы слишком много места. Скажу только, что 27 статей исключены как излишние (материал полностью дублируется в других статьях), еще четыре – как необязательные (материал частично дублируется); только пять изъятых статей не имеют параллелей. Исключены следующие статьи без параллелей: 11 октября – "память святых патриарх Коньстантина града, Нектария и Араскиа, и Сисиния" (память без сказания, стихная); 22 декабря – "отворение святыя Божия Великия Церкви" (память без сказания, стихная); 22 декабря – "просвещение Божественна Церкви" (память без сказания, стихная); 24 декабря – "слово от Патерика о некоем мниси, впадшем в тяжек грех, и прощен бысть покаяния ради"; 20 февраля – "память преподобнаго отца нашего Висариона".

2-12) В основной текст 1-го полугодия включены 24 статьи, в том числе 21 русское житие (о русских житиях см. выше рубрику 2-10). Кроме русских житий, включены еще: 15 декабря – житие архиепископа Стефана Сурожского; 4 января – приписывавшаяся Дорофею Гирскому статья "собор святых седмидесяти апостол, и о избрании их, и о скончании" (в 1-й редакции вместо этой статьи память без сказания и стиха); 27 февраля – "повесть о преподобном отце нашем Елисеи, zelo полезна".

2-13) Переработаны четыре статьи 1-й редакции: 11 октября – "память святаго апостола Филиппа, единаго от седми дякон" (вставлен рассказ о крещении Филиппом внуха царицы Кандакийской); 27 октября – "слово святаго отца нашего Евагрия о умилении души" (в 1-й редакции было только начало, во 2-й – полный текст); 28 октября – "В тойже день преподобнаго отца нашего Иоанна Хозовита" (в 1-й редакции небольшая статья со сказанием, во 2-й сказание изъято и статья превращена в память без сказания); 10 февраля – "слово от Патерика о плачи" (в 1-й редакции нет начала, во 2-й – полный текст).

2-14) У 12 статей изменено расположение: 13 сентября – житие Корнилия Сотника (в 1-й редакции было под 11 сентября); 9 октября – "повесть преподобнаго отца Данила, о Аньдронице, и о жене его" (1-я редакция – под 23 октября); 12 октября – "память" епископа Козмы Маиумского (была под 15 января); 17 октября – "память" Андрея Критского (была под 16 октября); 9 ноября – "страсть святых мученик, Онсифора и Порфирия" (была под 10 ноября); 9 ноября – "слово от Патерика о Иоанне мнисе Кблове, и о послушании его" (было под 21 февраля); 19 ноября – житие мученика Варлаама Антиохийского (было под 16 ноября); 20 ноября – "память" Прокла, архиепископа Константинопольского (была под 24 ноября); 31 марта – "память" епископа Ипатия Гангрского (была под 25 февраля); 14 апреля – житие папы Мартина (было под 20 сентября); 27 мая – житие священномученика Ферапонта (было под 4 января); 5 июня – "память" Дорофея, епископа Тирского (была под 9 октября).

2-15) В приложении ко 2-му полугодю, между 31 августа и синаксарями на подвижные праздники – "Месяца апреля в 23 день. мучение святаго и славнаго великомученика Георгия". Это пространное житие, из тех, что должны читаться "по кафисмах", но пометы о чтении "по кафисмах" нет. Житие не помещено под 23 апреля, вероятно, потому, что не было своевременно подготовлено к печати.

2-16) В начале 1-го полугодия, перед 1 сентября – старинное предисловие, т.е., что и в 1-й редакции.

2-17) В конце обоих томов – новое послесловие издателей: "Описание и объявление въкратце настояция сей новья книги Пролога, сиречь всепролетнаго писания всех святых и како по царьскому велению напечатана бысть". В П-1641 послесловие похожее, но другое.

2-18) В конце 2-го тома, после послесловия издателей – добавочное послесловие печатников, где говорится об орфографии Пролога. В 1-й редакции нет этого послесловия.

2-19) В самом конце 2-го тома, после обоих послесловий – "Ведомо же буди и о сем", – примечание справщиков к синаксарю в неделю о Самаряныни.

3) Особенности 3-й редакции:

3-1) 3-я редакция представлена только в П-1659/60.

3-2) В 3-й редакции изъяты синаксари на подвижные праздники, во 2-й редакции помещенные в приложениях к обоим полугодиям (в обоих полугодиях был 31 синаксарь, не считая повторений; подробнее см. выше рубрику 2-7).

3-3) Внесены девять новых текстов "по кафисмах": 8 сентября – Андрея Критского слово на Рождество Богородицы; 21 ноября – святого Тарасия архиепископа Константинопольского слово на Введение; 6 декабря – житие Николая Чудотворца; 25 декабря – Афанасия Великого слово на Рождество Христово; 6 января – два слова святого Прокла патриарха Константинопольского: на Богоявление и на Крещение Господне; 2 февраля – святого Кирилла архиепископа Константинопольского слово на Сретение Господне; 17 марта – "житие и жителство" Алексия Человека Божия (перевел в 1659 г. Арсений Грек); 29 августа – Иоанна Златоуста "слово на усекновение Иоанна Крестителя".

3-4) Добавлены две новые славянские статьи, обе под 9 мая: "Чюдо новейшее святаго Николаа о царе Стефане Сербьском иже в Дачянех, како дарова ему очи иже на длане. Списано Григорием мнихом и пресвитером. игуменом бывшим тояже обители" и "Ино чюдо святаго Николаа о том же царе Стефане".

3-5) В основном тексте добавлена 21 русская житийная статья: 30 сентября – "успение" Григория Пеллшемского; 4 октября – житие архиепископа Гурия Казанского и епископа Варсонофия Тверского; 22 октября, день Казанской Божьей Матери – "празднуем Пресвятей Богородице, избавления ради от ляхов"; 23 октября – житие Иакова Боровицкого; 23 декабря – "память" митрополита Филиппа; 4 февраля – "память" Кирилла Новоезерского; 31 марта – житие митрополита Ионы; 1 апреля – "преставление" Евфимия Суздальского; 28 мая – "преставление" епископа Игнатия Ростовского; 23 июня, день Владимирской Божьей Матери – "празднуем Пресвятой

Богородице о избавлении от Ахмата Ординского царя"; 5 июля – "обретение мощей Евфимия Суздальского; 5 июля – "обретение мощей" Сергия Радонежского; 6 июля – "сказание о явлении Пресвятыя Богородицы во граде Казани"; 9 июля – "сказание о явлении чудотворного образа Пресвятыя Богородицы, иже на Колóче"; 9 июля – "пренесение мощей" митрополита Филиппа; 10 июля – "празднуем Положению Ризы Господни, и сказание о еже како принесена бысть. от Аббас шаха, в царствующи град Москву"; 28 июля – "празднство иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородици, и присно Девы Марии, Смоленская нарицаемая Одигитрие"; 2 августа – "преставление" Василия Блаженного; 14 августа – "пренесение честных мощей" Феодосия Печерского; 22 августа – "повесть о иконе Пресвятыя Богородицы, Грузинския"; 30 августа – житие Александра Свирского.

3-6) В основном тексте изъяты четыре статьи 2-й редакции: 13 января – "слово святаго Иоанна Златоустаго, еже не поносити никомуже. да и сами не поносими будут" (это слово заменено другим: "слово о еже не имети злобы"); 10 июня – "память преподобнаго отца нашего Феофана, иже во Антиохии"; 10 июня – "слово от Иисуса Сирахова"; 13 июня – "слово от Патерика о двою пустыннику".

3-7) В основной текст включены вновь 37 статей: девять текстов "по кафисмах" (см. выше рубрику 3-3); 21 русская житийная статья (см. выше рубрику 3-5); и, сверх того, еще 7 статей, из которых 5 посвящены Николаю Чудотворцу: 13 января – "слово о еже не имети злобы" (включено вместо другого слова: "слово святаго Иоанна Златоустаго. еже не поносити никомуже. да и сами не поносими будут"); 9 мая – "слово похвално, на память иже во святых отца нашего Николаа, Чудотворца архиепископа Мир Ликийских"; 9 мая – "Чюдо святаго Николаа о ковре"; 9 мая – "Чюдо новейшее святаго Николаа о царе Стефане Сербском иже в Дачянех, како дарова ему очи иже на длане. Списано Григорием мнихом и пресвитером. игуменом бывшим тояже обители"; 9 мая – "Ино чюдо святаго Николаа о том же царе Стефане"; 9 мая – "Чюдо святаго чудотворца Николаа о обнищавшем монастыре егоже обогати златом"; 28 мая – память без сказания: "святаго священномученика Елладия". Помещенные под 9 мая четыре чюда святого Николая заимствованы из старопечатного сборника "Службы, житие и чюдеса Николая Чудотворца" (ближайшее по времени издание – Москва, 7 августа 1643, печаталось одновременно с П-1642/43).

3-8) Подверглись переработке четыре статьи основного текста: 30 сентября – "слово святаго Ефрема о откровении просфоры соблазнившемуся брату" (сокращенная редакция заменена полной); 3 октября – житие Дионисия Ареопажита (изъят занимавший более половины текста рассказ о видении Дионисия на Крите); 31 мая – "слово святаго Ефрема Сирина о страхе и о безъстрашии" (опущено заключение, есть также мелкие сокращения); 31 августа – "воспоминание еже в святей раце положения честнаго пояса, Пресвятыя Богодица [! Богородица] в честнем Ея храме, сущем в Халкопатии пренесенаго от епископства Зила, при Иустиниане цари" (текст радикально переработан). 20 апреля – "слово святаго Анастасия игумена Горы Синайской об ангеле хранителе"; во 2-й редакции текст слова тот же, но авторство приписано Василию Великому.

3-9) Первая статья несколько изменила расположение: 9 мая – "слово на пренесение честных мощей иже во святых отца нашего Николая епископа [! архиепископа] Мирскаго чудотворца". Во 2-й редакции это слово было в самом конце дня 9 мая, а в 3-й перенесено в начало дня.

3-11) Изъято большое житие Георгия Победоносца, помещенное в приложении ко 2-му полугодю (см. выше рубрику 2-15).

3-12) Изъято старинное предисловие в начале 1-го тома (есть в 1-й и 2-й редакциях).

3-13) В конце обоих томов издательское послесловие – переработка послесловия во 2-й редакции (об этом послесловии см. выше рубрику 2-17). В 3-й редакции послесловие изменено по сравнению со 2-й редакцией: нет заголовка; изменены даты и имена правителей; изъято место, где говорится о предшественниках Романовых;

вставлено указание на повторность издания: "[...] и вложи [Бог] во ум его [Алексея Михайловича] благоу мысль, во еже паки *второе* издати сию книгу Пролог, [...]".

3-14) Изъято послесловие печатников в конце 2-го тома (см. выше рубрику 2-18).

3-15) Изъято примечание справщиков к синаксарю в неделю о Самаряныни, так как изъят и сам синаксарь. Во 2-й редакции это примечание помещено в самом конце 2-го тома, после обоих послесловий (см. выше рубрику 2-19).

3-16) Маленькое, но важное стилистическое изменение: изъяты слова "Благослови отче" в начале дня, пережиток церковного чтения Пролога.

4) Особенности 4-й редакции:

4-1) 4-я редакция представлена в 4-м (3-м полном) издании П-1661/62 и во всех последующих изданиях Пролога, включая последнее синодальное издание, вышедшее в Петербурге в 1895-1896 гг.

4-2) 4-я редакция имеет много видов. Так как сравнение видов 4-й редакции далеко еще не закончено, далее я буду говорить только о 1-м виде 4-й редакции, представленном в П-1661/62.

4-3) Главная отличительная особенность 4-й редакции: во 2-м полугодии добавлено много памятней без сказаний, вообще-то не характерных для печатного Пролога. Всего во 2-м полугодии 93 новые памяти без сказаний, не считая новых русских памятней. Новых памятней без сказаний слишком много, чтобы я мог их здесь перечислить. 15 новых памятней без сказаний – "еже о Господьстей Пасце", т.е. посвящены подвижным праздникам, приуроченным к Кириопасхе, когда Светлое Воскресение приходится на 25 марта и совпадает с Благовещением. Шесть памятней без сказаний пасхального цикла – со стихами.

4-4) Добавлены три новых текста "по кафисмах": в конце ноября – "Слово похвално" Иоанну Златоусту (должно быть под 13 ноября, но не напечатано на своем месте и помещено в приложении к ноябрю); 12 февраля – "Слово" похвальное митрополиту Алексею; 8 июня – "Мучение" Феодора Стратилата.

4-5) Добавлены 44 русские статьи (в том числе одно слово "по кафисмах" и 5 памятней без сказаний): 9 сентября – житие Иосифа Волоцкого; 25 сентября – "память" Евфросинии Суздальской; 7 октября – житие Сергия Обнорского; 20 октября – житие Артемия Веркольского; 22 ноября – житие великого князя Михаила Ярославича Тверского; 7 декабря – житие Нила Столбенского; 23 января – житие Геннадия Костромского; 28 января – житие Ефрема Новоторжского; 12 февраля – "Слово на блаженнаго в святых отца нашего Алексѣя, архиепископа [! митрополита] Киевскаго и всеа Россѣи, [! России], новаго чудотворца" (слово "по кафисмах"); 4 марта – "повесть о великом князе Данииле Александровиче Московском"; 4 марта – "страдание блаженнаго князя Василька Ростовскаго"; 5 марта – "пренесение честных мощей преподобнаго отца нашего, благовернаго князя Феодора Смоленскаго и Ярославльскаго чудотворца, и чад его Давида, и Конъстантина" (память без сказания); 14 марта – "повесть о иконе Пресвятыя Богородицы, Одигитрия, нарицаемья Феодоровския, иже на Костроме"; 14 марта – "страдание" митрополита Феоноста; 16 марта – житие архиепископа Серапиона Новгородского; 7 апреля – житие Даниила Переяславского; 8 апреля – память без сказания епископа Нифонта Новгородского; 10 мая – житие "преподобнаго отца нашего архимандрита Дионисия Живоначалныя Троицы Сергиева Монастыря"; 19 мая – "преставление благовернаго князя Иоанна, во иноцех Игнатия Вологодскаго чудотворца; 20 мая – "сказание о обретеніи, и о пренесеніи честных мощей" митрополита Алексія; 21 мая – "память святаго благовернаго князя Константина, и чад его Михаѣла, и Феодора Муромских чудотворцов"; 21 мая – житие "преподобнаго отца нашего Касиана Грека, Углецкаго чудотворца"; 23 мая – житие Евфросинии Пблочки; 24 мая – "преставление" Никиты Переяславского; 27 мая – "пренесение честных мощей иже во святых отец наших трех святителей Киприана, Фотиа, и Ионы, Киевских, и всея Рбссии чудотворцов"; 27 мая – житие Ферапонта Белозерского; 29 мая – житие Иоанна Устюжского; 3 июня – "пренесение честных

мощей" царевича Димитрия (память без сказания); 5 июня – "страдание" Игоря Ольговича, великого князя Киевского; 9 июня – житие Александра Куштского; 16 июня – житие Тихона Луховского; 29 июня – житие Петра Царевича Ордынского; 3 июля – житие Никодима Кожеозерского; 7 июля – "повесть о великой княгине, Евдокии во инокинях, Евфросинии, супружнице великаго князя Димитрия Иоанновича, зовомаго Донскаго"; 8 июля – житие Прокопия Устюжского; 14 июля – житие Стефана Махрицкого; 20 июля – житие Авраамия Чухломского; 26 июля – житие Моисея Угрина; 27 июля – память без сказания "Николы Кочанова, Христа ради уродиваго, Новгородскаго чудотворца"; 29 июля – "повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николаа, како принесен бысть на Рязань в Заразьской"; 13 августа – "обретение честных мощей святаго и блаженнаго Максима, Христа ради уродиваго, Московскаго чудотворца" (память без сказания); 21 августа – житие Авраамия Смоленского; 24 августа – житие Арсения Комельского; 28 августа – житие Саввы Крыпецкого.

4-6) Изъяты две статьи 3-й редакции: 13 декабря – "слово о еже не имети злобы"; 31 марта – "слово Иоанна Златоустаго о милостыни и о рабех".

4-7) Внесены 144 новые статьи, в том числе; 93 вселенские памяти без сказаний (о них см. выше рубрику 4-3); три текста "по кафисмах", в том числе: одна русская статья (см. выше рубрику 4-4); 44 русские статьи, в том числе одно слово "по кафисмах" и пять памятней без сказаний (см. выше рубрику 4-5). Остальные пять новых статей: 29 февраля – житие Кассиана Римлянина; 27 марта – "повесть преподобнаго отца нашего Даниила, о Евлогии каменосече"; 5 апреля – "повесть аввы Серапиона, о Марке Фрачестем"; 29 мая – "повесть от жития, иже во святых отца нашего Иоанна Милостиваго"; 9 июля – житие епископа Феодора Едесского.

4-8) Подверглись переработке две статьи: 1 сентября – "память святаго иконы Пресвятыя Богородицы изшедшия от езера Азурова. въвержене ей бывши от иконоборец. И память бывшаго пожара." (в 3-й редакции есть только сказание о Миасинской иконе, в 4-й редакции механически соединены два разных сказания: об иконе и о пожаре в Константинополе при Льве Великом); 13 ноября – "память иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Константинопольскаго Златоустаго" (в 3-й редакции другой вариант статьи, более краткий).

4-9) Несколко изменено расположение одной статьи: 10 июля – "память святых постник десяти тысящ, еже в Ските, и в вертепех, и в пустынных местех, горкою смертию подави огнем же и дымом Феофил епископ Александрийский, Исидора ради пресвитера" (память без сказания). В 3-й редакции память положена после статьи "слово от бесед святаго Григория", в 4-й редакции – перед этим словом.

4-10) В конце обоих томов П-1661/62 – одно и то же издательское послесловие. В первом томе указано, что П-1661/62 – третье издание Пролога: "[...] и вложи [Бог] во ум его [Алексея Михайловича] благуя мысль, во еже паки *вътретье* издати сию книгу Пролог, [...]". Во втором томе указание на повторность издания почему-то снято: "благуя мысль издати сию книгу Пролог". Впервые это предисловие было помещено во 2-й редакции, затем, в сильно переработанном виде – в 3-й редакции. В 4-й редакции текст послесловия довольно близко следует 3-й редакции.

Издания и рукописи Пролога, рассматриваемые в настоящей работе

П-1641.

Пролог. [Первое неоконченное издание]. Т. 1 (более не издано). Сентябрь – февраль. Печатан при царе Михаиле Феодоровиче и царевиче Алексее Михайловиче; начат при патриархе Иоасафе I (скончался 28 ноября 7149/1640 г.), окончен в между-патриаршество. Москва. Печатный Двор, 29 августа 1641 (1 сентября 7149/[1640])–29

августа 7149/[1641]. 2°. 896 [=850] нум. л.; фолиация неправильная. Кн. 1 (сентябрь – ноябрь) – л. 1-419. Кн. 2 (декабрь – февраль) – л. 420-896.

Типографский оригинал – рукопись Тип. 327. Тираж 1.200 экз. (1 завод, т.е. стандартный тираж для Москвы XVII в.). Цена без переплета 3 руб.

П-1642/43.

Пролог. [1-е полное издание]. Печатано при царе Михаиле Феодоровиче, царевиче Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе. Т. 1-2. Москва, Печатный Двор, 16 декабря 1642 – 6 декабря 1643. 2°.

Т. 1. Сентябрь – февраль. Начат в междупатриаршество, окончен при патриархе Иосифе (патриарх с 20 марта 7150/1642 г.). 16 декабря 1642 (15 декабря 7150/[1641] – 16 декабря 7151/[1642]). 906 [=907] нум. л. Кн. 1 (сентябрь – ноябрь) – л. 1-437. Кн. 2 (декабрь – февраль) – л. 438-906.

Т. 2. Март – август. 6 декабря 1643 (15 декабря 7151/[1642] – 6 декабря 7152/[1643]). 953 [=955] нум. л. Кн. 1 (март – май) – л. 1 – [462]; л. [462] – пустой. Кн. 2 (июнь – август) – л. 463-953.

Типографские оригиналы: для тома 1 – П-1641, для тома 2 – рукопись Син. 241. Тираж: том 1 – 1.200 экз. (один завод), том 2 – 2.400 экз. (два завода). Цена за каждый том без переплета – 3 руб.

По документам Печатного Двора, два завода 2-го тома печатали одновременно в двух корпусах Печатного Двора: один завод начали печатать 9 февраля 7151/1643 г., в Деревянных Хоромах, другой – через день, 10 февраля, в Каменных Хоромах. Так как 2-й том печатался двумя заводами, существуют два типографских варианта 2-го тома: вид А и вид Б. Сравнение обоих видов с рукописью Син. 241 показывает, что непосредственно с рукописи печатали вид А. Очевидно, вид А – тот завод, который начали печатать раньше, 9 февраля, в Деревянных Хоромах. Вид А и вид Б различаются кое-где разбивкой текста по страницам, ошибками в сигнатурах и фолиации и т.п.; замеченные мной текстуальные различия – только в традиционных фразах в начале и конце чтений дня. Вот наиболее заметные различия между видом А и видом Б.

Вид А:

1) л. 1, в начале текста, заглавная буква "Т" – ломбард.

2) 23 марта, в конце дня, л. 123 – окончание дневного чтения: "Богу нашему слава *всегда, ныне и присно и вовеки веком*".

3) 8 мая, в начале дня, л. 352 – нет начальных слов дня "Благослови отче". Вариант Б – есть эти слова.

4) 11 мая, в середине дня, л. 367 об., строки 8-10: "видиши ли како // диявол приносит напасти на святых. // Богу нашему слава"; Слова "Богу нашему слава" – сокращение традиционной конечной фразы в конце дня: "Богу нашему слава, ныне и присно и вовеки веком". Здесь, в середине дня, эта конечная фраза неуместна. Вариант Б – конечная фраза снята.

5) 15 мая, в середине дня, л. 392 об., последние две строки – неуместная в середине дня конечная фраза: "Богу нашему слава ныне и присно и вовеки веком"; вариант Б – конечная фраза снята.

6) 2 июня, в конце дня, л. 472 об. – заключительная фраза дня в полном виде: "Богу нашему слава ныне и присно и вовеки веком";

7) 24 августа, в конце дня, л. 840 об., внизу – заключительные слова дня: "Богу нашему слава, ныне и присно и вовеки веком".

Вид Б:

1) л. 1, в начале текста, заглавная буква "Т" – инициал.

2) 23 марта, в конце дня, л. 123 – окончание дневного чтения стандартное: "Богу нашему слава, *и ныне и присно и вовеки веком, аминь*".

3) 8 мая, в начале дня, л. 352 – есть начальные слова дня: "Благослови отче".

4) 14 мая, в середине дня, л. 380 об., внизу: "и славляху Бога. *Емуже слава, ныне и ны(с)ро (! присно) и вовеки веком*"; Добавлены заключительные слова дня, неуместные в середине дня. Вид А – заключительных слов нет в этом месте.

5) 2 июня, в конце дня, л. 472 об. – заключительная фраза дня в сокращенной форме; "Богу нашему слава".

6) 24 августа, в конце дня, л. 840 об., внизу – заключительные слова дня: "О Христе Иисусе Господе нашем. Ему же слава, ныне и присно".

П-1659/60.

Пролог. 2-е издание. Печатано при царе Алексее Михайловиче и царевиче Алексее Алексеевиче. Т. 1-2. Москва, Печатный Двор, 1 июня 1659 – 1 марта 1660. 2°.

Т. 1. Сентябрь – февраль. 1 июня 1659 (6 октября 7167/[1658] – 1 июня 7167/[1659]). 2976 нум. с. [=967 л.], 2 нум. л. = 969 л.; пагинация неправильная, со множеством ошибок. Книга 1 (сентябрь – ноябрь) – с. 1-1004. Книга 2 (декабрь – февраль) – с. 1005-2976, л. 1-2.

Т. 2. Март – август. 1 марта 1660 (29 мая 7167/[1659] – 1 марта 7168/[1660]). 1821 нум. с. = 889 л.; пагинация неправильная, со множеством ошибок. Книга 1 (март – май) – с. 1-1009. Книга 2 (июнь – август) – с. 1010-1821.

П-1661/62.

Пролог. 3-е издание. Печатано при царе Алексее Михайловиче, царевиче Алексее Алексеевиче и царевиче Феодоре Алексеевиче, в междупатриаршество. Т. 1-2. Москва, Печатный Двор, 17 августа 1661 – 17 марта 1662. 2°.

Т. 1. Сентябрь – февраль. 17 августа 1661 (18 января – 17 августа 7169/[1661]). Книга 1 (сентябрь – ноябрь) – 490 [=493], 23 нум. л. = 516 л. Книга 2 (декабрь – февраль) – 508 [=511] нум. л.

Т. 2. Март – август. 17 марта 1662 (23 сентября 7170/[1661] – 17 марта 7170/1662). Книга 1 (март – май) – 523 [=529] нум. л. Книга 2 (июнь – август) – 470 [=437] нум. л., 2 нен л. = 439 л.

Син. 241.

Москва, Государственный Исторический Музей (ГИМ), собрание славянских рукописей Синодальной (Патриаршей) Библиотеки, № 241. Пролог. Так называемая "вторая русская редакция" или "пространная русская редакция". 2-е полугодие – месяцы март – август. Типографский оригинал 2-го полугодия П-1642/43. Начало XVII в. (вкладная запись 14 ноября 1628 г.). 2°. 1027 л.; фолиация второй половины XIX в., арабскими цифрами. Полуустав. Переплет – XVIII в., кожаный без досок.

Л. 2-14, 16-18, 21-22, 25-29, 36-37, 40-45, 50-51, 54-55, 58-62, 68, 70, внизу листов – полистная вкладная запись (полуустав): "7137 го [=1628] году ноября в 14 день на памят[ь] святаго апостола Филипѣа положил сию книгу в Чюдове монастыре в дом Благовѣщения Пресвятыя Богородица и Чюдо Архистратига Михаїла и иже во святых отца нашего Алексѣя митрополита Киевскаго и Московскаго и всеа Русии и чюдотворца при архиморите Феодосия и при келаре Боголепе и при казначеи Анѣдрѣяне тогоже Чюдова монастыря чернїи диякон Еуфимѣи Вязметин по своих родителей на памат[ь] и по своѣи [оборвано: "душе"] вечно без выносу".

При подготовке к печати П-1642/43 рукопись Син. 241 была расплетена, а в XVIII в. заново переплетена; при этом листы были во многих местах перепутаны.

Листы рукописи – двух видов: старые и позднейшие. Старые листы – основная часть рукописи; принадлежат первоначальному писцу рукописи (довольно тщательный полуустав одной руки). Позднейшие листы – дополнения и исправления, внесенные в рукопись при подготовке к печати П-1642/43 (небрежный, но разборчивый полуустав, тот же, что и в позднейших листах Тип. 327).

Рукопись Син. 241 дефектна, так как некоторые листы расплетенной рукописи были утеряны во время печатания П-1642/43. Но все же рукопись сохранилась лучше, чем Тип. 327. 6 листов из Син. 241 (начало дня 1 августа) сейчас находятся в Тип. 327 (см. ниже).

Рукопись Син 241 размечена по страницам и тетрадам печатного текста; разметка такая же, как в Тип. 327. По разметке можно определить, что непосредственно с Син. 241 набирался вид А второго тома П-1642/43, а вид Б второго тома набирался позднее.

В Син. 241 есть редакторская правка справщиков Печатного Двора, такая же, как в Тип. 327.

Тип. 327.

Москва, Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА), фонд 381 (рукописные книги Московской Синодальной Типографии), № 327. Пролог стихшной. 1-е полугодие – месяцы сентябрь – февраль. Типографский оригинал П-1641. XVI в. 2°. Листы: I (форзац), 1-210, 210а, 211-304, [304а], 305-903. Сигнатуры тетрадей – современные рукописи, рукою первоначального писца, кирилловскими цифрами. Фолиация – новейшая (на л. 1-14 – XIX в.), арабскими цифрами; л. [304а] – без фолиации. Полуустав (изредка также скоропись). Мягкая кожаная обложка XVII в.

Л. I (форзац), сверху – надпись киноварью, скоропись XVII в.: "Пролог писмянной с сентября по март неполон". Л. 902 об. – помета киноварью, скоропись XVII в.: "Пролог пис неполон".

В рукописи случайно вплетены два фрагмента из других рукописей:

1) Л. 178 – отрывок из послесловия к Цветной Триоди московского дониконовского издания: "сложыша в царство Греческаго царя Никифора Гэника, и Лев Арменина. [...] превышши же всех и во всех и со всеми Пресвятую Чистую и Пречистую без рассуждения честнейшую всех ангельских". Сравни, например, Цветную Триодь последнего дониконовского издания 17 марта 1648 г., л. 578–578 об.

2) Л. 897-902 – отрывок из Пролога – начало дня 1 августа. Эти листы взяты из рукописи Син. 241, где они прежде находились между нынешними листами 845 и 861.

При подготовке к печати П-1641 рукопись Тип. 327 была расплетена, а затем расплетенные листы были снова кое-как сплетены, но очень небрежно, отчего листы были сильно перепутаны. Правильный порядок листов такой: л. 180, 903, 181-183, 179, 184-193, 196-201, 203-204, 202, 215-221, 1-17, 22-23, 18-21, 25, 24, 26-33, 205-210, 210а, 211-214, 177, 194-195, 34-65, 73-82, 66, 83, 67-72, 84-176, 222-304, [304а], 305-554, 557, 555, 558-563, 556, 564-807, 819-837, 814-818, 838-896, 808-813.

Листы рукописи – трех видов: старые, новые и позднейшие. Старые листы – основная часть рукописи; принадлежат первоначальному писцу рукописи (довольно тщательный полуустав одной руки). Новые листы – начало рукописи; переписаны с другого списка стихшного Пролога, чтобы восполнить недостающее начало в дефектной рукописи (полуустав одной руки, несколько небрежный, не тот, что в старых листах). Позднейшие листы – дополнения и исправления, внесенные в рукопись уже после переписки новых листов (небрежный, но разборчивый полуустав, не тот, что в старых и новых листах; изредка – скоропись). Старые листы были когда-то обрезаны при переплете, новые и позднейшие листы – не обрезаны. Новые листы были присоединены к рукописи непосредственно перед началом подготовки к печати П-1641, когда решено было использовать для набора именно рукопись Тип. 327, тогда не имевшую начала. Позднейшие листы вставлены в рукопись уже при подготовке к печати П-1641. Новые листы: л. 180, 181-183, 179, 184-190, 192-193, 196-199. Позднейшие листы: л. 903, 191, 9-11, 205-210, 195, 47-48, 66, 85-86, 98-99, [304а], 305, 316, 322-327, 496, 525-526, 555, 558-563, 588-589, 635, 709-710, 769-770, 774-775, 789-792, 841, 866-867.

Рукопись Тип. 327 сильно дефектна, так как многие листы расплетенной рукописи были утеряны во время печатания П-1641. Сравнение с печатным текстом П-1641 показывает, что утеряны примерно 210-220 листов; целиком утрачены дни 14-18 октября, 18-27 декабря, 31 января – 3 февраля, 29 февраля.

Рукопись размечена по страницам и тетрадям печатного текста. Конец печатной страницы и начало новой страницы отмечается наклепленным на бумагу маленьким кусочком темного воска. Разметка по тетрадям обозначается пометой справщика на полях, где обозначаются сигнатуры оконченной и новой тетради и колонцифра первого листа новой тетради.

На всех страницах редакторская правка, большей частью киноварью, реже чернилами. Исключенные из печатного текста статьи перечеркнуты.

Интересные пометы справщиков:

1) 10 сентября, л. 15 об. – "В тойже день памятью святаго мученика Варипсава". Напротив первых строк – помета киноварью: "В то место списать в соборной".

2) 7 ноября, л. 317 об.-318 – "В тойже день, страсть святых мученик Саукъта и Тавриона, и Фесалоникий". Л. 318 – на полях: "Дошла тетратъ 38 я а набирай 39 я как из доклада будут повести о архангеле Михаиле". Эти "повести" см. ниже, № 4-5.

3) 8 ноября, л. 320 об. – "Не набирай двух повестей без доклад[у] в 8 м числе". Эти "повести" см. № 4-5.

4) 8 ноября, л. 322-327 об. – "В тойже день сказание о чудесех, великого Божия архистратига Михайла, и прочих ангел, како поразну являхуся, и чудодѣствовоуху, сведенѣ вкратце". Л. 322 – помета: "Доложить государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Русии как он государь приказет и велит напечатать по Библии ли, или по писменным переводом. А в писменных переводах написано везде что Михаил архангел являлся и чудодѣствовал. А в Библии написано везде ангелом дествовано а не именовано что архангел Михаил. а Михаил толко в дву местех написан при Иусе Наввине, да при Моисеове телеси, болши того нигде нет [.]. А в писменных переводах что Михаил архангел везде чудодѣствовал и то неведомо откуда взято". В конце концов сказание напечатали "по писменным переводом", но с двумя купюрами (см. вычеркнутые киноварью места на л. 329 об. и 325).

5) 8 ноября, л. 328-329 – "В тойже день слово о Иоанне огороднице". Л. 328, внизу – помета: "И сей не набирай". Очевидно, статья вызвала у справщиков сомнения, но все же была напечатана в П-1641 (см. т. 1, кн. 1, л. 2/308 об.-309).

6) 22 ноября, л. 418-420 – "В тойже день усение святаго и праведанго Михаила Воина". Л. 418 об., внизу – помета киноварью: "Смотреть Саватъю". Старец Савватий – справщик Печатного Двора.

7) 23 ноября, л. 426 об. – помета: "Саватею смотреть". Помета, очевидно, относится к нескольким исключенным при печатании П-1641 памятям без сказаний; эти памяти помещены в Тип. 327 под 23 ноября на л. 426 об.

8) 2 декабря, л. 475 об.-476 – "В тойже день слово, пророка Автъвакума. на обидящая, и на насилующая;" Л. 475 об. – помета: "Сие повесте всем посмотреть". В печатный текст П-1641 статья не вошла.

9) 4 декабря, л. 482 об. – память без сказания, со стихом: "В тойже день память преподобнаго отца нашего, Иоанна мниха. и презвитера Дамаскинскаго". Память перечеркнута киноварью, внизу страницы помета чернилами: "Написать житие из Четъей Миней", В П-1641 вместо памяти без сказания довольно обширная статья под тем же заглавием (см. П-1641, т. 1, кн. 2, л. [11]/732 [=432] – 2/732 [=432] об.).

10) 8 декабря, л. 504-504 об. – "В тойже день память святых апостол от седмицести, Сосфена, Аполлѣбса, Кифы, Тихика, Елафродита, Кесаря, и Онсифора." Л. 504, на полях – помета киноварью, зачеркнута киноварью же: "Справит[ь] со Апостолом".

11) 8 декабря, л. 504 об. – "В тѣйже день память святаго Софрония епископа Кипрскаго." Память без сказания, со стихом. Память перечеркнута киноварью, на полях помета киноварью: "Сего житие написати из Миней". Но в печатном тексте П-1641 (под 9 декабря) – житие Софрония, которое с самого начала находилось в Тип. 327 и перешло в печатный текст безо всяких изменений.

12) 8 декабря, л. 505 об.-508 – "В тойже день слово святаго Василия о наказании, како есть лепо черньцем быти." Л. 506, внизу – помета киноварью: "Се слово справить с Потребника".

13) 14 декабря, л. 546 об.-548 об. – "В тойже день память святых мученик. Филимона и Аполония". Л. 547, внизу – помета: "Саватъю [смотреть?]".

14) 15 декабря, л. 552 об. – память без сказания, со стихом: "В тѣйже день Вакхо Новый мечем ударѣн скончася". Помета киноварью, зачеркнута киноварью же: "Зде написати из Миней Благовѣщенской о Вакхе Новом". В печатном тексте П-1641 нет памяти Вакха Нового.

15) 17 декабря, л. 557 об., 556-556 об. – "Месяца тогоже, в 17 день. святых трёх отрок, Анáнии Азарии и Мисáила. и Даниíла пророка. Благослови отче." Текст неполный, без конца; окончание – на утраченных листах между л. 556 и 564. Л. 556 – помета киноварью, зачеркнута киноварью же: "Лет смотрети в Кринице [! Кронице] да в книге Иосифа Волоцково да в Гранографе".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петров Н.И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Сочинение Экстраординарного профессора Киевской духовной Академии Н. [Николая Ивановича] Петрова. Киев, 1875.
2. Русская старопечатная литература. (XVI – первая четверть XVIII в.). Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. [Вып. 1.] Гл. 1-3, 4, 7.
3. *Кучкин В.А.* Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661-1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 139-154.
4. *Жуковская Л.П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 110-120.
5. *Бубнов Н.Д.* Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274-296.
6. *Фет Е.А.* Пролог // Труды Отдела Древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XXXIX. Л., 1985. С. 262-266; *Фет Е.А.* Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 376-381.
7. *Сергий (Спасский), архиепископ Владимирский.* Полный месяцеслов Востока Архимандрита Сергия. М., 1875-1876. Т. I-II; изд. 2-е, испр. и доп. Владимир, 1901; Репринт со 2-го изд. М., 1997.
8. Служебник. М., 1977. Ч. I. С. 60.
9. Типикон, сиесть Устав. СПб., 1992. Т. 1. Л. 21. Гл. 9.

© 1998 г. САЗОНОВА Л.И.

РАННИЕ МОСКОВСКИЕ ДЕКЛАМАЦИИ
СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО
В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА ЦАРЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА
И ПАТРИАРХА НИКОНА

Историко-культурной ситуации, сложившейся вокруг идейного конфликта царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, посвящены томы и томы. Некоторые новые детали и подробности, относящиеся к истории развития этого конфликта, можно извлечь из недавно открытых декламаций Симеона Полоцкого из рукописи, хранящейся в Австрийской Национальной библиотеке (Вена), шифр: П/58, Cod. slav. 174. Л. 75–91 об. (краткое описание рукописи [1]; о составе и датировке рукописи подробнее см. [2. С. 199–205], здесь же см. первоначальную характеристику декламаций; [3. С. 69–73, 131–137]). Беловой писцовый список, содержащий сочинения Симеона Полоцкого, а также стихи его ученика и друга Сильвестра Медведева, составленные с использованием произведений своего учителя, происходит, вероятно, из архива С. Медведева (начальные строки стихов, положенных на музыку, вписаны под нотами на л. 17, 20 об., 21, 25, 26 об., 34 об., 40 об., 50 его почерком) и был изготовлен не ранее 1688 г. ("Стиси краесогласнии во Святую и Великую субботу ... глаголатися имущия" на л. 102 об. – 109 написаны, как следует из их текста, после заключения "вечного мира" с Польшей и крымского похода князя В.В. Голицына (1687), по-видимому, накануне Пасхи 1688 г.), но не позднее 1691 г., когда С. Медведева казнили [2. С. 200].

Под общим заглавием "Стихи сложныя и мѣротворныя на благоденственное пришествие пресвѣтеаго, благочестивѣйшаго, кротчайшаго и самодержавнѣйшаго царя ... Алексиа Михайловича ... во Святоезерский монастырь" объединены три декламации, представляющие интерес в контексте идейного конфликта царя и патриарха, а также характеристики раннего творчества Симеона Полоцкого. Некоторые данные для датировки содержатся в самом тексте: названы "Мария царица" и только один сын Алексея Михайловича – "орел младолѣтный государь царевичъ Алексій пресвѣтлѣй" (Л. 85), а с мая 1661 г. сыновей у царя стало двое –

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, заведующая сектором Института мировой литературы РАН.

родился царевич Федор. Следовательно, декламации были написаны до мая 1661 г. Кроме царевича Алексея, упомянуты также "пять царевен" (Л. 85 об.), они не названы по именам, что осложняет датировку, поскольку в истории царской семьи отмечены два периода, когда фигурируют "пять царевен": первый – с 26 ноября 1658 г. (родилась дочь Екатерина) по 9 мая 1659 г. (умерла дочь Анна), т.е. тогда здравствовали дочери царя Екатерина, Евдокия, Марфа, Анна, Софья; второй – с 18 января 1660 г. по 30 мая 1661 г., т.е. между рождением Марии (ставшей после кончины Анны пятой дочерью царя) и царевича Федора. В какой из этих двух периодов были написаны декламации? Уточнить датировку позволяет анализ следующих обстоятельств.

Прежде всего – несколько слов о монастыре, в котором предполагалось исполнить публикуемые декламации. Иверский Богородицкий Святоезерский монастырь Никон основал в 1653 г., как он сам признавался, по обету, а также с разрешения царя Алексея Михайловича, выдавшего жалованную грамоту на строительство новой обители и щедро даровавшего ей обширные владения – озеро Валдай, переименованное по этому случаю в Святое озеро, с окрестными землями [4. С. 118; 5. С. 13]. Здесь Никон завел типографию, где работали мастера-печатники из Кутейнского монастыря под Могилевом [6]. В России, где монопольное право на издательскую деятельность принадлежало Московскому Печатному двору, появилась еще одна типография. Главный собор монастыря – храм Успения Богородицы, торжественно освященный в декабре 1656 г., украшала икона Иверской Богоматери (Богоматери Портайтиссы), заказанная Никоном в 1648 г. на Афоне [7]. Присутствие этой святыни, а также типографии придавало Иверской обители, устроенной с присущим Никону размахом по образцу Иверского монастыря на Афоне, значение нового центра русской святости и книжной мудрости. Иверский Богородицкий Святоезерский монастырь, являющийся зримым воплощением идеи Никона о перенесении на русскую землю наиболее почитаемых православием центров духовной культуры, стоит в начале того пути, который вскоре привел патриарха к созданию Нового Иерусалима. Преемственная связь между этими монастырями отмечена уже в стихотворном "Летописце сея святыя обители Воскресенския, еже есть Новый Иерусалим", сочиненном настоятелем этого монастыря Никанором (1686–1698): "... В лѣто 7161, от Рождества Христова 1652, / Обитель первая Иверская прекрасна, / Матери Божия образ свят чудотворный, / Весь украшен златом и перлом, яко цвѣтзарный" [8].

После завершения строительства Иверского монастыря на Валдае Никон просил царя удостоить его своим посещением [4. С. 119]. Прецедент имелся: царь Алексей Михайлович присутствовал 18 октября 1657 г. в Воскресенском монастыре (Новом Иерусалиме) на освящении Никоном соборного деревянного храма [9]. Спустя ровно месяц грамотой от 18 ноября 1657 г. Никон отдал архимандриту Иверского монастыря Дионисию распоряжения о совершении различных приготовлений к пышной церемонии встречи в монастыре царя и патриарха. Предписывалось "все в церкви убрать изрядно и дивно", сделать "царское место деревянное и велеть вырезать хорошо и вызолотить", построить в церкви хоры, выбрать из монастырской братии "по портесу певцов добрых и красногласных", "стрелцов и пушкарей убрать и устроить хорошо, и пушкарю бы умели стрелять, а устроить бы пушкарей добрых, чтоб у всякой пушки было по особому пушкарю, а стрелцов прибрать из крестьянских детей, добрых и хороших молодцов, чтоб всех стрелцов и с новоприборными было 100 человек, и тех новоприборных стрелцов выучить стрелбе". Велено было также кресты позолотить, колокольную повесить, поднять колокола, заготовить "свежей рыбы и сельдей". Особый пункт плана относился к организации литературно-театрального зрелища: "Да вам же бы Иверского монастыря из братии убрать 12 братьев пред царем и пред нами орацию говорить, краткую и богословную и похвальную, за его к вам царское посещение... да убрать младенцев дванадесять же, или множае, колко обрящется и выучить також к царскому и нашему пришествию орацию говорить, краткую и богословную, и похвальную; також изготовать бы вам орацию к

царскому и нашему из Иверского монастыря отшествою и убрать тех младенцов также хорошенько по обычаю, как у епископов свещеносцы бывают, золотными или иными какими платны мочно, чтоб было велми дивно; и свечь бы вам с чем государя и нас встречать велеть сделать с 100 и болши, чтоб светлее того сделать, как вы нас, великого государя, встречали" [10. N 98. Стб. 286–295]. Отдавая распоряжение украсить церемонию встречи царя театрализованным чтением "ораций", Никон, безусловно, учитывал опыт недавнего и столь понравившегося царю Алексею Михайловичу выступления Симеона Полоцкого и его учеников-"отроков" с чтением приветственных декламаций – "Метров на пришествие во град отчистый Полоцк..." (1656) (текст "Метров..." опубликован [11. С. 29–38] по рукописи [12. Л. 3–5]; список "Метров" имеется также в рукописи [13]; см. также [14]). Да и самому Никону новые формы церемониала пришлось по душе: по прибытии в декабре 1656 г. в Иверский монастырь восемь "школьных робят" приветствовали его "орацией" [15; 16. С. 268].

Визит царя в Иверский монастырь не состоялся. Грамотой, составленной уже в конце ноября 1657 г., Никон отменил все свои распоряжения, сообщая "о несоизволении царя посетить в предстоящую зиму Иверский монастырь", царь "нынешние зимы 166 (1657) году итти не изволил" [10. № 98. Стб. 295–297]. Точные причины, почему царь не посетил тогда Иверскую обитель, неизвестны. Возможно, уже тогда конфликт царя и патриарха начал назреть и достиг своего пика 10 июля 1658 г., когда Никон самовольно покинул патриарший престол. В такой ситуации вряд ли возможно было появление декламаций после конца ноября 1657 г., в том числе и в краткий период с 26 ноября 1658 г. по 9 мая 1659 г., когда впервые в составе царской семьи было пять дочерей-царевен. Вероятнее всего, декламации следует отнести к тому периоду, когда в жизни царской семьи второй раз зафиксировано положение: пять дочерей и один сын, а именно, напомним еще раз, с 18 января 1660 по 30 мая 1661 г.

Мы предполагаем, что декламации были написаны в период с января по сентябрь 1660 г., когда Симеон Полоцкий вместе со своими учениками, "отроками" Полоцкой Богоявленской школы, впервые приехал в Москву в составе делегатов из Полоцка. Существуют разные мнения относительно цели их приезда [17]. Скорее всего, их было несколько: не исключено, что делегация прибыла с традиционной просьбой к царю о материальной помощи и покровительстве, и не в последнюю очередь, а возможно, в первую, для участия в важных внутрицерковных делах, а именно в работе церковного собора 1660 г., пытавшегося решить судьбу патриарха Никона. В составе делегации находились фигуры, занимавшие первые места в церковной иерархии на новоприосоединенных территориях – епископ Каллист и Игнатий Иевлевич, архимандрит Полоцкого Богоявленского монастыря, а также наставник и друг Симеона Полоцкого. Уже 19 января ученики Симеона выступили в Кремле с чтением "стихов красогласных", написанных в жанре декламации, в которых, кстати, "пять царевен" названы по именам (Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария) [18. С. 97–102], и приветствием новорожденной царевне Марии (текст опубликован [19. Р. 196–197] по рукописи [12. Л. 40 об.]).

Среди немногих придерживавшихся на соборе 1660 г. умеренных позиций были представители и выходцы из украинско-белорусских земель, входивших до недавнего времени в состав Речи Посполитой, где церковная реформа прошла еще при Петре Могиле и не носила столь драматического характера, как в России. Несмотря иногда на внутренние разногласия и непростые взаимоотношения между собой (епископ Каллист и Игнатий Иевлевич) они так или иначе поддержали Никона, как и Епифаний Славинецкий. Все они были заинтересованы в примирении Никона с царем. С особым мнением о порядке рассмотрения вопроса об отрешении Никона от патриаршества выступил на заседании собора 10 мая 1660 г. специально приглашенный для этого Игнатий Иевлевич. Смысл его речи сводился к тому, что решение столь важного вопроса должно быть осуществлено с участием иерархов не только Русской православной церкви, но и "восточных патриархов". Он предлагал

также рассматривать дело Никона "искусно, долгим исправлением и многим советом", не заочно, а в присутствии самого архиепископа (выступление Игнатия Иевлевича на соборе 1660 г. о Никоне 10 мая 1660 г. см. [20. С. 374–382]). Можно предположить, что мнение ученого архимандрита, обладавшего неформальным авторитетом, а также компромиссная позиция привлеченных для составления решения собора греческих монахов привели к тому, что царь Алексей Михайлович не утвердил соборное определение о низложении Никона, принятое иерархами Русской православной церкви в мае 1660 г. [21]. Дальнейшее развитие событий фактически пошло по предложенному Игнатием Иевлевичем пути. На соборе 1666–1667 гг., решившем судьбу Никону, присутствовали вселенские патриархи.

Чем объясняется столь деятельное участие в соборе белорусской, и в частности полоцкой, делегации? Для них Никон – благодетель и открытый покровитель. Монахам провинциального Кутеинского монастыря был предоставлен один из богатых монастырей, статус которого укреплен и возвышен святыней – иконой Богоматери Портайгиссы, – монастырь патриарха московского и всея Руси, сюда фактически переместился Кутеинский монастырь со всем своим внутренним устройством, переехали не только монахи, но и ремесленники, работавшие при монастыре (члены Кутеинского братства). Никон поставил Каллиста епископом Полоцким и Витебским [20. С. 300–306]. Привилегированное положение благодаря ходатайству Никона перед царем получил Полоцкий Богоявленский монастырь: в 1656 г. – охранную грамоту, а в 1658 г. Никон жаловал грамоту, по которой этот монастырь был выведен из-под юрисдикции епископа Каллиста и непосредственно подчинен московскому патриарху. Между прочим, в этой грамоте Никона сказано: "А Каллисту, епископу Полоцкому и Витебскому, и которые по нем епископы будут, того Полоцкого Богоявленского монастыря, нашей Великого Государя паствы, игумена Игнатия с братиею, или кто по нем иной игумен и братья будут, исправляти и ведати их ни в чем не повелехом" [20. С. 346–348]. Белорусские монахи, оказавшиеся на пограничье, в зоне военных действий с неизвестным исходом, были крайне заинтересованы в примирении властей в центре. Им неясна была их дальнейшая судьба в случае русских военных неудач. Со времени начала восстания Богдана Хмельницкого монастыри белорусских земель постоянно ожидали репрессий со стороны поляков, о чем доносили царю Алексею Михайловичу, надеясь на его заступничество [16. С. 65]. При благополучии в верхах они могли надеяться на защиту русской церкви и найти прибежище на том же Валдае. В случае же опалы и низложения Никона нельзя было исключить того, что гнев царя распространится и на основанные Никоном монастыри, прежде всего на тот же Иверский, где обитали выходцы из белорусских земель. И опасения эти оказались небеспочвенны. Именно после низложения Никона Иверский монастырь «подвергся крупным неприятностям и "многому посяганию", так как видели его "беззаступным по бывшем Никоне"» [10. № 252. Стб. 683–684; 5. С. 21; 16. С. 271].

Таковы были те серьезные обстоятельства, которые заставили представителей белорусской делегации добиваться примирения царя Алексея Михайловича и Никона. По-видимому, в надежде на такое примирение вновь предполагалось организовать посещение царем Иверского Богородицкого Святоозерского монастыря и осуществить нереализованный ранее замысел литературно-театрального представления. Именно такой контекст развития событий содержит внутреннюю мотивировку для появления "Стихов сложных и меротворных..." Предшествующими выступлениями своих учеников-"отроков" перед царем в Витебске, Полоцке и Кремле Симеон заслужил репутацию признанного мастера литературно-драматических композиций, неудивительно поэтому, что он как автор, хорошо известный и царю, и патриарху Никону был призван вновь выступить в этом качестве.

Поэт и ранее неоднократно посвящал Никону панегирические строки: к примеру, в стихах 1656 г. "на счастливое возвращение царя из-под Риги" ("Wiersze na szczęśliwy powrót Cara Jego Mości spod Rygi") (впервые текст опубликован [19. Р. 167–170]) по

рукописи [12. Л. 5–6]); в приветствии 1657 г. Каллисту, епископу Полоцкому и Витебскому ("Witanie Boholiubiwoho episkopa Kallista Połockogo y Witebskocho, od detey szkoły brackiey Bohoiawlenskiey moweiene pry wiezdie ieho miłosti do Połocka A° 1657, iunyia 22"), где сказано: "Христа пастыря образъ святѣйший Никон" ("Chrysta pastyria obrazъ jest swiateyszy Nikon") (впервые опубликовано [19. Р. 175–177] по рукописи [12. Л. 8–9 об.]); в стихах по случаю возвращения и торжественной встречи в 1659 г. в Полоцке чудотворной иконы Богоматери, взятой в 1656 г. в Москву, Симеон шлет Никону благопожелания: "Пресвятѣйшему патриарсѣ лѣта / умножи, нехай церквам Божиим свѣта / Придает, яко свѣтилник избранный / и яко всему миру свѣт поданный" [22. Л. 4–8; 12. Л. 34–36]. Симеон Полоцкий поддерживал также отношения с Филофеем [23], архимандритом Иверского монастыря (1658 – 18 апреля 1669) [24]; позже в Иверском монастыре жил его брат Исакия (1669 – 24 августа 1673 г.) [10. № 323. Стб. 821–823].

Вслед за кремлевскими декламациями "Стихи сложные и меротворные..." стали следующим московским опытом Симеона в этом жанре и были написаны, вероятно, до осени 1660 г. (20 сентября Симеон вместе с учениками выехали в Полоцк [20. С. 382–383]). Их исполнение в случае благоприятного исхода событий могло состояться летом, после того, как 28 июня Никон вернулся в Москву из Крестного монастыря на Белом море. Текст "Стихов сложных и меротворных..." так же, как полоцких и витебских "Метров" и первых московских декламаций, составлен для чтения двенадцатью исполнителями (лишь во второй декламации во втором из двух вариантов концовок, предлагаемых на выбор, появляется "отрок 13 – последний"). По-видимому, предполагалось, что в этой роли выступают те же двенадцать "отроков"-учеников Полоцкого Богоявленского училища, которые выступали перед царем в Кремле 19 января 1660 г.: Кондратий Онофриев, Иоанн Иоаннов Людкович, Василий Федоров, Василий Нероновский, Иоанн Григорьев Цибульский, Василий Гришанович, Максим Гаврилович Попович, Димитрий Лаврентиев, Савва Васильев Капустинский, Матфей Георгиев Табор, Михаил Ефремов, Андрей Маринич [12. Л. 37–42]. Заметим, что некоторые из "отроков" входили в постоянный состав школьной труппы; так, Кондратий Онофриев, Василий Гришанович, Сава Капустин и, возможно, Димитрий Лавринович (Лаврентиев?) исполняли 31 марта 1659 г. "стихи красогласные" на торжественной церемонии по случаю возвращения в Полоцк из Москвы чудотворной иконы "Богоматери Полоцкой" [22. Л. 4 об.].

Декламации полностью отвечают теории школьной драмы XVII в., которая рекомендовала в качестве наиболее желательного предмета для декламаций по классу риторики какое-либо новейшее событие, взятое "из близкой обстановки", обычно – из политической или придворной жизни, изъятие приветствия или благодарности [25. С. 7]. Декламации, предназначенные для исполнения в торжественной обстановке, составлялись учителем [25. С. 6]. Темой "Стихов сложных и меротворных..." избран визит царя в высокую обитель его "собинного друга" Никона. Конец дальнего пути – "дошед четырехсот верст от царскаго града" – предполагалось увенчать пышными цветами панегирической поэзии, целым "букетом" декламаций и приветственных речей¹, что также соответствовало теории жанра декламации. Как сказано в школьной поэтике XVII в.: "Хорош такой сюжет, который, исполняемый по частям, объединяет все декламации (...). Подобным образом некто взял сюжетом декламации в классе поэтики три части мифа об Аполлоне и вывел в одной декламации Аполлона – вдохновенного поэта, в другой – Аполлона-пастыря, в третьей – Аполлона-врача и проч. Так же точно можно подобрать и другие сюжеты" [25. С. 9]. Подобно полоцким "Метрам...", имеющим трехчастную композицию, включающую в себя кроме первой

¹ Речи помещены в этой же рукописи: "Целования словесная к пресветлейшему царскому величеству на пришествие его благочестивейшее в монастырь" (три "речения". Л. 114–119 об.), "речения" 4-е, 5-е и 6-е "во отшествии благочестивейшаго царскаго величества" (Л. 119 об.–122 об.), "речения" 13-е, 14-е и 15-е "в пришествии бояря в монастырь" (Л. 129–130 об.), "речения" 16-е, 17-е и 18-е "во отшествии бояря от обители" (Л. 130 об.–132).

декламации, также "Рифмы вторые" и "Рифмы третье" [11. С. 34, 37], "Стихи сложные и меротворные..." объединяют три декламации: вслед за первым стихотворным приветствием помещены "Стихи вторья на тожде пришествие пресвѣтлѣйшаго царскаго величества" и затем "Стихи третия на тожде пришествие пресвѣтлѣйшаго царскаго величества". Объединенные общим сюжетом, идейной концепцией и праздничной атмосферой церемониального приветствия каждая из частей литературно-драматического единства риторически разрабатывает собственную тему, в рамках которой поэт выразил представления о царской власти и государстве на языке художественной символики. Вместе же они воспринимаются как три акта одной панегирической драмы.

О драматургическом элементе в первом приветствии напоминает наличие композиционно означенных частей – "пролога" и "эпилога" (они же персонажи). Такая декламация имеет более оживленный характер, чем только выступление чтецов "один вслед за другим". Пролог ("Пролиог") завершается диалогически – обращением чтеца к остальным участникам действия продолжить приветствие: "О братия, друзи! Время глаголати / превысокой главе дары словес дати...". Эпилог ("Апилиог") также заканчивается фигурой апострофа – воззванием: "Приди, ждем во церковь, царю православный". От первой декламации, согласно теории драмы требовалось, чтобы она была написана, с "применением искусного вымысла, прибавлением некоторого зрелища" [25. С. 11]. Исполнение ее "происходит в зале школьного театра, перед сценой, а на открытой авансцене в это же время устраивается род живых картин подходящего содержания" [25. С. 10]. Вторая декламация относится к той разновидности жанра, которая еще более тяготеет к драме: исполнители не только декламируют речи, но вступают друг с другом в беседу – между ними, как это обычно в драме, возникает диалог. Текст третьей декламации явно рассчитан на театрализацию. Как можно заключить из монолога одного из отроков, "Стихи сложные и меротворные..." предполагалось, по-видимому, читать на открытой сцене – в монастырском дворе перед входом в главный собор – Успения Богородицы: "Храм сей освященный, тя преукрашенный, / Хочет воспояти и почествовати, / двери отверзает". Возможно, литературно-драматическое действие должно было предшествовать церковному чествованию царя.

Первое приветствие из "Стихов сложных и меротворных..." исполнено светозарной символики, основанной на Библии и основополагающей богословской истине, что Бог есть создатель света и сам есть свет. Древняя литературная традиция одухотворяется новой семантикой, и царь наделяется теми же атрибутами сакральности, которыми обладает Бог. Семантическое переосмысление отвечало идеологическо-политической концепции имперской власти, восходящей к теократической концепции средневековья, согласно которой царь есть "земной Бог". Царь Алексей Михайлович не только предстает в ореоле блистательности и светоносности, приобщенным к свету, являющемуся истечением божественной энергии, но и сам становится символическим носителем сияния и света. Порфира ("багр преукрашенный"), весь облик царя, пронизанные лучами божественной благодати, наделены светоносностью: "Всѣм бо свѣт царский нынѣ излияся, / дом Ипортантиси в солнцѣ одѣяся". Свет, им излучаемый, – свет веры, простирающейся над всей державой: "Царю православный, свѣтлеи чины / свѣтом окружаеш и рускии сыны / Яко дуга красна, окрест окружая, / во своей державѣ вѣру утвержая". "Трисолнечным" светом, отражающим солнечность Троицы, сияет Россия. "Приход" царя в обитель преображает день в "светоносный".

Риторическая организация перетекающих друг в друга избыточных тропов, варьирующих мотивы света и сияния, основана на характерном для панегирической придворно-церемониальной поэзии переосмыслении библейских контекстов. "Светоносная радуга", "предобрая туча", "росотучное облако", "эфир", прорезанный радужным луком, "свет", благодатно пролившийся на землю, "громове благии", "молнии духовный" – символика этих небесных знамений взята из Библии, где она сопрягалась

с Богом, праотцами и пророками. Для Симеона характерно отношение к Священному Писанию не только как к тексту сакральному, но как источнику риторических средств для мифологического обращения мира и создания новых развернутых символических картин. Они используются как отправная точка для риторического развертывания темы, как способ ее варьирования, как авторитетное суждение, как готовое обобщение, пригодное для конкретного случая. Библейская образность преобразуется в похвальную топику. Такой подход соотнобразуется с эстетическим кодом барочно-риторической системы.

Ключевой мотив первой декламации – радуга: "дуга светоносная", "дуга небесная", "дуга прекрасна", "пруг светел". «Образ радуги так же детерминирован умонастроением барокко с характерным для него преобладанием темы "Deus in rebus", как образ пурпурных чернил – умонастроением византизма» [26]. Образ радуги порождает развертывленную метафорическую систему, вовлекая в тонкую символическую игру библейские контексты, которые получают фигурально-аллегорическую трактовку сообразно замыслу поэта и превращаются в знаки значений, знаки идей. Благодаря интертекстуальным связям знаменательный визит оказывается соотнесен с событиями из священной истории. К ветхозаветному сказанию о всемирном потопе и праведнике Ное отсылают те строки приветствия, в которых Иверская обитель предстает как корабль на Святом озере и сравнивается с Ноевым ковчегом, над которым воссияла радуга как символ надежды на избавление от гибели и знак примирения Бога с людьми и покровительства им (Быт 9, 8–17): "Вот, Я поставлю завет Мой с вами... Я полагаю радугу Мою ...знамением". Через систему сложных взаимодействий авторского текста и библейской полунитаты образуются дополнительные смыслы – аллюзии к ситуации, которая должна была в результате встречи царя и патриарха разрешиться их примирением. Та же идея – в строках: "Въсть благодать паче враги премирити / и слово медвенно други угобзити".

Интертекстуальное поле символических значений расширяется внутренними отсылками к другим библейским текстам с описанием радуги, которая проявляет в себе славу Творца (Сир 43, 12–13), окружает его престол (Откр 4, 3), сияет над головой ангела (Откр 10, 1). На основе библейских парадигм разворачиваются образно-символические структуры: "дуга светоносная" процветает ныне на Святом озере; "дуга небесна" вокруг царского престола "благодарно росит"; царь, "яко дуга красна", все окрест объемлет, его "кротость" "лукопружно всех окружает"; атрибуты власти скипетр и держава образуют "царский пруг". На язык символики поэт перевел и проблему соотношения "священства" и "царства", вокруг которой завязался конфликт: "Херувим – престол есть патриарши фрона, / дуга – царство руско небеснаго лона". Сам Христос правит царский престол, поэтому только в лоне сильной царской власти патриарший престол может обрести прочность и стать "преславным".

"Тончайших прядей похвалы словесны" сплетает поэт, используя уже применявшуюся им ранее образность, ставшую вскоре с легкой руки Симеона топикой русского панегирика вплоть до Ломоносова и даже до Радищева: царь – орел, царь – солнце (подробнее см. [27]). Уже в приветствии по случаю взятия Дерпта (1656) поэт воспользовался библейско-эмблематическо-геральдической символикой, представив царя в образе орла, и прямо указал на латинский источник панегирической риторики: "Łacinskiх tłumaczenie" [12. Л. 6 об.]. Уподобление царя орлу – "Ты еси, царю, орлу подобнѣйший, златокрылнѣйший" – становится темой отдельного выступления, наделенного особой формой стиха – сапфической строфой и поставленного в самый центр композиции, что, по-видимому, должно было подчеркнуть его идейную значимость.

Поэт продолжает воспевать земного Бога: царь "Богом венчанный", "Богом избранный", "Церковь и царь есть в Христа облекийся", багряная царская порфира "Боготканна". Вновь возникает тема царь – патриарх. В здравнице членам царской семьи патриарх не только назван среди них на четвертом месте, но фактически включен в их круг, так как в заключительной здравнице поэт славит перечисленные им

двенадцать особ всех вместе ("сам-дванадесятен") – царя, царицу, наследника престола – царевича Алексея, затем патриарха ("С тѣми четвертый патриарх святѣйший") и уже после него трех сестер царя и пять его дочерей: "Живи во вѣки сам-дванадесятен, / всей земли и Церкви свѣт благоприятен!"

На членов царской семьи распространяются ряды метафорических значений, исходящих от образа царь–солнце: если царь – солнце, то царица – луна, царевич – денница, царевны – звезды. Излюбленные придворно-церемониальной поэзией мифологические сравнения обладали столь прочной устойчивостью традиции, что нашли отражение в государственном гимне "Молитва русского народа" ("Боже, царя храни!"), текст которого написан В.А. Жуковским: "(...) Слава на небе солнцу высокому – / На земле государю великому! / Слава на небе утру прекрасному – / На земле государыне ласковой! / Слава на небе ясному месяцу – / На земле государю наследнику! / Слава ярким светилам полуночи – / Сыновьям, дочерям государевым (...)" [28].

Идеологическому обоснованию символики орла, отвечавшей государственно-абсолютистским идеалам, посвящены "Стихи третья...". Продолжая разрабатывать концепт царь – орел, поэт разыграл все возможности метафорического переосмысления образа орла, предоставленные культурной традицией – библейко-мифологической, эмблематической, геральдической (подробнее см. [3. С. 131–136]). Орел – это и царь, и Россия, и государство вообще. Поэт ссылается на апокрифическую Книгу Ездры: "Мы же послѣдствуем орлим тѣм печатем в Ездрѣ реченным". В ней трехглавый орел символизирует три могущественных царства, которые, однако, доведут беззаконие до такой степени, что погубят себя (3 Книга Ездры 12, 22–25). Поэт переменяет отрицательное значение символа на положительное и представил Россию единственной наследницей великих европейско-азиатских империй: Персидской, империи Александра Македонского и Римской, и над нею парит новый орел: "Нам же ты, о царю свѣтлаго востока, орел обновися быстрый без порока". Этот текст содержит аллюзию к цитате из Псалтири: "Обновится, подобно орлу, юность моя" (Пс 103, 5). Декламации из венской рукописи, в которых столь искусно использован символический потенциал образов орла и солнца, представляют собой, как можно полагать, исходный момент впечатляющего поэтического замысла, воплощенного впоследствии Симеоном в величественной государственно-панегирической поэме "Орел Российский" (1667).

По способу организации материала "Стихи сложные и меротворные..." отличаются особой изобретательностью в сравнении с другими декламациями Симеона Полоцкого. Некоторые из текстов, входящих в их состав, относятся к жанрам искусственной поэзии (*roesia artificiosa*). Следующая за первой декламацией "Похвала царская" представляет собой выразительную девятистрочную "суперстрофу" (термин М.Л. Гаспарова), написанную шестисложным стихом и состоящую из трех трехстиший с конфигурацией рифм ААБ + ВВВ + ГГБ. Завершающее вторую декламацию приветствие "отрока 13 – последнего" (31 строка) относится к формам курьезной поэзии и содержит "Краегранесие" – акrostих: "В царский приход отроков глас". Строки, начальные буквы которых не участвуют в организации акrostишной фразы, рекомендуется не учитывать при зрительном восприятии текста: "Мини сии два верхний стихи...", "Мини сии четыре стихи". Помета "Равна мѣра с первым" указывает на то, что стихотворение с "Краегранесием" написано тем же размером, что и выступление "отрока 1", которым открываются "Стихи вторыя на тожде пришествие...".

Декламации различаются между собой в формальном отношении. В первой из них отроки произносят монологи одинаковой протяженности – в них по 12 стихотворных строк, выдержанных от начала до конца в одном и том же стихотворном размере: 12-сложник (в некоторых строках с нарушением размера) с цезурой после шестого слога и парной рифмой. Пролог же и эпилог отличаются по объему. Об архитектонике декламации в рукописи есть специальное разъяснение: "Зри стихи мѣротворный содержат главизн 9. Первая (пролог. – Л.С.) иматъ стихов 36, седм же (т.е. 7 выступлений отроков. – Л.С.) по 12, послѣдняя (эпилог. – Л.С.) – 40. Стих же

с Богом, праотцами и пророками. Для Симеона характерно отношение к Священному Писанию не только как к тексту сакральному, но как источнику риторических средств для мифологического обряжения мира и создания новых развернутых символических картин. Они используются как отправная точка для риторического развертывания темы, как способ ее варьирования, как авторитетное суждение, как готовое обобщение, пригодное для конкретного случая. Библейская образность преобразуется в похвальную топику. Такой подход соотнобразуется с эстетическим кодом барочно-риторической системы.

Ключевой мотив первой декламации – радуга: "дуга светоносная", "дуга небесная", "дуга прекрасна", "пруг светел"; «Образ радуги так же детерминирован умонастроением барокко с характерным для него преобладанием темы "Deus in rebus", как образ пурпурных чернил – умонастроением византинизма» [26]. Образ радуги порождает разветвленную метафорическую систему, вовлекая в тонкую символическую игру библейские контексты, которые получают фигурально-аллегорическую трактовку сообразно замыслу поэта и превращаются в знаки значений, знаки идей. Благодаря интертекстуальным связям знаменательный визит оказывается соотнесен с событиями из священной истории. К ветхозаветному сказанию о всемирном потопе и праведнике Ное отсылают те строки приветствия, в которых Иверская обитель предстает как корабль на Святом озере и сравнивается с Ноевым ковчегом, над которым воссияла радуга как символ надежды на избавление от гибели и знак примирения Бога с людьми и покровительства им (Быт 9, 8–17): "Вот, Я поставлю завет Мой с вами... Я полагаю радугу Мою ...знамением". Через систему сложных взаимодействий авторского текста и библейской полунитаты образуются дополнительные смыслы – аллюзии к ситуации, которая должна была в результате встречи царя и патриарха разрешиться их примирением. Та же идея – в строках: "Въсть благодать паче враги премирити / и слово медвенно други угобзити".

Интертекстуальное поле символических значений расширяется внутренними отсылками к другим библейским текстам с описанием радуги, которая проявляет в себе славу Творца (Сир 43, 12–13), окружает его престол (Откр 4, 3), сияет над головой ангела (Откр 10, 1). На основе библейских парацитат разворачиваются образно-символические структуры: "дуга светоносная" процветает ныне на Святом озере; "дуга небесна" вокруг царского престола "благодарно росит"; царь, "яко дуга красна", все окрест объемлет, его "кротость" "лукопружно всех окружает"; атрибуты власти скипетр и держава образуют "царский пруг". На язык символики поэт перевел и проблему соотношения "священства" и "царства", вокруг которой завязался конфликт: "Херувим – престол ест патриаршии фрона, / дуга – царство руско небеснаго лона". Сам Христос правит царский престол, поэтому только в лоне сильной царской власти патриарший престол может обрести прочность и стать "преславным".

"Тончайших прядей похвалы словесны" сплетает поэт, используя уже применявшуюся им ранее образность, ставшую вскоре с легкой руки Симеона топикой русского панегирика вплоть до Ломоносова и даже до Радищева: царь – орел, царь – солнце (подробнее см. [27]). Уже в приветствии по случаю взятия Дерпта (1656) поэт воспользовался библейско-эмблематическо-геральдической символикой, представив царя в образе орла, и прямо указал на латинский источник панегирической риторики: "Łacinskiĥ ħumaczenie" [12. Л. 6 об.]. Уподобление царя орлу – "Ты еси, царю, орлу подобнѣйший, златокрыльнѣйший" – становится темой отдельного выступления, наделенного особой формой стиха – сапфической строфой и поставленного в самый центр композиции, что, по-видимому, должно было подчеркнуть его идейную значимость.

Поэт продолжает воспевать земного Бога: царь "Богом венчанный", "Богом избранный", "Церковь и царь ест в Христа облекийся", багряная царская порфира "Боготканна". Вновь возникает тема царь – патриарх. В здравнице членам царской семьи патриарх не только назван среди них на четвертом месте, но фактически включен в их круг, так как в заключительной здравнице поэт славит перечисленные им

подвигните – примите (Л. 84). В стихах отмечается изысканная инструментовка: "Гласы сладки громогласны" и т.п. В "Стихах сложных и меротворных..." поэт проявил себя как мастер версификации, блеснувший разнообразием стихотворных форм и размеров в масштабе, превзойденном им самим лишь в "Псалтири рифмотворной" (1678). К нему по праву может быть отнесена характеристика "стихотворец"², которую В.Н. Перетц дал украинскому барочному поэту Ивану Величковскому.

По своему характеру декламации соответствовали стилю придворно-церемониальной панегирической поэзии, тексты которой Симеон Полоцкий объединил впоследствии в стихотворной книге "Рифмологион". Однако "Стихи сложные и меротворные..." сюда не попали, так же, как и другие произведения, содержащие упоминания патриарха Никона по имени, – полоцкие и витебские "Метры", стихи на возвращение царя из-под Риги, приветствия Каллисту. В момент составления "Рифмологиона" еще были свежи воспоминания о суде над Никоном и его ссылке, в декламациях же прославлялось дело его рук – Иверский монастырь, наряду с членами царской семьи ему провозглашалась здравица: "Да живет святѣйший Никон патриарх / овец Христовых пастырь иерарх!". Такова главная причина, по которой декламации оказались вне "Рифмологиона".

Публикация и исследование текста выполнены по фотокопии указанной рукописи³: рукопись в 4°, формат 14,2 × 18,5 см, на II + 191 + I л. Филигрань на л. 1–110 (а также 133–134, 166–168, 189) типа герб Амстердама с литерами "AG" двойного контура – последняя четверть XVII в., см. [30]. Рукопись написана почерком, который хорошо датируется, это так называемый круглящийся полуустав середины 1670-х – конца XVII в.⁴ Текст передается по правилам, принятым в "Трудах Отдела древнерусской литературы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 166–170.
2. *Сазонова Л.И.* Симеон Полоцкий: новые страницы творчества // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.
3. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.) М., 1991.
4. Жизнь святейшего Никона патриарха всероссийского. М., 1878.
5. *Силин П.М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого первоклассного монастыря. СПб., 1885; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 582–583.
6. *Белоненко В.С.* Из истории книжности Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII в. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 197–206.
7. *Евсеева Л.М., Шведова М.М.* Афонские списки "Богоматери Портаитиссы" и проблема подобия в иконописи // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 336–351.
8. Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 3. Отд. 3. С. 93–94.
9. *Леонид (Кавелин).* Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1894. С. 69.
10. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные архим. Леонидом. Пб., 1878 (Русская историческая библиотека. Т. 5).
11. *Прашкович Н.И.* Из ранних декламаций Симеона Полоцкого ("Метры" и "Диалог краткий") // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1968. Т. 21.

² Это понятие В.Н. Перетц употребил в письме, отправленном в 1927 г. из Киева в Москву М.Н. Сперанскому: "(...) а сейчас списываю вирши Величковского, стихотворца (назвать иначе не берусь) мазепинского времени" [29].

³ Признательна И.И. Калиганову, ознакомившемуся с данным кодексом de visu и сообщившему мне некоторые палеографические данные.

⁴ Благодарю Л.М. Костюхину за консультацию по почерку рукописи.

12. РГАДА, собрание Московской Синодальной типографии. Ф. 381. № 1800.
13. РГБ, собрание Н.С. Тихонравова. Ф. 299. № 249. Л. 283 об. – 285 об.
14. *Робинсон А.Н.* Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Симеона Полоцкого (1656) // *Philologica*. Исследования по языку и литературе. Л., 1973. С. 299–307.
15. *Жизневский А.К.* Поход великого государя, святейшего Никона, патриарха... в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889. С. 25–26.
16. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
17. *Пузиков В.М.* Общественно-политические и философские взгляды Симеона Полоцкого // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии XVI–XX вв. Минск, 1962. С. 208–209.
18. *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 97–102.
19. *Rolland P.A.* Aspects of Simeon Polockij's early verse (1648–1663). Ann Arbor, 1978.
20. Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. 1788. Ч. 3.
21. *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 51–90.
22. ГИМ. Синодальное собрание, № 877.
23. РНБ. Ф. XVII. 83. Л. 117; ГИМ. Синодальное собрание, № 130. Л. 111.
24. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 52.
25. *Резанов В.И.* К вопросу о старинной драме: Теория школьных "декламаций" по рукописным поэтикам // ИОРЯС. (1913). Т. 48, кн. 1.
26. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 121.
27. *Сазонова Л.И.* От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 103–126.
28. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений. СПб.; М., 1909. С. 209.
29. ПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 162 об.
30. *Дианова Т.В.* Филиграния XVII века. По рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988.

Л. 75 Стихи сложные и мѣротворныя на благоденственное пришествие пресвѣтлаго, благочестивѣйшаго, кротчайшаго и самодержавнѣйшаго царя государя и великаго князя Алексия Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца и премногих царств, государств, князств, стран обладателя и правителя во святую и пречестную обитель пречистыя и пренепорочныя преблагословенныя славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии Иверския Ипортантиси чудотворныя ея иконы во Святоезерский монастырь

Краегранесие
Похвала царю словесная

Пролиог

Прииде и явися древле нам желанна
предобрая туча луков знаменанна, //
Л. 75 об. Туча благодати всепреобильнѣйша
шаровными злаки преудобреннѣйша.

Вѣсть знаменія тучна багр преукрашенни
со солнцем смѣшати свѣтом раждеженни,
Вѣсть мир к челобѣком Господень являти
солнчим Троица пресвѣтло сияти.
Негли, кроткий царю, твой здѣ образ носит,
благодать бо царска всѣм обилно росит,
Негли и зеленость, маслом умащенна,
юно обновляет, тучоиспещренна.
Пруг се упряженный Духом в колесницы
дуга свѣтоносна Божией десницы
Ревности огненна Илию носяща
показася древле огненно паляща.
Но здѣ любви огонь сеи на пружѣ являет
колеса же громы и туча вчиняет,
Но таино подобнѣ и с конми сокрыша
любви яко вящѣшей благопокориша.
Точию багряна надежда вотчеса //
и царской порфирѣ союзом сплетеса,
Закла же зелена новой благодати
юно ограждает вѣру Церковь мати
И милость мастита от смарагда шаров,
елеопитанных благодатных даров.
О пресвѣтлый царю, царю предобреишии,
русский самодержче, всеблагочестивѣишии!
В тебѣ угодился седмо окружая
вѣра со догматы душу ублажая,
Толь весели есмы, коль день свѣтоносен
во приход твой царский молниеносен.
О братія, друзи! Время глаголати
превысокой главѣ дары словес дати.
Сему честь и слава от нас подобает,
ему же Россія присно поклоняет.

Л. 76

Отрок 1

Обыими, Сионе, твоими зѣницы
скипетродержавной царское десницы
Зрѣние прекрасно пресвѣтлаго взора
дуги неболичной плотскаго восора.
Почюдися славѣ, землю украсившей, //
почюдися сѣмо и здѣ приклонившей,
Не сумнися мѣстом, егда еси низу,
смотряй прямо славѣ, всѣм бо явѣ близу.
На облацѣ присно пруг свѣтел являет,
на Святѣм езере нынѣ процвѣтает
Дуга свѣтоносна, ты, царю желанныи,
на земли явися от Троица вѣнчанныи.

Л. 76 об.

Отрок 2

Хвалами Сирахов Иисус похваляет,
о дузѣ прекрасной Творца прославляет,
Нам же паче нынѣ словеса счиниша,
егда той подобни шары днесь явися.
Не гора Сионя мѣсто выотою,
но взором преславным точию добротою,
Сион нам обитель облак росотучен
являеши, царю, и молниелучен.
Луком и лучами ефир прегибает,
лук дуга облачна с молнию бывает.
Всѣм бо свѣтъ твой царский нынѣ изляся,
дом Ипортантиси в солнцѣ одѣся. //

Л. 77

Отрок 3

Всяко небом мощно, небом росотучным
нареци обитель и ефиролучным,
Егда прямо царю сея напряжеса,
яко пруг небесный свѣтом раждежеса.
По потопѣ облак начат сѣнь носити
мира тверда зрак есть Ноя вопросити.
Корабль сего дому на Святѣ озерѣ,
яко ковчег Ноев, утвердися в вѣре,
Не в потопѣ водном носится болнами,
Божия бо Мати живет присно с нами,
Не в тучи обилной, царской державы
твоей благодати, о царю, и славы.

Отрок 4

Аще облак здѣ⁴ и дуга прекрасна,
подобнѣ и слова – труба громогласна,
Суть громове благии, суть грома сынове
и седмочисленнии вси по Богослове.
Труба паки тожде грома знаменает //
егда Бог к Моисею в Синаи вѣщает
От престола громи херувимска мнози,
но седмосочтанны блистания слози.
Труба Иоанна к высотѣ взывает,
аще и гром змием главу сокрушает.
Нам, о царю, гласы сладки громогласны,
дуга мирно зрачит, образы прекрасны.

Л. 77 об.

⁴ В ркп. здѣй.

Отрок 5

Лук обыче стрѣлы облачны пушати
Соломон премудрый являет сим прати,
Но благоокружен с каменными пращи,
с молничными искры по стеблях горящии.
Словеса суть стрѣлы, молние духовнии,
се же суть и гласы суть седмогромовны,
Не жестоко токмо слово гром являет,
но и язык мякок кости сокрушает⁵.
Вѣсть благодать паче враги премирिति
и слово медвенно други угобзити,
Громове нетяжки благодатных гласов
плодове бывают твои царских класов. //

Л. 78

Отрок 6

Аще в колесницы глас грома речеся
воза херувимска и дуга вотчеса
Дуга окрест тамо Иоанн являет
и Иезекииль тожде знаменает.
Под престолом коло мир колесовидный
сему сообразный в Церкви Боговидный,
Фрон царя и Бога грома издавает,
глас грома в колеси и Давид вѣщает.
Царю православный, свѣтлеи чины
свѣтом окружаеш и рускии сыны,
Яко дуга красна, окрест окружая,
во своей державѣ вѣру утвержая.

Отрок 7

Царю Алексие, царю пресвѣтлѣйшии,
царю православнии и благочестивѣйший,
Руския державы кроткий самодержче,
свѣт твоя славы в церкви не померче.
Дуга бо на время облачна сияет,
но твоя держава всѣх нас озаряет,
Ибо украсися духовными шары //
трисолнечен свѣт есть Боговидный дары.
Херувим – престол есть патриарши фрона
дуга – царство руско небеснаго лона,
Се колесо в мирѣ едино остася,
о скипетродержавне, от Духа носяся.

Л. 78 об.

⁵ В ркп. сокрушает кости.

Словесная наша аще добра слава,
 како твоя внушит, благий царю, слава
 Ни бо умы наша вконец постизают,
 в них же глаголют словом и дерзуют
 Обаче от вѣры силу восприемлем,
 святыми реченным вси от чести внемлем.
 Кротость твоя, царю, благии и смиреннии
 днесь, о Алексие, царю благовѣрный,
 Тихо, лукопружно всѣх окружает
 зеленым смарагдом юность ублажает,
 Дуга небесна сию утварь носит
 и окрест престола благодарно росит,
 Злака предобреишии елеопитанна
 от царского пруга скипетродержавна
 Поне же мастита милость содружися, //
 начальнѣйшии славѣ и в ней положиися
 Власть царская добрѣ престол ограждает,
 сугубо боряся, врагов побѣждает.
 Недерзи престолы патриаршей чести
 не тако преславни без царския власти.
 Мужество бо царство всѣм вѣрным являет,
 в нечестивых мало кто в вѣре дерзает.
 Царство твое, царю, едино днесь в мирѣ
 трисолнечно значит во пречистой вѣре.
 Благодатни есмы и сим возвышеннии,
 во вѣре дерзаем царством огражденнии.
 Егда Христос Бог наш от всѣх восхваляет,
 со Отцем и Духом присно прославляет,
 Престол правя царский и того державу
 даже до послѣдних простирая славу.
 Инок тя собор сей прият веселяся
 и купонит радости, о тебѣ хваляся.
 Ждет и Царица в храмѣ своем честном
 Ипортантисии во втором небесном.
 Прииди, ждем во Церковь, царю православный,
 рускаго востока царю вседержавный.
 Царствуяи многолѣтно и живи во вѣки //
 прославляем Богом и всѣми челоуѣки!
 Здравствуи пресугубо, вси царю желаем,
 от душа и сердца и ты почитаем.

Л. 79

Л. 79 об.

Зри стихи мѣротворнии содержат главизн 9. Первая имать стихов 36, седм же по 12, послѣдняя 40. Стих же имать слогов всяк по 12, предѣляет же ся посередѣ по 6. Всѣх стихов 160.

Похвала царская стихов 9.

Царь есть имя славы
Росииския главы
Верх Богом почтенный
Глава православна
Скипетродержавна
Царь преукрашенный
Солнце на небеси
Роксолянском еси,
Царю благовѣрный. //

Л. 80

Стихи вторыя на тожде пришествие пресвѣтлѣйшаго
царскаго величества

Отрок 1

Кто багряны порфиры слово ткати мнится
кринов здѣ основы ум да не сомнится
Во сердечных составѣх духом рукояти
цѣвничных обращений постав устроить
Висса предобры царскии разумично пряди
или плодоносных цвѣтов видокрасни сади.
Зри царя пресвѣтлѣйша, и сердца играют
зрим царя Алексия духи⁶
Не в убрусѣ таланты под землю положим,
приплоды словес наших глаголы умножим,
Аще что положим в Российской державѣ,
под ногами имама в дань днес царской славы.
Кто иматъ златы верви рѣчии медоточных //
и нить⁷ шолкоцвѣтну мысли красноточных,
Да даронсит нынѣ даром любоглавым
колѣна преклоняя со сердцем поставным.
Вѣсть царская та тихость кротко восприимати
и младых отрок гласы любезно внимати.
О царю предобреишии, внуши глагол гласы,
аще и несозрѣлыи приими устен гласы,
Или тончайших прядии похвалы словесны
донде же ти доспѣют от рая небесны⁸
Порфиры Боготканны, ядь духовное манны
и пищнии потоцы неизглаголанны.

Л. 80 об.

Стихов здѣ в мимошедшем 24. Стих же имат слогов всяк по 13, пределяется по седми слозѣх первых, послѣдних имѣя 6. Настоящих же 10 отроков глаголют по 2 стиха, обращают же ся по ряду пятижды. Стихи же мѣру имут слогов 11, пресѣчение по пяти слозѣх первых, оставляющимся послѣдним шести слогов. //

⁶ Так в ркп.

⁷ В ркп. лить.

⁸ В ркп. небесный.

Отрок 1

Рцы ми, друзи, что риза багряна
или невѣста в солнце одѣянна?

Отрок 2

Реци к вопросу время приключися,
брат отвѣщает, лучъши научився.

Отрок 3

Риза багряна, царская порфира
или со догматы во Христа есть вѣра.

Отрок 4

Тако ли, друже, рцы здѣ пространнѣйшии,
мнѣ молчати зѣло полезнѣйшии.

Отрок 5

Вѣра от багров подобнѣ сложися
и на багряном столпѣ положися.

Отрок 6

Зри аще тако аз недоумѣю,
брате мой любимый, в тебѣ удовлѣю.

Отрок 7

Зри столп и Церковь, зри Христа одежду,
дерзай, глаголю ти, и имѣи надежду.

Отрок 8

Еда сей образ царю подобает,
рцы, возлюбленне, дух мой унывает. //

Отрок 9

Церковь и царь есть в Христа облекиися,
ветха человекѣ грѣха совлекиися.

Отрок 10

Царская слава в солнце облеченна
и звѣздным окрест свѣтом окруженна.

Паки возвращается к первому.

Отрок 1

Добр смысл имате, лучши отвѣщайте,
Духа и силу таин испытайте.

Отрок 2

Мнѣ мнится, дом есть в солнце одѣяннии,
идѣ же солнце – царь Богоизбранныи.

Отрок 3

Здѣ глаголеши, премудр ум имаши,
тамо молчасти, здѣ отвѣты ваши.

Отрок 4

Не зазри, брате, ваш глагол добръйший,
багр от восора плоти приличнѣйший. //

Л. 82

Отрок 5

Присно молчащих ум премудрость плодит,
но источник разумичен родит.

Отрок 6

Сматряйте прямо, что есть багряница,
негли и слово красна червленица.

Отрок 7

Царь православный ждет разума блага,
сему достоин рѣчь словесна друга.

Отрок 8

Бог-Слово свѣт есть, царь Богом вѣнчанныи,
Бог плотоносец, царь Богом преславныи.

Отрок 9

Царю предобрыи, наша рѣчь жестока
хочет к нам имѣти кротчайшаго ока.

Отрок 10

Свѣтлѣет дом сей солнца царска свѣтом
Ипортангиса. Дверь слова отвѣтом. //

Л. 82 об. Таже возвращается.

Отрок 1

Видь всяк опасно, видь премноги злаки,
слова преболши преумныи зраки.

Отрок 2

Или невѣси пестрот позлащенных,
багряниц драгих, бисером сажденных.

Отрок 3

Не багры токмо царю подобают,
всякаго злака цвѣтное блистают.

Отрок 4

И слово сие пестрыми и зарями
преудобрися и камык лучами.

Отрок 5

Благость и милость царя украшает,
вѣра и надежда любовь возвышает.

Здѣ ин предѣляет посредѣ 12. Имать же стихов великих 4, стих же от трех сицевых же сложныи, и конец к сим стоит пятма слоги. //

Отрок 12

Л. 83

Зрите, о друзи, что в вас угобзися,
Здѣ орел парит, орел возвысися,
Или невѣсте, се царь православныи,
всѣм нам желанныи.
Лик инок честных Ливан здѣ являет,
Орел на Ливан быстро восперяет,
Здѣ обоняет воню фамиама
Дѣвья храма.
Крылѣ, о царю, твои распростерты
И ума двери свѣтлѣют отверсты,
Ты еси, царю, орлу подобнѣйший,
златокрылнѣйшии.
Храм Божественныи, отверстии⁹ двери.
Прииди, державне хранителю вѣры.
Первенче вправду руския державы
и царь сыи славы.

Паки тѣжде своя кончают.

Отрок 6

Сице багряно солнцем украшено
Дѣвья дом сей село возлюбленно. //

Л. 83 об.

Отрок 7

Идѣ же и крыны селныи явиша
и орлу кедри густо насадиша.

Отрок 8

Се и по гребях древа плодовита,
и воды сладки источника чиста.

Отрок 9

Езеро обильно струи наполняет
и рѣку от себе чисту испуцает.

Отрок 10

О крин сладчаишии, нам есть и честнѣишии,
мног благодатми царь благочестивѣишии.

Паки.

⁹ В ркп. отверсти.

Отрок 1¹

Зрим прямо Богу, что путь озарися
солнца паряща луча разширися.

Отрок 2

Путь течс простый в степени превышнем,
посредъ полудне в дыхании южнем.

Отрок 3

Но се смотряют нынѣ ко востоку,
прямо врат едемских и утру глубоко. //

Л. 84

Отрок 4

В западный вечер мы днесь обрѣтаем
царя пресвѣтла у врат ожидаем.

Отрок 5

Полче тишайшии нынѣ подвигнѣте
и инок личе, царя днесь примите.

Отрок 6

Сонме боярский царскаго совѣта,
звѣзды окружнии, не крыйте нам свѣта!

Отрок 7

Денница свѣта здѣ уступает,
идѣ же глава лучи влас пущает.

Отрок 8

Суть звѣзды в солнцы на главѣ венечны
и не скудѣют совѣтом солнечным.

Отрок 9

Аще на главу Церковь тѣх взимает
и се суть солнца кто добрѣ внимает.

Отрок 10

Егда о Бозѣ хоцет глаголати,
святых звѣздами будем знаменати.

Паки отрок 1

Рцы ми пространно о всем и по ряду //
и не сомните, глаголите правду.

Л. 84 об.

Отрок 2

Солнце – Христос есть, Церковь – жена красна,
паче же Дѣва позлащенна в рясна.

Отрок 3

Руская наша Церковь вѣнчевает,
от звѣзд дванатцать вѣнец возлагает.

Отрок 4

Аще и солнца будем мнѣти сия,
не посрамимся во свѣте, Россия.

Отрок 5

Царь православный, свѣтлая царица,
государь царевичь, свѣтлая денница!

Отрок 6

С тѣми четвертый патриарх святѣйший
и сестр царевых лик причет честнѣйшии!

Отрок 7

К сим пятерица дщереи златозарных,
звѣзд исполняют число Богозарных.

Отрок 8

Россия токмо сим нынѣ сияет,
Церковь же апостол число представляет. //

Отрок 9

Л. 85 Мы от обою сугубо вѣнчаем,
царем и Богом свѣтло украшаем.

Отрок 10

Вся сия в тебѣ со Христом всадиша,
царю кротчаишии, с солнцем положиша.

Аще хоцещи, остави ряд сей послѣдний 5, сей же приими в того мѣсто.

Отрок 1

Время кончати, друзи возлюбленни¹⁰
царя почтите, духом возвышенни¹¹.

Отрок 2

Царю преславный, царствуяи много лѣта,
Бог да умножит в твоих лучах свѣта!

Отрок 3

Да свѣтит свѣтло Мария царица,
супруг избранный твоя голубица!

¹⁰ В ркл. возлюбленный.

¹¹ В ркл. возвышенный.

Отрок 4

Да парит птенец – орел младолѣтныи
государь царевичъ Алексии пресвѣтлыи! //

Л. 85 об.

Отрок 5

Да живетъ святѣйшии Никон патриархъ,
овецъ Христовыхъ пастырь иерарх¹²!

Отрок 6

Да здраво снабдяся троица сестр прелична,
от рода царска царевн багрянична!

Отрок 7

Да возсияютъ здравы, многолѣтныи
пять царевн дщери отъ зла ненавѣтныи!

Отрок 8

Живи во вѣки сам-дванадесятен,
в сеи земли и Церкви свѣт благоприятен!

Отрок 9

Царствуйи со Богомъ, Алексию царю,
русский самодержче, кроткий государю!

Отрок 10

Царствуй давидски, в милости и правдѣ,
посем вселися в пренебесном градѣ!

Конец

Царствуй державно, пребывай во вѣки,
прославляемъ Богомъ и всѣми челоувѣки!

Или конецъ сей: //

Л. 86 Всѣхъ стиховъ в десяти отроцѣхъ 100, развѣ десяти тѣхъ послѣднихъ. Аще с
тѣми – 120, дважды на концы.

Отрок 13 послѣдний

Возшел еси совѣтомъ, царю вседержавныи,
нас, твоихъ осия рабовъ, о преславныи!

Мини сии¹³ два верхнии стихи, чти сей по краегранесию:

Всяка слава благая во многихъ явися,
Царю же ни едина в тѣхъ соединися.
Аще вельмож соборы положимъ звѣздами,
Рай нѣкий здѣ небесный со солнца браздами.

¹² В ркп. иерарха.

¹³ В ркп. сий.

Солнце лучь колесничны верви вспящает
Красны, вождя болярска¹⁴ скипетром встязает,
Или четырма страны крест воображая,
И в юг, в запад, в полнощ, в восток возбуждая,
Проходит вси предѣлы, дванадесят бѣлы слѣды
Раждая нам премѣны обаче всѣ цѣлы.

Мини сии четыре стихи¹⁵:

Л. 86 об. Храм или дом небесный нынѣ назираеш,
 о верст днес четырехстѣх здѣ опочиваеш. //
Подобнѣ, Алексие царю пресвѣтлѣйшии,
 солнца усматряеши сему приличнѣйшии.

Исход твой в дом небесныи, россииская слава,
Храм Ипортангися твоя есть держава, назирает глава,
Окружил еси свѣтом сего вертограда,
Дошед четыресотных верст от царского града,
О царю Алексие, царю вседержавныи,
Толико сладок, елико преславныи,
Россиискому языку солнце украшенно,
Объемлющее землю зѣло возвышенно.
Красота словом нашим не изглаголется,
О дивной твоей славѣ ум наш не коснется.
Владѣй по всему миру и простри предѣлы,
Государствуи и храни нас в крѣпости все цѣлы.
Лозу же винограда насаждай Христова,
Аз и вси молим присно Бога-Слова
Спасти и сохранить и в небо тя вселити. //

Л. 87 Краегранесие: В царский приход отроков глас.
 Равна мѣра с первым.

Стихи третия на тожде пришествие пресвѣтлѣйшаго
 царского величества

Отрок 1

Орла златокрильна или учермленна
 сугубствует глава, вдвое раздѣленна.
Во печатѣх царских мнози начерташа
 и бѣлыми шары сего знаменаша,
Нѣщыи же паки в нераздѣльной главѣ
 тогожде писаша в сообразной славѣ.
И царей персидских орел образует
 Уриил архангел Ездрѣ знаменует,
Аще и Гавриил возвѣсти во овнѣ,

¹⁴ В ркп. болярский.

¹⁵ В ркп. стихи.

Л. 87 об.

о нем же Даниил сказует съновне:
Медвѣдица се же царство проявляет
и три ребра в зубах язык возвѣщает.
Мы же послѣдствуем орлим тѣм печатем,
в Ездрѣ реченным, и крил дванадесятем
Орлу три имущу главы предержавны //
се же и оставиша три царствия славны:
Еллинску и Перску и Римское власти,
первому прешедшу ассирийской чести
Носий вси прелесть мира сего князи,
Даниил всих пишет образи неблази.
Нам же ты, о царю свѣтлаго востока,
орел обновися быстрый без порока,
Оком возирая к горнему Сиону,
и образ имѣя в херувимском фрону.
Персы богом солнце буге почитают,
аще и высоко во власти лѣтают,
Но ты париш, царю, в высоту небесну,
зрак умныи имаши и утварь пречесну.
Обыкоша орли ко солнцу взирати,
персы безсловесных причаствуют части.
Твое солнце, царю, Христос Бог небесный,
в сего луча зриши в зрак Боготѣлесныи.
Орли раздѣлении не парят по свѣту,
раздранныи части подлогоша лѣту.
Лѣтом начинают, в трехстѣх скончевают,
орли же словесни и конца не знают,
Вправдѣ разлучает умна души глава //
в смертную кончину плотскаго состава,
Но парил высоко в вѣре и надежде
и не усыпают тоя вѣчно вежде.
Не сумнися, царю, смертныи печати,
со орлом вѣсть убо человек обновляти.
Суть орли и злати в печатѣх нам зримы,
не злат, но солнечен ты в нас, царь единой,
Суть и учермлены земну власть являют
и бѣлыи вѣру в Христа проявляют.
Бѣлый царь россиискии Духом позлащенныи
в крещения бани снѣг убѣленныи.
Но орли языков свыше власть являют,
звѣрие же люты вси нравом бывають.
Наши же со агныи и главы пожируют
и яко овчата со овцы гобзуют.
Да погибнут звѣри и орли пернаты
язык нечестивых, егда будет прати
Ярости точило безсмертнаго Бога,
да даст ти благодать и крѣпность премного.
Лети превысоко, быстропарно око!

Л. 88

Отрок 2

Л. 88 об. Рѣчи отрок гласов недозрѣлых класов //
Внуши, царю вѣрнии, кроткий и смиренный,
яже днесь приносим.
Орел ты пернатыи и со бѣлым златыи
Образом предводит, к небеси возводит,
мы лица возносим.
Ждет Ипортантиси во втором небеси,
Гряди златокрилнѣ в парении силнѣ
лик инок желает.
Храм сей освященнии ты преукрашеннии
Хочет восприяти и почествовати
двери отверзает.

Отрок 3

Л. 89 Егда царско око сматрѣет ко Творцу,
Подобится орлу, парящу ко солнцу,
От лучь орел ока не хранит пресвѣтлых
в солнцы распростертых.
Бог своих вѣрных покривает гнѣзда,
Яко орел ко птенцем, приклоняет вѣжда,
Но ты, царю, царство и руския силы
покрыл еси крылы.
Орел на высоких горах каменистых //
Или на Ливанских водится кедристых,
Но ты, царю, в вѣре положил твердыню,
треш врагов гордыню.
На высоких кедрех краснаго Ливана
Живеши, ухая воню фимиама,
Дѣлѣс благотворных растиши в Сионѣ,
плод в душевном домѣ.

Отрок 4

Личить своя лѣта	бѣлопозлащенный
Финикс орел свѣта	исполнѣ украшенный
Цвѣтет пестротами	
Столь хочет пожити	царской ти державѣ
Коль здѣ насытити	довольно ти в славѣ.
Аще мощно стати	
С финиксом пятьсотны	лѣты возмѣря ¹⁶
С ним во процвѣтныи	годы обновля
Во днех грядущих	
В хранение вѣры	чистой и непорочной
Достизая мѣры	дѣл церкви восточной
До вѣк непреидущих.	

¹⁶ В ркп. возмѣряи.

Отрок 5

Л. 89 об.

Париши от юга
Небеснаго круга, //
Як орел пернатый,
К пречистыя храму,
К Сионскому стану,
Царю пребогатый,
Дѣвѣи поклонити
И возвеселити
Иноков убогих
Твоими пареньми
И луч озареньми
Свѣтлостеи премногих.

Отрок 6

Есть орел парящ	зраком учермлен
К высотѣ зрящ	подобнѣмъ землен
Сей образ носит	
Чермно же мертвость	являет грѣхом
Тоже зеленость	и цвѣты потом
Обильны росит	
Дѣлатель есть царь	поддержавнымъ всѣмъ
Свѣтлый государь	и правитель всѣмъ
И грѣху умре	
Всѣх очищает	властию от скверн
И запрещает	смад носити берн
К правдѣмъ распростре.	

Отрок 7

Л. 90

Росии всеи Бог даде свѣт,
да снабдит нам много лѣт //
Яко орла обновляя,
тебѣ, царю, сохраняя.
Орел свой нос обивает,
егда ему прирастает
По сту лѣтех, живет паки
другое сто одинаки.
По триех же стѣх скончевает
и ветх зѣло умирает.
Царствуй, царю пресвѣтлѣйшии,
паче орла в днех вѣчнейшии.

Отрок 8

На столпѣ глагол утверждай нас, царю,
Младых отроков, руский государю,
Лицем пресвѣтлымъ яко взирая,
милость простирая.

Яко же крилѣ всезлатопернаты
Много ввѣренны, духовно прияты
В высотѣ от чистой, пречистое вѣры
в дѣлех без мѣры.

О Христов камень ветхость всю отерши,
В многая лѣта живи распростерши
Славу надвое жизни раздѣляя
к Христу пресекая. //

Л. 90 об.

Покажи явѣ жизнь благу во мирѣ
Вкупѣ и вѣчну улучи во вѣре
Сугубо пари душею и тѣлом
словом и дѣлом.

Отрок 9

Аще по власти ты, царю, сматраем,
Три диадимы трех царств познаваем
тобою держимы
Се же Казанска и Астраханска,
К сему Сибирска, власть же христианска
в сей суть обносимы.
Едину носиши, но три твоя царства,
Многа же князства свѣтла государства.
Царствуи державно
В России преславно.

Отрок 10

Л. 91

Таино воспѣваем, Соломон блаженны,
в мудрости от Бога зѣло украшенны,
От лица церковна ко Христу зывая,
красоту и бѣлость его похваляя. //
Брат мой бѣл и красен в тмах юност избранен,
в лѣлоту нам образ зрится сей образен,
Егда орла бѣлость в ты вообразися
и любовь со Богом здѣ соединися.
Что же паки златыи орел нам являет,
нили красоту в шар солнечен вчиняет?
Поищем и чермна в пѣснях знаменати,
яко вран бо власы хоцет глаголати,
Се же чермныи славит, росы наполненныи,
являет здѣ шары тожде и земленны.
Подобнѣ ты, царю, роса наполнила
и всей земли Руской царя сотворила,
Земля чермность носит, цвѣт зеленѣет,
елеи со смарагдом зелено свѣтлѣет.
Свѣтлы твоя шары на власѣх вчиниша,
не дивно бо с триех орлов размѣсиша.
Здѣ бѣлость от вѣры, здѣ свѣтлость от Духа,
от земля же чермность, аще хошу слуха.
Внуши, о царю, и сугуба слава
временна и вѣчна удвоенна глава.

Начальствуяи в первых, царю, всѣм явися,
со всѣми твоими, да не постыдится, //
Л. 91 об. Егда хочеш с нами Судии предстати
праведен и вѣрен вѣчно царствовати,
Сподобись, мы молим, со Духом во вѣки
Руския сей страны и всѣми чловѣки,

Двѣ сии строки, аще хочеши, мини:

Со инок всѣх полки священных соборми,
с небесными всѣми ангельскими хорми.

Зри мѣра разная во всѣх сих. Первый же и последний равен слогми, но не стихами.

Австрийская Национальная библиотека (Вена),
шифр П/58, Cod. slav. 174. Л. 75–91 об.

© 1998 г. МИХАЙЛОВ К.

УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО

Необходимо признать или по крайней мере принять во внимание тот факт, что после всего написанного о произведениях Софрония, и в особенности о "Житии и страданиях грешного Софрония", его литературное наследие попадает в контекст, трудно обозримый с точки зрения направлений, идей и подходов. Это само по себе требует вновь поставить вопросы, которые уже задавались, подразумевались или замалчивались. Вероятно, главный из них совершенно по-новому очерчивает границы системы "текст/контекст". Он включает в нее не только общекультурный, исторический и литературный контексты эпохи (исторический аспект), но и вводит точку зрения современного человека, достраивает ее парадигмой значений, ассоциаций и признаков, выстроенной с введением понятий внутритекстовости, междутекстовости и метатекстовости (синхронного аспекта). Иначе говоря, изменение литературной действительности требует по крайней мере двух направлений исследования: общей семантической парадигмы, образованной как междутекстовыми, так и внетекстовыми отношениями и конкретно-исторической парадигмы. По отношению к последней возможности интерпретации ограничены, но зато она верно воспроизводит литературные процессы эпохи. Итак, определенные выше задачи восстанавливают литературоведческую ценность внутритекстового вопроса "почему", вытесненного в последнее время его междутекстовыми субститутами "как" и "куда".

Термин "словесность", вынесенный в заглавие статьи, потребовался для уточнения направления нашего исследования, в котором будет прослежена типология связей между устной и письменной традициями, глубинные структуры которых определяют их существенные различия. Эти глубинные структуры обуславливаются типом коммуникативного акта. Термины "устная" и "письменная" словесность обозначают соответствующие традиции, продуцирующие собственную цельную языково-литературную иерархическую систему – от жанровых и структурных моделей до выработки логических синтагм. Отношения между устной и письменной речью в плане стиля, взаимодействия фраз и уровней контаминаций между ними нами не рассматриваются. Очевидно, что валентная активность речевых единиц может представлять необходимый материал для доказательства.

В эпоху Болгарского возрождения в рамках сосуществования трех культурно-

литературных пластов – фольклора, старой церковно-религиозной книжности и нововозрожденческого мировосприятия – проявляются две творческие тенденции, организующие потоки устной и письменной литературы, которые и противостоят, и содействуют друг другу.

Письменную литературу мы называем просто литературой, подчеркивая этим относительно малую ценность устной словесности, что свидетельствует в сущности о непонимании целостности литературного процесса. Можно утверждать, что по отношению к этому потоку словесности действуют основные классификационные принципы, зафиксированные в далеко не единственном, но детализированном понятийном аппарате. Теория словесности независимо от того, исследует ли она историю или описывает синхронные формы, всегда основывается на явлениях именно письменной словесности.

Устное словотворчество являлось непосредственной речевой действительностью болгарина-возрожденца. В его повседневных разговорах уже просматривались социально-коммуникативные и жанровые особенности, приближающие их к литературности: в анекдотических, сказовых и построенных на игре слов пластов общения; в информации ("Какое произошло чудо..."), комментировании случившегося, в дискуссиях в школьных попечительствах, общинах и т.д. В этом направлении движется и вся проповедническая практика: исповеди, похвальные слова, толкования торжественных (праздничных) слов.

Существенным и "забытым" подходом к устной традиции как к "средоточию" письменной и устной словесности является риторическая теория. Сам этот факт представляет полную взаимосвязь противоположностей: с одной стороны, правила, предназначенные для устного словотворчества, фиксируются письменно, а с другой стороны, они применяются буквально при создании письменных текстов. Даже соответствующие учебники эпохи Возрождения имеют показательное название "Теория словесности". Другими словами, организация устной коммуникации и предписания по отношению к ней, являющиеся правилами подбора и развертывания речевых единиц, играют роль кода и для письменного типа общения.

Вне уровня структуры письменных и устных текстов (термин *текст* я всегда употребляю в его этимологическом значении – "связанный", т.е. как обозначение соответственной организации слов, а не как метонимичный синоним письменной, печатной речи) проявляются основные различия между ними. Они обуславливаются типом общения и оказывают сильное воздействие и на самое строение. Так, например, при устном типе общения, необходимым условием которого является наличие собеседников, сама ситуация общения, ее границы, ожидания участников представлены невербально; они существуют как паратекстовый конструкт. Ведь в самом способе общения (выражения) очень сильна тенденция к паралингвистическим средствам – жестам, интонациям, звуковым (но не вербальным) и прочим коммуникативным формам. Они же зарегистрированы в фольклоре и в таких древних текстах, как Библия, ср. построения типа: "И когда говорил, сказал". Их современный перевод не может быть иным, кроме как: "И участвуя в коммуникативном акте, *сообщил словами*" (ср. сказал). Напоминание об этом необходимо для восстановления реального человеческого понимания, сильно потесненного в наше время изобразительными актами коммуникации (телевидение, кино). Тогда слово было способом общения, равноправно со всеми остальными способами.

Указанные признаки существуют в устном разговоре. Его участники видят друг друга, знают (предварительно) цель общения и стремятся исчерпать намеченные цели в соответствии с речевым этикетом и закономерностями коммуникативного акта. Цель и усвоенный речевой опыт, включающий правила устного общения, определяют, что следует говорить, как, насколько, в каком направлении. Указанную прагматику словесности нетрудно установить, хотя она и остается неисследованной.

Письменный тип коммуникации вынужден переводить/воспроизводить всю указан-

ную парадигму общения в целях достижения своей сущности – понимания/восприятия определенной информации и вызывание соответствующей реакции. Наряду со сложностями, возникающими при всяком переводе, появляется еще одна – сложность выбора из многочисленных комбинаторных возможностей для осуществления самого перевода. На долю автора остается (в зависимости от социума, уровня литературности, школы, направления) решать, что из этой парадигмы выбрать, как и в каком объеме воспроизвести и что, как умолчать. Впервые литературно значимой категорией в процессе общения становится умолчание. В устной словесности нельзя нарушить границы социальной проблемы из-за присутствия всех элементов парадигмы, которые в разном объеме используются участниками, и многократной воспроизводимости текста.

В письменной словесности отсутствие подобных указаний на причины, цели, количество экспликации репертуарных единиц многозначно и подлежит сопоставительному анализу. Не случайно в момент "перехода" от устной словесности к письменной названные характеристики становятся объектом объяснения и как обязательные части всего текста; в книжных (письменных) жанрах обособляются такие явления, как предисловия и послесловия.

Определение "переход" нужно понимать полностью в переносном смысле – как процесс, в котором письменно-печатное слово в своей борьбе за эмансипацию начинает оказывать сильное воздействие и вытесняет устное слово, отводя ему все более специфическую роль в социальном обслуживании. Именно такой эпохой было Болгарское возрождение. С достаточным основанием мы можем представить его как модель творчества Софрония, в котором со всей ясностью наблюдаются процессы обособления: от первого Виденского сборника к "Недельнику"; от второго Виденского сборника к "Житию"; от Котелских списков церковно-служебных книг к "Исповеданию". Это лишь направления, которые демонстрируют взаимосвязь элементов в общем контексте творчества автора. В указанном контексте наряду с переводом и преднамеренным оперированием моделями, проявляются и тенденции к структурной замкнутости, исчерпываемости (типичные для письменной словесности), противодействующие, но одновременно и совмещающиеся с открытостью и свободной интерпретацией словесности устной.

В обоснованном выше аспекте творчество Софрония можно описать как взаимосвязь между устными и письменными жанрами, между устной кодификацией и письменной реализацией, между письменным переводом речевых структур и обратным переводом. Заявленный подход восстанавливает историческую реальность и способствует утверждению отправной точки при исследовании "необъяснимых" литературоведческих вопросов, связанных с "Житием". Известные метания болгарской и болгаристической научной мысли породили оригинальное название одной из статей 1980 г. [1], которая претендует на исчерпывание проблемы порождения текста, но ... вновь вводит их в индивидуальный и конкретный историческо-литературный контекст. Подобное "отклонение" ведет начало от "столпов" "Дунайского лебедя" за 1861 г., когда Г.С. Раковский вторично социализировал "Житие", придав ему некую реальность. Эта контекстуальная непреднамеренная "мистификация", если ее не осознавать, переориентирует произведение не только хронологически, но и сущностно. Она является причиной многочисленных аналитических "насилий", свидетелями которых мы являемся поныне. Текст произведения, оказавшись "текстом в себе и для себя", начинает функционировать совсем иначе при смене коммуникативной ориентации. Так происходит оперирование жанром (в смысле термина, введенного Н. Георгиевым), популяризируются мнения о "Житии": одно из них состоит в том, что "Житие" – это мистификация и беллетристическое произведение; другое, – что это автобиография ренессансного типа. Заметим, что все исследователи отвечали на вопрос, связанный с характером "Жития", после ответа на вопрос о его жанровой сущности. А как уже говорилось, она пережила вторичные изменения.

Исследователь творчества Софрония должен помнить, что "Житие" входит в

общий контекст с произведением "Исповедания православия вери христианския: и обычаи и закони еврейския: и мохамеданския религии и состояния", известным как сборник под № 1204 в фонде М. Погодина в Российской национальной библиотеке. Сам факт, что изложение трех вер и "Житие" переплетены вместе, показателен для знакомых со средневековой практикой обособления книжных "организмов". Мы располагаем еще одним "предупредительным" сигналом: нам известно, кто был переплетчиком, – сам автор. Понятно, что вышеизложенное еще не сокрушительный аргумент, а лишь заявка.

Заявив о параллели между этими произведениями, следует иметь в виду, что к ним относится определение отношения устной/письменной словесности; они представляют письменную фиксацию устной традиции. Это "необычайное" явление, так как мы имеем дело с функционированием одного вида речевого творчества (устного) в коммуникативной ситуации другого (письменного). В наше время подобные манипуляции производятся с научной целью – при передаче фольклорных текстов в книжной фиксации. Какие есть основания для этого утверждения. Их дают строгие риторико-гомилетические правила, кодифицирующие создание структур, так и количественное увеличение любой репертуарной единицы.

Заглавие ("Исповедание...") задает направление развития текста. Это разговор ("Исповедь" является диалогом), откровенное обсуждение проблем (таков стиль, соответствующий исповеди), проникновенное достижение сущности ("Исповедь" – глубинный анализ и самоанализ сделанного и задуманного). К таким значениям побуждает форма слова – исповедание, – возведенного на абстрактный уровень посредством суффикса "-ние". Так автор точно обозначает замысел произведения, преодолевает жанровое значение слова "исповедь", вводя категорию "исповедальное". Поэтому он не пользуется синонимами, например, "изложение", которое совершенно ясно намекает на моноформу всезнающего назидателя, научную литературность текста, на письменную кодификацию.

Результат оправдывает ожидания. "Исповедание" развивает принятую в Средневековье структуру сократического диалога. Так раскрывается желание добиться общедоступности и обязательной для любой беседы открытости. Мы находим вопросы, которые задаются "добрым", дозволенным канонам тоном. Например, толкуя сущность веры, автор-компилятор дает ответ в том смысле, что вера – значит – верить в того, кого не видишь, ибо никто не видел Бога. Эта формула находится в серьезном противоречии с христианским символом веры:

Верую во единого Бога, Отца вседержителя,
Творца неба и земли,
Видимого же всеми и невидимого...

Также противоречия сразу же выстраивают особый план "несоответствия", который традиционно определяется как просвещенческий. Он имеет различную степень обобщения. Выше всего стоит проблема выбора, обозначенная Софронием. Используя это имя, мы имеем в виду, что он – компилятор "Исповедания", а не оригинальный творец соответствующих идей. Поскольку источники книги исследованы и употребление авторского имени уточнено, мы будем пользоваться именем "Софроний" для краткости.

Появление подобного произведения – новшество, хотя оно и находится все еще в традиции старой церковно-религиозной литературы. Впервые в болгарском религиозном пространстве дается информация о трех верах в сравнительном плане, и обращена она к самой широкой аудитории (по замыслу, композиции, стилю). Сходный процесс утверждения православия, критика чужих и враждебных христианству философских и религиозных систем, как и чисто практические разъяснения и наставления в соответствующем образе жизни – факт в пределах тогдашней Российской империи. Из нее и проникает большая часть церковно-служебных книг, а

посредством их и актуальные идеи [2]. То, что в развитой русской книжности осуществлялось дифференцированно и различными авторами, в Болгарии сошлось в одном произведении: в Сборнике Софрония.

Разумеется, такие произведения характерны для всей эпохи Средневековья. Однако "черные" мысли схоластов и догматиков все еще были предназначены для ограниченного круга посвященных и искушенных в разуме. Оформлялся специфический коммуникативный акт, в котором выражались сомнения, им же находились словесные противодействия.

Произведения Софрония соответствуют закономерностям любого идеологического процесса. Любая философская система, а христианство можно считать таковой, борется за самовыражение. Наступает момент, когда она превращается из теории в практику, и на передний план выходит необходимость незамедлительного ее анализа ввиду новых условий, среди которых обязательное "низведение" направленной актуализации до уровня масс. Абстрактные идеи и казусные ситуации должны заговорить с "простецом" на его языке. В противном случае перевод "высоких" предписаний был бы невозможен.

Новизна Сборника Софрония доказывается еще одним важным фактом. Именно здесь он помещает свой автопортрет с подписью: "Софроний, епископ Врачанский". Стойко Владиславов предстает "в полный рост", с ответственностью и решимостью христианского архиерея. Вспомним моменты его жизни, в которые принадлежность к высшей церковной иерархии обрекала его на гибель, и он целенаправленно ее скрывал. Подобное "самовыдвижение", в определенной степени чуждое его житейскому поведению, следует понимать исключительно в тесной связи с текстом – с необычностью, новизной сборника. Здесь неуместны толкования в смысле "пренебрежения" к автору и к произведению, отсутствия дифференцированного сознания, свойственного средневековому переводчику-переписчику. Подобный тезис опровергается категоричной (и гораздо более ранней) припиской в первой Котелской рукописи: "Сию историю принесе я Паисий йеромонах от Света гора Атонска и преписахми я у село Котил...". Сам Сборник содержит раздел о еврейской религии, в предисловии к которому Софроний приводит указания, откуда он его заимствовал и почему, а также приводит подробные сведения об "исповедующемся" Павле Медике и его судьбе. Становится явным желание Софрония, чтобы его Сборник "правильно" воспринимали. В первую очередь – как "истинную", каноническую литературу; во вторую – как высокую, официальную церковную литературу; в третью – как "доверительную", собеседническую литературу. Такой подход к разбору своих произведений Софроний гарантирует своим авторитетом высшего клирика, христианина, сопричастного жизни народа и каждого отдельного человека. В этом русле находится и выбранный из Иоанна Богослова эпиграф: "Искушайте духи, аще от Бога суть". Этот эпиграф вызывает в памяти возрожденческого читателя полный текст отеческой заповеди (гл. IV, ст. I–III "Первого соборного послания святого Апостола Иоанна Богослова"), развернутым изложением которого и является по существу сама книга "Исповедание": "Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много уже пророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух Антихриста..."

Эпиграф служит необходимому "снятию обвинения" в дерзости: вместо категоричного клеймения и запрещения сатанинских вер – их спокойное аналитическое рассмотрение, вместо канонических нравственных примеров – собственное житие. Эта концепция композиционно защищена в рамках Сборника: а ереси, и "Житие" – искушения духа, которые следует воспринимать рационально, а не как готовые догмы. Этот факт свидетельствует о психологическом изменении типа писателя: вместо скромного переписчика – риторически "скромный" творец, искушенный в науках и мышлении новый человек, который нуждается в равноправном диалоге. Софроний

хочет "создать" собеседника, равного себе по духу, думающего, предпочитающего знать догмы, а не как прежде – доверять догмам.

Вопрос выбора поставлен Софронием прямо: каким законам следует человек в своем поведении – божественным или лжепророческим? Личность должна определять свой жизненный путь, хотя достигнутая ею свобода и оказывается фиктивной, потому что результат предварительно и необходимо предопределен, а ереси заклеены. Но все же на первый план выходит момент личного, а не коллективного убеждения. Прочитав и изучив толкования Толмуда и Корана, человек убедится, сколь истинна христианская православная вера, и поэтому ее позиции укрепятся еще больше.

Эти намерения Софрония говорят о том, что в то время христианство, вероятно, находилось в серьезном кризисе. Доказательством тому – "из ряда вон выходящие" меры по утверждению веры. Путей отхода от христианства два: либо к ересям и лжепророкам, либо к неверию. В сущности, лишь один момент свидетельствует об упомяннутом отходе. История болгарской девушки, которая ждет пять лет, чтобы стать женой местного султана, и которую Софроний "по незнанию" венчает – свидетельство противодействия акту насилия. Право на выбор определенно связано с самодержавием – это еще одна проблема просвещенческого характера, последовательно развертывающаяся в изложении. Аналогия царя с главой семьи и государства с семьей ("задругой") известна в возрожденческой литературе. В нашем случае важнее выделить противоречие между идеей самодержавия и утверждением Апостола Павла, что всякий христианин должен подчиняться власти. Это противоречие превращается в основную проблему Софрония, занявшегося доказательством преимуществ христианства, утверждающего государственный порядок и церковный чин в такой действительности, где порядок и законы обращаются против христианства. (Сам же он предпринимает все возможное, включая и физическое сопротивление, чтобы его не повесили, не убили, не подвергли насилию.) Здесь возможен единственный путь – обесценить, чисто риторическим путем разрушить понятие "турецкая власть". Только тогда христианское сознание не признает рабство, установленное господством инородцев, христиане будут стремиться к активному сопротивлению.

Софроний пишет: "Первый отец на человека ест височайшая царская власть; почто цар ест да нагледва и да настава поданници свои на всякое добро. И да промисля зарад них да ги варди. И да ги содржава да будут охолни, безбедни, безгрижни. И да ги поерива от всякое насиле...". Принцип контраста последовательно проведен в тексте. Прозрачно утверждение: зри, читатель, как должно быть и подумай, как оно есть! Так внушается, что следует осознать свою конфессиональную принадлежность прямо. Эти призывы – суть комментарии абстрактных "казусов" и примеры-наставления. Они актуализируют проблемы веры посредством введения живой болгарской жизни.

Так создается модель устной словесности посредством умело сымитированной разговорности. Этому служат "просторечия", исповедальность, искренность, житейская и бытовая направленность. Последние снимают абстрактный пласт значений далеких от реальной жизни болгарина-возрожденца.

Многие проблемы кроются под термином "просторечие". Различные авторы вкладывают в него свой собственный смысл, который отражается на оценках личности писателя Софрония, колеблющиеся от обвинения в простодушии или в скрытности и мистификации. Подобные обобщения неизбежны при сопоставлении слова с действительностью. Если подобное отношение к тексту и автору закономерно для биографа (вспомним сложные проблемы отношения история/литература), то оно – ненадежный вожатый исследователя. Очевидно, что в действие должна войти другая оппозиция; например, оппозиция сказанного слова с принципами его высказывания. Именно здесь становится видимой "искусственность", "деланность" ведущихся бесед. Их литературность начинается уже с подбора реплик. Автору определенно невозможно спустя столько лет явно без каких-либо дополнительных записей восстановить точно, что сказал Ахмед Гирия, и что отвечал ему он сам. Приведенные диалоги составлены по памяти. Это означает, что они написаны заново. При этом не надо

забывать, что большинство разговоров в "Житии" ведутся на османском языке, что ставит автора в положение еще и переводчика. Каковы же существенные характеристики разговоров, выработанные Софронием согласно предписаниям риторической традиции?

Первоначально ему было необходимо восстановить диалогическую ситуацию путем изобретения (*inventio*) репрезентативных реплик, достигающих поставленных целей. Если обратиться к уже упомянутому эпизоду с Шихларийским султаном и дочерью Кованджи, мы увидим, что беседа, в которой участвуют четыре лица, состоит из семнадцати реплик, но занимает несколько страниц описания. Путем количественного наращивания он воспроизводит устную коммуникативную ситуацию, знакомую нам с действующими лицами, с установившимися между ними отношениями, с направлением развития разговора. Так он очерчивает "горизонт ожидания".

Одновременно весьма подробно Софроний описывает паралингвистические средства. Они придают эпизоду колорит, драматизм, эмоциональную атмосферу, коммуникативную полноту. Будучи сопоставлены и противопоставлены вербальным средствам, они обуславливают внутритекстовые связи, которые являются основой художественного воздействия. Человек в ситуации участников разговора по определению не может проявить наблюдательности вне поля собственной деятельности. Здесь явно совмещаются две точки зрения – прямого участника (внутриситуационная) и наблюдателя (эстетически дистанцированная). Подобная эмансипация несловесных средств по отношению к словесным в рамках единого коммуникативного акта является давней традицией. Она существует в фольклоре, церковно-религиозной литературе. В рамках этой традиции беседа (между Софронием, Ахмедом Гирием, Милошем и слугой султана) начинается с действия (жеста): "Аз потекох да му целуна скуту". Детально прослеживаются все реплики невербального типа: "а он тои час вдигна пушка своя и удара мя", "и тои понде и узе от моя кон юларя... и фарли го на шия моя", "и аз теглех надолу", "и като здигна султану очи свои наоре, Милош, другар мои побегна". Особое значение имеет и равноценная передача не только различных по типу средств коммуникативного акта, но и "отсутствие" разговора. Первые передают динамику диалога, создают его поступательное движение; вторые являются "синкопными паузами", ретардационными элементами прозы. Они все вместе создают ритм текста, его своеобразную пульсацию. Так делаются художественно значимыми паузы, молчание и умолчание в потоке бурного ритма звучащей речи: "и аз мълчах, почто бях отчаял себе от живение", "и аз какво да сторя, от смертний страх изсохнаха ми устата", "и не можах до продумам", "и мног час держеше пушката насрецо мене и мисляше".

Разберем один из диалогов, выделив три вида реплик: вербальные, жестовые и "нереплики", означающие паузу в диалоге – прерывание речевой и текстовой коммуникации. На них строятся две взаимоисключающие стороны диалога – коммуникативное действие и коммуникативное "молчание".

По правилам риторики многоуровневость становится принципом передачи реплик самого Софрония: одни из них цитируются ("Ти ли венча Кованджиюва дщеря на Карбонат,"); другие – пересказываются/цитируются ("а он мя попита, ти ли си на тия села поп"). Два этих типа пунктуационно оформлены автором. В третьих – только отмечается их общая смысловая направленность: "и Милош начена да му ся моли зарад мене". Этим не исчерпывается риторика воздействия реплик. Писатель пользуется сложными контаминациями между действиями, словесными фразами, паузами. Он совмещает различные коммуникативные способы в одном тексте, подразумевая адресата: к читателю: "и псуваше мя, и думаше мя", к собеседнику: "коги аз тебе не убия, кого да убия", к самому себе: "да венчаеш ти моята жена сас гиавурина". Описанные приемы создают не только сложный макроконтекст, который превосходит написанное, но и надтекстовые структуры с признаками внеситуативности, несвязанности с происходящим действием.

Высокая текстуальная организованность бесед доказывается логически: в них

множество проявлений недопонимания ("разноязычие"), двусмысленные ответы, увертки, лживые клятвы и обещания. По локусу создания и типу – это "кабинетные", т.е. риторические построения: человек, у которого губы пересохли от страха, не будет упражняться в риторике. Подобные примеры – подводные камни, о которые разбивается тезис о "простодушном и безыскусном рассказчике Софронии".

Разговорные реплики включают в себя и книжно-письменные элементы, что проявляется в целом комплексе лексических, синтаксических, инверсионных, стилистических средств. С этой целью используются и церковнославянизмы (которым совсем не место в бытовом диалоге), и полные местоименные формы, некоторые с нарочитыми падежными окончаниями; эта же цель вызывает манипулирование просторечными обращениями и варваризмами (бре, пезевенк, гяур).

Книжность "срежиссированных" Софронием реплик обнаруживается и посредством сопоставления их с местом и временем события. Первая реплика произнесена на ниве при жнецах. Затем как действие, так и беседа перемещаются под сень ивы. Потом – на поле (в стороне и далеко от нивы: подчеркнуто упоминаются травы и бурьян, которые мешают ходить и служат причиной дополнительных страданий героя). Последние реплики произносятся уже на дороге. Ясно, что 17 реплик не могут покрыть такое пространство и время. Ясно, что большая часть беседы пропущена, точнее, передано лишь то, что описывает/восстанавливает беседу, а не фиксирует ее письменно. Софроний практически не может сделать иначе, но гораздо существеннее то, что полный текст – риторически (литературно) не значим для него. Сочетая тенденции, принадлежащие к различным пластам словесности, пользуясь различными способами отбора средств и выражения, писатель передает не действительную беседу, а намек на нее, ее идею. В результате создаются различные уровни взаимоподчиненности и взаимосвязанности, которые, кроме чисто литературной роли, направлены к основной цели – общему макроконтексту, к ткани которого относится само "Житие".

Оба произведения имеют форму диалога. В "Исповедании" – Мы-диалог, в "Житии" – Я-диалог, в котором второй участник риторически маркирован посредством повествовательных формул. Сущностное различие между ними ведет к рефункционализации, которая осуществляется в текстах произведений. Первый тип диалогов реален и естественен. Он представляет манипулирование письменной традицией в естественном коммуникативном акте. Система, последовательно проведенная в каждой из трех частей: исповедание православной веры, еврейской веры и магометанства, инсценирует вопросный тип, который как бы "принижает" высокие богословские проблемы до уровня конкретного, вымышленного, но не реального читателя, убеждая его методом беседы, имитируя жанр ученого трактата.

В вопросах и ответах, в пласте церковно-религиозной литературы присутствует развернутая жанровая парадигма, т.е. проявляется письменно-книжная традиция. Она столь продуктивна, что играет важную роль на протяжении всего Возрождения, связывая между собою эпохи посредством передачи/усвоения общечеловеческого словесного опыта. Вспомним о месте и значении дидактических, школьных диалогов, организованных по этому принципу.

Центральное место занимают декларативные диалоги, обусловленные устной теорией словесности. Они являются одним из основных средств обучения. Речь идет о контаминации, сказывающейся в воспроизведении диалогической жанропорождающей ситуации. Что касается самого процесса структурирования текста, то на передний план выходят процессы инкорпоративного включения элементов. Стимулирован естественный логический ход обиходной беседы путем моделирования самой сущности этого типа коммуникативного акта. С точки зрения мотивации, упомянутая модель схематически может быть представлена так: фактическая рема – экспликационная рема-тема. Текст стремится целиком "исчерпать" поставленную задачу, хотя и однопланово. Кроме того, важным "письменным" вмешательством является аргументация и аналитичность развития экспликации. Все это касается модели текста, а

не только его стилистического выражения. Речь идет о логизированной конструкции и аргументированной экспликации православной веры, Закона Божьего, толкования основной сакральной молитвы "Отче наш".

"Житие" рефункционализирует свою собственную коммуникативную ситуацию посредством специально подобранных речевых структур и целенаправленно выбранной разговорности. Аналогично устоявшейся в фольклоре наррации, соотносенной с героем/действием (термин Цв. Тодорова), Софроний вводит в текстовую ситуацию своего героя – самого себя, как бы отвечая на вопросы *кто, где, когда, что* ("аз ... родих ся на село *Котел ... и като съм бил три лета ...*"). Далее следует пространная хронологическая поступательность и однонаправленность в развитии действия (как в сказках): близкие, родные, дети вспоминаются лишь, когда они нужны для представления мотива, аргумента, действия, и тут же забываются. Сюжетная линия центрирована исключительно вокруг главного героя. Согласно Цв. Тодорову, люди включаются в действие и имеют смысл (в этом типе текстов) только как двигатели/виновники того или иного эпизода в ряду эпизодов, организующих "целостное" бытие произведения.

Софроний соблюдает и текстовую мотивацию между эпизодами – чисто внешнюю, хронологическую, а в литературном качестве – нанизывающую, паратактическую. Жизнь выстраивается как мозаика отдельных событий. События эти различны, как различны лица/причины, которые в них участвуют. Также различны и внешне объединенные вопросы/ответы в "Исповедании".

Приведенные выше особенности непосредственно связывают "Житие" с устной словесностью. Тип героев, мотиваций, способа рассказа (выбор нарративного центра и последующее эксплицирование), включение и исключение действующих лиц и событий – все это стимулирует (потому что воспроизводит вторично) устную коммуникативную ситуацию. Ее полноте способствует и специфическая позиция рассказчика по отношению к окружающей его среде – сочетание значительного с незначительным. Эта "странная" наблюдательность побудила ряд исследователей говорить о юмористической позиции автора, что является очередным насилием над текстом Софрония.

"Ами тогива где не бягах ... през гората вершените очите ми хочеха да извадят"; "въстанах ... да бягам ... ноц темна, колико крати падах на путо, докле поидем на Черепиш манастир" – истолкованные сами по себе, такие описания в состоянии спровоцировать буйную фантазию интерпретатора. Но рассмотренные в контексте, они показывают типичную для обиходной беседы избирательность наблюдений, а также соответствуют "риторике" повествования и его смыслам. Ту же роль исполняют и фразы, в которых обнаруживаются логические противоречия. Для современного уха они звучат еще "юмористичнее". Вот некоторые примеры:

"И аз му рекох: ефенди, нии есми рая, всякоги боязливи еси като заици, и като вдигна ти чауша, убояхми ся и бягаме, а он рече: кои вред имате ви от това, аз ви позовах да ви питам за пут, страшен паша беше..." (эпизод с Джебзаерли Хасан-пашой).

"След някоя ден разболе ся и попадия, леже болна шест месеци, и престапи ся, нападна ни и другая харч".

"След три дни разбрах како гонил султан отца ея да го убии, а он побегнал и уфатил брата ея, и бил го много, и углубил го: и аз тогива убоях се и придох в усумнение голямо" (эпизод с Ахмедом Гиряи).

Герои-"двигатели" обособляют отдельные эпизоды; автор вдобавок стремится к их структурной самостоятельности. Очевидна и их книжная закрытость, используемая как композиционный принцип письменной традиции. Софроний применяет формат одного из лаконичнейших жанров – приписки типа "Писах да се знае!" наряду с "Писах аз, еди кой си!". Этот жанр представляет и самую простонародную форму общения благодаря авторской установке, языку и ориентации на реальную жизнь. Приписочная структура последовательно инкорпорирована Софронием, который таким путем создает макроструктуру самого произведения. Зависимость между двумя

жанрами определена: как приписка есть один из репрезентативных примеров, так и житие – пример общей идеи (общей для "Исповедания" и "Жития").

Структура приписок строится путем введения пространной жанровой формулы-указания на время: "Както с'м бил ри лета"; "и като бих девят години"; "В лято: 1750"; "Рукоположи мя в лято : 1765 : септемвриа 1"; "В лято : 1768 : начена са войска баталия" и т.д. В некоторых фрагментах приписок дается и пространная заключительная жанровая формула, обобщающая в бытовом плане главное событие: "Беше голям глад по все Болгария, двадесет пари беша едно око брашно". Однако, в отличие от сугубо подчеркнутого личного начала в приписках в ущерб общезначимым событиям, в "Житии" Софроний нарушает канон, обращая действие на себя самого: "ала като знаях"; "а наше село като"; "тогива у нашей село"; "а син мои поиде". С подобной экспликацией таким образом нововведенной формулы начинается переход от инкорпорации к манипулированию жанром, исполняющему в созданной структуре нетрадиционную роль. Возникает новый парадокс – существенным для "Жития" (с точки зрения автора и с нашей точки зрения) является риторический момент целенаправленной организации текста. Вопросная риторическая замедленность по отношению к поддержанию темпа текста организует пласт примеров, подает идею для конкретных правил по модели "Делай как я!". Одновременно примеры внушают идею единения архипастыря с обыкновенным слушателем ("простецом"): все, что происходит с первым, является обиходным для второго. Софроний очень умело пользуется методом идентификации (читателя с идеей), который положен в основу самого процесса "опримеривания".

Утилитаризм двух рассматриваемых произведений столь очевиден, что может быть определен как основной для всей проповеднической жанропорождающей ситуации. Он расположен почти целиком в пласте религиозной нравственности. В нем ключ к общей идее макроконтраста. Он имеет и общий коммуникативный аспект, стилистический, структурный. "Исповедание" создает принципы ценностной системы, представляет их, аргументирует их и толкует, а "Житие" является упрощенным, понятным для всех и обособленным примером этих принципов. В этом смысле, но только не в терминологически-жанровом, оно – действительно житие, общедоступная стилистическая метафора, дающая название бытийному пласту.

Вызывающую столько споров Я-формулу следует рассматривать в нескольких аспектах. Эта формула – традиционализированное проявление развитой жанровой парадигмы в старой литературе, которая содержит множество форм, среди которых часто употребляемыми являются биография и извещение; ср., например, "Святого нашего Григория Богослова Патриарха, извещение о жизни его юнным в пользу", которое в известной степени является "утилитарным" произведением и текстом-опримериванием". Вот отрывок для сравнения:

"Тело мене в юности противеше ся духу, всегдашними труды и подвиги, умертвих. Вкупе же и тирона, близ его сидяща, си ест нечистоту победих, очи встягнух и в веждах моих уточних, улы связях, смех в плач обратих, со всеми моими вещами Христу подстлахся. Земля быст мне ложем, власяница – одеждею. Бдение бяше мне сном и слезы – упокоение".

Смущающая многих Я-формула, аргументация намерений, свободное описание и обсуждение личных проблем, хотя и религиозно клишированные, являются обычной практикой. Но время Софрония – новое, новы его проблемы, новы, в результате, и некоторые идейно-содержательные моменты. В первую очередь они затрагивают "мнимый", "бытовизированный", но детально развернутый Я-диалог. Новым является и построение сюжета: посредством введения не фрагментов чудес, а фрагментов о пережитых опасностях. Это истинное "онароднивание" христианской письменной фиксации. Эта формула – демонстративное единение коммуникативного акта. Она – есть и современный тип "опримеривания" – только в примерах действуют не Бог или Святые Отцы, а человек из плоти и крови.

Рассмотренный материал позволяет пословно проследить введение фрагментов, их

обособление и конструирование по принципам риторической поэтики. Используются кодифицированные правила утверждения, рассуждения, описания. В этом отношении словесная прагматика предписывает ответы на вопросы – *кто, когда, где, с чьей помощью, почему и по какому поводу*, ср. с грамматическим предметом. Одновременно намечаются направления развития соответствующей репертуарной единицы: способы ее объяснения и исчерпывания, переходы к следующему объекту. В высшей степени эти правила выполняются в "Исповедании". Рассмотрим его начало. Основное утверждение: "Проклет да будет всяк, иже дело с небрежением творяи" – раскрыто посредством развернутой структуры противопоставлений. Они образуют аллегорический пласт произведения: "Блажен е градът от добър царо управляван – тежко на този град, управляван от лош цар; блажен е манастирът от въздержателни и изкусни монаси строен – тежко на манастира...; блажен корабът от умел водач направляван...". За этим следует ясное изложение результатов: город будет пленен, монастырь опустеет, корабль утонет, что и приводит к апофтематической аргументации: "Платон философ рече: разликата между учения и неучения е колкото от доктора до болния". Она одновременно является и переходом к новому объекту – идее, с помощью которой познается Божия истина, отвергаются лжезаконы. Эта идея является основой развития всех утверждений и фрагментов. Она превращается в голос совести и в побуждение к тому, чтобы описать, как архипастырь исполняет свои обязанности. Весь пафос направлен на объяснение – "я не был небрежен к своему делу и обязанностям!".

Более того: многие страдания Софрония происходят именно потому, что он твердо и неуклонно несет возложенное бремя. Во всем тексте "Жития" нельзя найти ни строчки, где герой оплакивал бы свою участь как духовного пастыря, пожаловался бы, что эта должность причиняет тревоги и опасности. Аллегория ясна: обычный мирянин по той же причине должен неуклонно следовать согласно сделанному выбору и никакие трудности не принудят его к отказу от своего дела. Общеизвестна формула спасения Апостола Павла: "Веруй и терпи". Софроний переделывает ее следующим образом: "Веруй и трудись!".

Согласно риторическим правилам организован и вводный фрагмент "Жития". Здесь нужно вспомнить, что большое значение имеют "источники изображения мыслей": "Действие и страдание е най-изобилний и прекрасний източник за изображение на мислите. Сичко това светодействува или е подвързано с друга сила". Этот принцип раскрывает понимание роли внешних сил в жизни человека. Что касается начала произведения, то в нем автор строго придерживается соответствующих предписаний: имя, время, родители, место, характеристика героя (вспомним формулу "Аз, грешний во человецех..."). Гораздо позже она прозвучит уже с магически-заклинательным ореолом со страниц "Антихриста" Эмилиана Станева. Вслед за использованием кодифицированного книжного начала автор продолжает уже прозаическим языком (согласно "началам изящной прозы"), основной принцип которой гласит: "Безыскусная проза незнакома с искусством; изящная употребляет все свои силы, чтобы казаться безыскусной!".

В свободном стилистическом выражении встречается ряд клишированных элементов, традиционализированных в книжной практике. В глобальном плане не что иное, как разговорный пример представляет само "Житие", соотношенное с "Исповеданием". В его модели кроется замысел противопоставления письменное/устное. Оба произведения являются толкованиями уже упомянутого епископа и основной идеи. В "Житии" не сам герой, а обстоятельства значимы прежде всего, потому в нем и показано, как они были успешно преодолены; пусть ценой житейских ошибок и несчастий. Важно утверждение веры, которая предлагает совершеннейшую ценностную систему. Второе произведение еще больше "онароднивает" общий контекст. Оба произведения обращены к теории и практике одной идеи. Софроний создает диалектическое единство категорий риторики текста и текстности риторики. А это еще одна, хотя и осовремененная, модель отношения устное/разговорное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Георгиев Н.* Житие на Софроний и страданият на съвременното литературно мислене // Тракия. 1980. № 1.
2. *Максимович И.* Богомыслие. Чернигов, 1710; *Ростовский Д.* Рассуждение о образе Божии и брэдобритии. М., 1714; *Прокопович Ф.* О браках правоверных лиц с иноверными. СПб., 1723; *Яворский С.* Камень веры. М., 1728; *Козачинский М.* Философия Аристотелева. Львов, 1745; *Ростовский Д.* Розыск о раскольнической брынской вере. Киев, 1748; *Чинопоследование, соединяемым из иноверных к православной церкви.* М., 1757; *Басни Талмудовы.* Почаев, 1749; *Устав о християнском житии.* Почаев, 1794.

© 1998 г. СОФРОНОВА Л.А.

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОЧИНЕНИЯХ Г.С. СКОВОРОДЫ

В данной статье предлагается систематизация взглядов украинского религиозного философа XVIII в. Г.С. Сковороды на человека в неразрывной связи с его представлениями о мире и Библии. Г.С. Сковорода не посвящал отдельных сочинений проблемам человека. Он писал о них почти в каждом сочинении, постоянно возвращаясь к написанному в новых контекстах, повторяясь, видоизменяя и надстраивая свои положения. Наша задача состоит в их вычленении из общего корпуса текстов и классификации.

Перед тем как перейти к ее решению, скажем, что Г.С. Сковорода неустанно возводил три мира: мир, человек, Библия, нащупывая их единую прочную основу. Эти миры не изолированы и не существуют в отдельности. Философ постоянно стремился объединить их в единое целое, в сложнейший ансамбль, где каждая его часть находила бы отражение во множестве других. Элементы этого ансамбля как бы стремятся друг к другу, перетекают друг в друга и порой совпадают, что поддерживает и укрепляет их целостность. Они не статичны, неокончательно сложились их отношения. Г.С. Сковорода вел сложнейшую работу по налаживанию все новых связей между ними, отыскивая ранее не видимые их приметы, постоянно повторяя, что только в их единстве можно выявить смыслы каждого из них. Г.С. Сковорода анализирует природу человека, пишет о его связи с Богом и миром. Он создает свою собственную философию человека, не выводя ее за пределы христианской этики. Он отказался от условного образа человека, тиражированного учительной литературой, где человек выступает проекцией борьбы добра и зла, находится между небом и адом и заслуживает наказания или вечного блаженства, одновременно пребывая на земле и шествуя в метафизическом пространстве. Человек у Г.С. Сковороды, отражая строение христианского космоса, более активен и самостоятелен, чем в учительной литературе. Он имеет право выбора, и его путь к спасению состоит в самопознании. Познавая себя, человек движется к Богу, к вечному блаженству. Образы ада, загробных мучений мало привлекают Г.С. Сковороду. Он готов видеть человека только в непрестанном движении к высшим ценностям, изредка указывая на те случаи, когда тот

Софронова Людмила Александровна – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения и балканистики РАН.

сбивается с пути. С тем чтобы продемонстрировать сложнейший процесс самопознания, Г.С. Сковорода выстраивает картину особого внутреннего мира человека и демонстрирует взаимозависимость внутреннего мира и мира внешнего.

Г.С. Сковорода не замыкается в системе образов Библии и не раз сближает свою концепцию человека с идеями Платона ("приятное есть благо, а тягостное – зло" [1]), хотя и именует его, наряду с Солоном, Сократом, Пифагором и Цицероном, – мотыльком, летающим над поверхностью земли. Этот мотылек, конечно, не идет ни в какое сравнение с "нашим высокопарным орлом, к неподвижному солнцу взлетающим" [2. С. 353], т.е. с Господом. Можно предположить, что подобный образ человека останется статичным, неподвижным примером для "умного делания" читателей. Этого не произошло, Г.С. Сковорода, чрезвычайно склонный к диалогической форме, и с обобщенным образом человека вступил в контакт. Он видится ему читателем. Называя его другом, философ беседует с ним, обращается к нему с риторическими восклицаниями: "О бедный человек!" [2. С. 221–222]. Этот образ обростаёт и светскими значениями, что мы покажем в дальнейшем.

Иногда образ человека конкретизируется – на страницах сквородинских сочинений появляются реальные персонажи, собеседники философа, трактующие вопросы человеческого бытия. Они получают имена, порой такие причудливые, как Квадрат. Кроме того, библейские и античные персонажи выступают в качестве идеальных и точных примеров. Таким образом, человек абстрактный соседствует с различными конкретными ипостасями, часть из которых заимствована из собрания образов – античности, часть – из священного источника. Некоторые из этих ипостасей претендуют на наивную реалистичность, прямую соотнесенность с жизнью. Таковы самые общие наблюдения над представлениями о человеке в сочинениях Г.С. Сковороды. Переведенные на современный язык, они теряют во многом свою специфику, исчезает комплекс тех значений, которыми философ их нагружает, отправляя в путь по направлению к читателю. Без этих значений концепция человека резко обедняется, упрощается, превращается в схему.

Чтобы сохранить эти значения – а в этом сохранении видится важнейшая задача историко-культурного исследования – мы попытаемся сформулировать концепцию философа в его же терминах. Переводить их на современный терминологический язык представляется нецелесообразным, так как термины Г.С. Сковороды несут в себе мощный поэтический заряд – они всегда метафоризированы, что создает мифопоэтическое освещение экзистенциальных проблем человека, его отношений с Богом и с самим собой. Взятая без мифопоэтического аспекта концепция человека теряет множество дополнительных смыслов и обезличивается. Имея в виду неразрывную связь человека, мира и Библии и их способность взаимно отражать один другого, обратимся к соотношению мира, Библии и человека в концепции Г.С. Сковороды.

Человек обитает в мире, отражая его. Мир видится в его очах, как "в двух зеркалушках". "Человек есть маленький *мирок*, и так трудно силу его (значение. – Л.С.) узнать, как тяжело во всемирной машине *начало* сыскать" [2. С. 143]. Так Г.С. Сковорода утверждает представления о соответствии макро- и микрокосмоса. Эта идея вбирает в себя сложнейшие отношения двух миров. Человек не просто отражает мир, повторяя его очертания. Мир следует за человеком, потому, анализируя его строение, Г.С. Сковорода часто антропоморфизует его категории, и в человеческом естестве, презрение которому выказывает не раз, находит множество сравнений и метафор для построения концепции внутреннего и внешнего, видимого и невидимого миров. Г.С. Сковорода, постоянно используя "антропологические" метафоры, иногда так их запутывает, что создаются почти гротескные картины мира, которые служат абсолютной свободой смыслов и свидетельствуют о принципиальной равнодушии к вещному, телесному началу, а также об относительном равенстве двух миров, макро- и микрокосмоса.

Мир состоит из двух половин. Одна из них – "земляная", которая явлена зрению

человека, и ничего не стоит. "Все сие есть плоть, гора, труд и горесть", "тьнь, вода и беда" [2. С. 260], – такую цепочку метафорических определений с элементами омофонии выстраивает философ, стремясь передать все ничтожество вечного мира.

Другая половина – духовная, которая скрыта от человека и к которой он должен неустанно стремиться: "Восходящее, высокое в нем и божественное – оное да будет твое" [2. С. 260]. Итак, человек видит явное, не думая о тайном. Он силится и не может увидеть невидимое, хотя в этом состоит основная цель его духовной жизни. Человек, как и мир, делится надвое: "Есть тело земляное и есть тело духовное, тайное, сокровенное, вечное" [2. С. 145]. Эта идея у Г.С. Сковороды становится ведущей в концепции человека и развивается в оппозициях внутреннего/внешнего, видимого/невидимого, тайного/явного, которые усиливают одна другую.

Есть человек внешний, видимый, явный и человек внутренний, истинный, духовный, "созданный по Богу в правде и преподобии истины" [2. С. 236]. Истинный человек состоит из истинной нетленной плоти. Он никогда не умирает, он бессмертен. Никто не может видеть его и знает лишь тех, у кого "все тело в прах обращается" [2. С. 161]. Внутренний человек часто называется точным человеком. Внешний ему во всем противопоставлен.

В человеке подробно различается "наружность" и "внутренность". В основе этого противопоставления, конечно – антитеза души и тела; но с тем, чтобы усилить ее значение, философ представляет душу и тело как двоих в одном: "два, человека в человеке одним" [2. С. 346], а иногда и как два тела. Потому его человек не един и не просто разделен на две половины, материальную и духовную, но двойственен. Эта двойственность противоречива, не гармонична, так как основана на принципе отражения, при котором ценно лишь то, что отражается; само же отражение – ничто: "... глядишь в зеркало – вспомни твой болван – он позади тебя, а видишь его тень" [2. С. 272]. Человеку дано видеть только отражение, т.е. тело, но не душу, или внутреннего человека. Отражение презрительно называется болваном, маской, чучелом, идолом: "Все то идол, что видимое" [2. С. 138]. Все эти наименования имеют отрицательную оценку: главное в ней – указание на отсутствие духа. Оценка эта усиливается рядом определений, прилагаемых к ним: "болван глиняный", "болванящие внешности", "телесный болван" [3]. К этим наименованиям примыкают противопоставления типа: хребет/лицо. Когда человек смотрит на себя внешним взором, он видит "хребет один, а не лицо", ложь нашей плоти, тления нашего разливающую воду. К этой группе наименований человеческого тела, или человека наружного, примыкает библейский образ гроба повапленного, к которому Г.С. Сковорода обращается не раз: "Но не легче ли тебе питаться одним зельем суровым и притом иметь мир и утешение в сердце, нежели над изобильным столом сидеть гробом повапленным" [2. С. 345]. Парадоксальная асимметричность концепции человека усиливается тем, что видимая наружность чрезвычайно далеко отстоит от человека. Потому она часто именуется околичностью, околицей, околичной, крайней. Эта метафизическая удаленность от самого себя – еще один знак отношения философа к внешнему. Она обеспечивает особое понимание "наружности", т.е. внешнего человека.

Очень часто декларируется чисто функциональный подход к "наружности". Она – лишь маска человека, которая скрывает его целиком и которая легко снимается. Понятие маски распространяется на всю его внешнюю жизнь. "На что же тебе елей, венец, скипетр, гвардия? Сия есть тень и маска" [2. С. 260]. Развивая концепцию маски, Г.С. Сковорода спрашивает собеседника: "Видал ли ты деревенскую маску, что зовут кобыла? (...) Кто исправно носит кобылу, можно видеть, но, кто он внутри есть и какой человек, почем знать?" [2. С. 279]. Понятия маски и ее отдаленности от человека стягиваются воедино: "Крайняя тела наружность – маска твоя, каждый член твой прикрывающая, по роду его и по подобию" [2. С. 222].

Наружность человека – это также кафтан, одежда, "последующая своей внутренности" [2. С. 170], которую носит человек. Здесь также на первый план выходит значение не-связанности "наружности" с человеком, ее отторжение от человека и

только временное слияние с ним. "Вся твоя окружность твоих членов болваняющих есть не что иное, как одежда одна", – говорит Г.С. Сковорода. Человек сбрасывает плоть, наружность, как обветшалую ризу, и надевает "новую, сообразную его плоти плоть" [2. С. 162]. Монашеское одеяние и весь облик духовного лица также вовлекаются в ряд сравнений, работающих на создание эффекта отчуждения внешнего от внутреннего: "К чему же тебе финиковая спанча Павлова? К чему Антониева борода, а Саввин монастырь, капюшон Пахомиев? Сей есть один только монашеский маскарад" [2. С. 260].

В других метафорических конструкциях внешний и внутренний человек обнаруживает большую близость, например, когда "наружность" объявляется тенью внутреннего человека. Она – тень и сон истинного человека. Так видимое объявляется невидимым. Образ тени немедленно связывается с концептом смерти: человек без души и сердца – это мертвая тень; "Любовь к тени есть мать голода, а сего отца дочь есть смерть" [2. С. 145]. Г.С. Сковорода, выстраивая сложные ассоциативные ряды, заставляет человека говорить о самом себе как о тени: "Насилу я нашел его (Бога. – Л.С.) в траве и тени моей" [2. С. 152]. Всякий незрячий духом человек – это также тень. Так мифопоэтическое значение слепоты увязывается с концептом смерти.

Г.С. Сковорода постоянно развивает вечные библейские образы в рамках своей концепции человека. "Наружность" человека – это прах, ветром колеблемый, нечувственная земля, пепел. Этот образ не остается в сочинениях философа неизменным. Он способен расширяться и возвышаться – тогда плоть человека объявляется рвом страданий и глубиной тьмы, называется "землей пустой, солоной и необитаемой" [2. С. 197]. Засмотревшись на эту землю, человек превращается в соляной столп и думает, что "земляной гроб его селением стал". Потому в одном диалоге философ кричит, обращаясь к человеку: "Земля! Земля! Земля! Слушай слово Господне!" [2. С. 149]. Библейский образ может резко снижаться, "смешиваться с грязью", приобретать все ее обыденные свойства, которые стремятся в ряд символических значений. Тогда "наружность" – это "пепельное телишко", это липкая земля: "Ах, земля прилипчива есть. Не вдруг можно вырвать ногу из клейких, плотских мнений" [2. С. 129]. Библейский образ праха превращается в грязь и болото, в гнилость; и вот уже Г.С. Сковорода спрашивает: "Не думаешь ли, что скверная гнилость составляет существо твое?" [2. С. 198], а обращаясь к собеседнику, может сказать: "Полно врать, непросвященная грязь!" [2. С. 169].

В текстах Г.С. Сковороды возникает множество словосочетаний, в которых слово *грязь* становится ключевым, не теряя при этом абстрактного значения: плотская *грязь*, дольняя *грязь*, *грязь* неверия, *грязные* уста, *грязь* земных дел; "Все вещество есть красная *грязь* и *грязная* краска и живописный порошок" [2. С. 347]; "Сидя в *грязи* и на нее надеясь, подобными ей и сами сделались" [2. С. 161]. Образ праха распространяется, и тогда человек – это "змий, ползающий (...) чревом, едящий во всем себе прах и землю свою" [2. С. 221]. Грязь притягивает понятия низа, темноты: "Как не *темновато* лежащему во *грязи* неверия!" [2. С. 347]. Тело человека, его "наружность", становится тогда тьмой.

Итак, "наружность" человека – это нечто дальше, это маска, тень, земля, грязь, тьма. Г.С. Сковорода не останавливается на этом списке метафорических значений и выстраивает новые ряды, обращаясь к "растительному" коду, явно опираясь на библейские образы.

То, что трава оказывается словом синонимичным со словом *плоть* – естественно. Такова библейская традиция. Но у Г.С. Сковороды трава не только сохнет и вянет: "Все тление человеческое что такое есть, если не солома и полова?" – спрашивает он. Трава "разрастается" и притягивает в круг растительного кода многие другие растения, в том числе, плоды, злаки, деревья. Так мир метафор и сравнений вводит "наружного" человека в мир природы, ибо вся "разновидная плоть, вся сия неизмеримая бесчисленность и видимость стекается в человеке и пожирается в человеке и как самое пространнейшее дерево, временностью обветшающее, и дряхлеющее, и

исчезающее, в своем семени, как в мельчайшей точке, с ветвями, листьями и плодами безопасно скрывается" [2. С. 201].

Одно из часто повторяющихся метафорических сравнений этого ряда: человек – колос. Философ предлагает внимательно рассматривать колос, сравнивая его с человеком. Взирая на него, можно познать человека, – считает Г.С. Сковорода. Увидев в колосе зерно, "взгляни на семя Авраамово да тут же и на твое" [2. С. 151]. Рассмотрев солому с половиною, человек по-другому увидит "траву тлений (...) плоти с пустым доселе цветом пепельных (...) рассуждений" [2. С. 151]. В колосе человек заметит и способное к росту, доселе невиданную.

Человек – это также "точный" орех, "съеденный по зерну своему червями" [2. С. 341]. Его жизнь развивается подобно ореху, "зерно жизни своей в пустом молочке зачинающему" [2. С. 363]. Его "наружность" и внутреннее, невидимое в нем постоянно коррелируются с ядром и кожурой ореха, что позволяет решительно отказаться от "наружности", окончательно лишить ее значимости: "Не тело, но душа есть человек, не корка, но зерно есть орех" [2. С. 363]. "Наружность" человека противопоставляется невидимому и внутреннему как дерево и корни. Взирая на яблоню, человек видит, как она возвышает сучья свои, множеством листов украшенных. Но он не видит ее корней, они скрыты от него в земле: "Ветви пред тобою молчанием вопиют, свидетельствуя о коренни своем, посылающем влагу и распространяющим их поверхность" [2. С. 220]. Человек – есть точная яблоня. Мифопоэтические сравнения усиливаются, расширяются, и вот уже человек – это "земля, поле и сад, но земля сия наполнена водою Божиею" [2. С. 190], а не просто трава или дерево. Он сливается с миром природы, становится подобен таящему льду, или луне, которая исчезает, а также мимотекущей реке. Так Г.С. Сковорода вводит тему изменчивости земляного человека.

Г.С. Сковорода, проникая в природу человека, прибегает к метафорам и сравнениям из мира животных. Он и скотина бессмысленная, и беззубая овца, и коза. Эти наименования цитируют библейские книги. Что примечательно, они часто символизируют отношения человека с Богом и не несут негативной оценки. Животное, "жвание отрывающее", например, означает человека, воспринимающего истину.

Есть еще один ряд метафорических определений "наружности" человека, менее распространенный. Внешний человек описывается как некое вместилище, например, как дом, хранилище: "А ты разве не дом? Одна ты земля и тьма?" [2. С. 195]. Человек сравнивается со старым мехом, надутым бездной мыслью непросвещенных. Он – и сосуд, наполненный ликером. Но если сосуд, т.е. тело, разобьется, исчезнет, то содержимое его, т.е. внутренний человек, не пропадет.

Различные типы мифопоэтических сравнений иногда сближаются и встречаются в одном высказывании: телесные болваны (или чучела) разнятся между собой, но как разные сосуды могут наполняться одним ликером, так и наши болваны могут скрывать одно, – утверждает Г.С. Сковорода. Все определения наружного, внешнего человека стекаются воедино, образуя своеобразные ряды, в которых Г.С. Сковорода подытоживает свои наблюдения над ним: "Всякая внешность есть трава, тень, ничто" [2. С. 139]; "Вид, лицо, плоть, идол есть то же и ничто же" [2. С. 124]. Так работает риторическая фигура перечисления. Человек не должен почитать тление, боготворить свой пепел – так он начинает поклоняться истуканам, приписывать им силу. Уход от невидимого и бестелесного делает людей язычниками.

Задача философа – что очевидно – заключалась не только в том, чтобы собрать как можно больше привычных и непривычных, заново построенных метафорических определений "наружного" человека, но и в том, чтобы объяснить сущность внешнего человека, выявить ее значения – очевидно, с помощью риторических фигур. Эта задача дополнялась противопоставлением внешнего человека внутреннему, которое вводилось в параметры времени и вечности: болваны умирают, а внутренний человек живет вечно; тень гибнет, истинный же человек вечен. Земляной человек – это спящий мертвец, а не живой человек, потому так к нему обращается философ: "Разбей сон глаз твоих" [2. С. 159].

Философ, работающий в мифопоэтической системе барокко, изменил бы себе, если бы представил только описанный выше вариант концепции человека. С ним соседствует, переключается и иной раз его опровергает еще один вариант, близкий к нему, но все же иначе разрабатывающий идею двойственности человека.

Два образа человека, внутреннего и внешнего, строятся на первый взгляд параллельно, но затем их параллельность оказывается мнимой. Такое построение усиливает оппозицию видимого/невидимого. Г.С. Сковорода заявляет, что существуют "человек и человек, язык и язык (...) старое и новое, истинное и пустое" [2. С. 168], что есть плоть тленная и нетленная, кость иссохшая и несокрушаемая, око темное и око светлое. Он утверждает, что в человеке наличествуют две натуры, скотская и божественная: "Есть в теле нашем две храмины: она перстная, вторая небесная, нерукотворная. Она погребена в храмине нашей земной" [2. С. 192]. Таким образом, у человека – два тела, но разных; одно из них – видимое; другое его в точности повторяющее – нет. Если человек не признает своей двойственности, не понимает великолепия находящегося в нем Царства Божия, то делается скотом. Человек должен не только знать о наличии двух тел, но и уметь их разделять, рассекать их единство пополам с тем, чтобы отсечь от себя все скотское. Он не должен влюбляться в видимую плоть, усматривать в ней "светлость и приятность, жизнь, красу и силу" [2. С. 141]. Отбрасывая все плотское в человеке как лишнее, незначительное, Г.С. Сковорода тем не менее возвращается к нему в своих сочинениях неоднократно. Но делает он это для того, чтобы лишний раз принизить все плотское, указать на беспомощность внешнего человека.

Сердце скотского человека называется пепельным – это определение отсылает читателя к понятию праха. Глаза скотского человека не видят, ноги не ходят, руки лишены осязания. Этими руками он может только осязать то, что "в тленных его очах мечтается" [2. С. 141]; "язык и уши такого же сложения" [2. С. 161]. Он не может услышать слово Божие, увидеть свет, если его нет в его очах. Иногда Г.С. Сковорода доходит до крайности и уверяет, что у человека вообще нет ни рук, ни ног, ни очей, ни ушей: "Я уже давно сказал, что у тебя всего нет" [2. С. 127]. Тогда он объявляет тело человека хвостом, на что обижаются его собеседники: "Да почему же мои члены хвостом зовешь?" [2. С. 128]. В этом случае исчезает параллелизм тела и тела, заданный в данном варианте концепции человека, и видимое парадоксальным образом оказывается невидимым. Это происходит потому, что все члены человеческого тела, оказывается, имеют в себе "сокрытые образы". Они имеют "закрытое существо", как "пшеничная солома содержится в своем зерне" [2. С. 142]. Прийдя к такому выводу, Г.С. Сковорода создает образ человека, у которого всего по паре, еще и еще раз используя барочный принцип отражения. Есть руки, закрытые в плотских руках: "Я, например, видел у меня руки, но мне и на ум не всходило, что в сих руках закрылись другие руки" [2. С. 144], – говорит один из участников диалога. Есть и ноги в видимых ногах, а также голова над головой, новое сердце над сердцем, глаза в глазах: "Земляной человек думает про себя, что понимает будто. Но мало ли младенец видит в потемках, а того не бывало? Но воссиявший свет все привидение уничтожает" [2. С. 154].

Как только Г.С. Сковорода доходит до слов – *видеть, око* и родственных с ними по значению, он стремительно включает их в свои рассуждения о двойственности человека, поручает им одну из центральных тем своей философии – внутреннего и внешнего зрения. Человек истинный, внутренний обладает внутренним зрением. Он смотрит на мир не теми глазами, которые суть очки нечувственные, а подлинным, незримым оком. Это око, в метафорической терминологии Г.С. Сковороды, является природным циркулем.

Члены человеческого тела и органы чувств занимают неравное положение и находятся в зависимости от сердца, чистого и вечного, стенами адамантовыми огражденного, противопоставленного старому, затверделому, земному, пепельному. Все внешние члены свидетельствуют о зерне своем, т.е. сердце, которое, правда,

может засмотреться на вещественное, почитать его, надеяться и тужить. Сердце – это главный человек, духовный, портрет богочеловека, тело же – "устричный череп". Сердце имеет глубину, которая может стать отрицательной величиной: "Не бездонная ли бездна сердце их?" [2. С. 143]. Все члены скрываются в нем, сердце есть – "голова внешностей твоих" [2. С. 136]. "Нога гордыни и рука, и рога грешных, и зубы, и уши, и око простое и лукавое – и все до последнего волоса спряталось в сердечной глубине" [2. С. 170]. Не всегда все бывает так просто. Образы параллельных органов тела разветвляются, причудливо распространяются, и тогда у сердца вырастает нога, означающая сердечную склонность.

Часто на место сердца ставится мысль. "А ты доселе не знаешь, что сердце есть мыслей бездна?" [2. С. 451]. Сердце, а следовательно, и мысль, управляется компасом и телескопом веры Божией. Без него человек – это пень, оно – его "глава и существо", и видит человека тот, кто способен увидеть его сердце. Такое положение сердца в концепции внутреннего и внешнего человека соответствует его значению "в мистике, в религии и в поэзии всех народов" [4]. Приписывание сердцу различных значений также не вырывается из общей традиции христианской мистической литературы. Порой они собираются воедино, и тогда сердце (вслед за пророком Иеремией) Г.С. Сковорода объявляет истинным человеком. Так постоянно расширяется и мгновенно сужается образ человека, равного сердцу.

Очень часто у Г.С. Сковороды сердце приравнивается душе, т.е. к "истому существу": "А что ж есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна?" [2. С. 341]. Душа – это эссенция, "зерно наше, и сила, в которой единственно состоит (природная) жизнь и живот наш" [2. С. 142], она – *perpetuum mobile – движимость непрерывная* [2. С. 350]. Душа беспрестанно движется к счастью, к Богу, и Царствие Божие озаряет душу подобно молнии. Она крылата, и крылья ее – это мысли, мнения, советы. У души есть срединная точка, где обитают мир и счастье. Душа не всегда совершенна, она бывает тощей и голодной. Тогда она приравнивается пеплу, а не хлебу истинному. Это душа, "поедающая и питье свое вне рая с плачем растворяющая" [2. С. 145].

Не раз Г.С. Сковорода ставит знак равенства между сердцем и мыслью: "Какой дух истинны, если не мысли невещественные и сердце чистое?" [2. С. 340]. Когда мысль главенствует над человеком, то она понукает его как обузданный скот. Тело человека тогда поработано мыслью, которая "рассуждает, советует, определение делает, понуждает" [2. С. 128]. Она становится нашим главным, точным человеком, его главой. У человека внешнего – мысль на наружных устах его. Его язык – древний, слепой; он – потоп и бездна: "Не худо называешь язык бездною" [2. С. 153]. Г.С. Сковорода постоянно предупреждает о том, что мысли подобны воздуху. Как и он, они не видимы, но от них возгорается пожар, бывает мятеж и сокрушение. Нет ничего страшнее темных мнений, слепых знаний и беснующихся разумений [2. С. 357].

Называет философ сердце и "главным" оком, тем самым подчеркивая свое отношение к материальному, тварному миру. Все члены человеческого тела – принципиально не различимы и однородны. Потому иногда язык, а не сердце, становится головою и все тело обращает: "Затем-то язык и головою называется, что за сим вождем все человеческое сердце идет" [2. С. 170]. Человек может разорить и умертвить свое сердце. В сердце он принимает веру, сердцем обнимает "того человека, который отцу вместо десницы и вместо силы его во веки веков" [2. С. 152].

Так как для философа не существовало запретов на низкое в его системе описания внутреннего и внешнего человека, то внешнее могло становиться метафорой внутреннего. Сердце именовалось здоровым желудком, "который самую грубейшую и твердейшую пищу в пользу варит" [2. С. 345]. Иногда сердце-желудок требовало лечения: "Принимай рвотное, очищай сердце, выблрой застарелые мнения и не возвращайся на блевотину" [2. С. 340].

Кроме того, концепт сердца – а оно характеризует и нрав человека – интерпретировался Г.С. Сковородой в эмблематических традициях. У людей, оказывается,

есть не только чистое и пепельное сердце. "Всяк есть то, чье сердце в нем: волчье сердце есть истинный волк, хотя лицо человечесь; сердце боброво есть бобр, хотя вид волчий; сердце вепрево есть вебрь, хотя вид бобров" [2. С. 124].

Внешний и внутренний человек не только отражаются один в другом, не только мнимо параллельны. Они способны к взаимодействию. Внешний человек не свободен в отличие от внутреннего, который стремится вырваться из тесных границ вещества и летает в высоту, в глубину, в широту беспредельно, провидит отдаленно [5]. Мотив не-свободы дополняется мотивом лжи и лицемерия, которые присущи внешнему человеку. Внешний человек – это содомский лживый человек, который описывается и с помощью образов из зоологионов: внешний человек "шевелится и красуется как обезьяна". Этому описанию помогают и обращения к античности. Совершенно уничтожая человека внешнего, Г.С. Сковорода приписывает ему следующие черты "римской цетерии". Его пороки нарастают, их становится все больше. Чтобы передать их "ужасность", Г.С. Сковорода обращается к эмблематическим образам: человек алчен, как пес; жаден, как водяная болезнь; лукав, как змей; ласков, как крокодил; постоянен, как море. Г.С. Сковорода оставляет человеку надежду, объясняя что под всей этой эмблематической шелухой таятся зерно, способное прорасти; дух, могущий подняться к "неосязаемому Кавказу".

Описывая несовершенство внешнего человека, Г.С. Сковорода часто прибегает к риторическим приемам проповеди, к арсеналу ее устойчивых образов. Переходя на язык проповеди, Г.С. Сковорода не только блистает знаниями риторики, эмблематики, но и выстраивает образ не столько внешнего, сколько "отрицательного" человека, будто приближаясь к жизни. В этой линии налицо влияние просветительской дидактической литературы. Человек в этой ипостаси наделен множеством недостатков, которые он может и должен исправить. У него не только раздвоенное сердце или два ока, одно из которых – "очки нечувственные", но он имеет разные нравы, которые в итоге его так характеризуют: "Дерево из плодов познается" [2. С. 81].

Такой человек не раздвоен и присутствует одновременно во внешнем и внутреннем мирах. Он, например, теряет много сил, стараясь "одеть и питать тело", в чем философ не видит особого греха – "В сем состоит жизнь телесная, и никто о сем труде каяться не должен, а без сего попадет в тяжчайшую горсть, в холод, жажду и болезнь" [2. С. 345]. Так исчезает концепция греховности, низости тела, тела как маски или одежды. Телесная жизнь попадает в поле зрения Г.С. Сковороды уже совсем с другими значениями по сравнению со значениями, выстраивающими концепцию внешнего человека, что подтверждают и следующие слова философа: "Здравие тела не что иное есть, как мир телесный, а мир сердечный есть живность и здравие души" [2. С. 363].

Забывая на время о доминантном противопоставлении внутреннего и внешнего, о телесной метафорике с абстрактными значениями, философ указывает на наличие в теле вредных мокрот. Но тут же сравнивает очищение организма с изгнанием из души вредных помышлений, подлых мирских мнений. Таким образом, мерцающие абстрактные значения разрушают реальность, подлинность человеческой жизни.

Несмотря на подобные вторжения во внешний мир человека, он не сдается на милость победителя и торопливо разнообразит свои постыдные действия. Есть человек алчущий, который сетует, болеет, негодует, ходит слякотный. Он не отличает светское добро от истинного добра. Про таких говорит философ: "Все боязлив, печален, несаты, отчаянные, лишенные небесного параклитового утешения" [2. С. 160]. Гораздо меньше таких, которые носят Господа в сердце своем. Алчущего человека, или "любопраха", ведут "похотения", они суть – его гробы. Его сжирают страсти, т.е. "моровой в душе воздух" [2. С. 121], и главнейшая из них – зависть. Она – есть центр пропасти, где мучится душа. Как видим, человек Г.С. Сковороды – относительно активен и самостоятелен. Его страсти направляю не соотнесены с силами зла. Эта соотнесенность только подразумевается. "Похотения" в реальном плане влекут человека к светской жизни, к светским делам, от которых нет никакой

пользы, а он тем не менее стремится овладеть всем миром: "Одно за другим пожирают, глотают и не насыщаются" [2. С. 143]. Так выглядит внешний человек во внешнем мире, забывший о том, что его внешняя жизнь должна соотноситься с внутренней.

К внешнему человеку, как и ко внутреннему, есть ряд требований, главное из которых сводится к следующему: внешний человек не должен иметь вид ложного алмаза или воровской монеты. Человек должен быть искренним и не носить лицемерные, превратные маски. В нем не должно быть ложных свидетельств. Выполнить это требование можно только, опираясь на человека внутреннего. Нравы внешнего человека, сформированные с его идеальным внутренним миром, дополняются в системе Г.С. Сковороды описанием его социальных функций. Человек должен быть усерден и верен государю, послушен градоначальнику, учтив к священникам, покорен родителям, благодарен учителям и благодетелям [2. С. 119], ср.: "Народ должен обладателям своим служить и кормить" [2. С. 83].

Человек не должен презирать сродную себе должность. Так формулируется одно из главных положений философа относительно внешней жизни человека. Каждый в идеале находит себе занятие по душе, по склонности. Без этого жизнь человека невысказана. Вредно, когда человек не слушает мать-природу, которая дает ему предназначение, или сродность, которой не следует противостоять. Сродность сама по себе мало что значит. Она утверждает трудолюбие, и никакой труд без трудности не полезен. Человек должен трудиться постоянно, "наука и привычка есть то же" [2. С. 85]. Человек, зная свою сродность, не должен стараться занять чужое место: "во сто раз блаженнее пастух, овец или свиней с природою пасущий, нежели священник, брань противу Бога имеющий" [2. С. 421]. Мало кто рожден стать философом или монахом, а многие к этому стремятся. Нельзя всходить на высокое звание, не чувствуя к этому сродности. Сродная должность – есть главное веселие в жизни, его источник. Счастье не привязано к одному какому-нибудь званию; если человек не зван высшим царством, то и звания у него нет: "А без сего звание не звание" [2. С. 421]. От сродности зависит жизненный путь человека, который не должен скучать в праздности, есть и пить вместо того, чтобы делать главное дело жизни. Это не значит, что свободное время не предусмотрено в концепции Г.С. Сковороды. В идеале человек каждый день и "делен и празден".

Человек вместо того, чтобы обнаружить сродную себе должность, порой скучает, тоскует, мучается среди изобилия, так как просит у Бога богатства, а не удовольствия, великолепного стола, а не вкуса, мягкой постели, да не просит сладкого сна; "не сердечного куража, чина, а не сладчайшей оной кесаря Тита забавы" [2. С. 420]. Тит считал каждый день прожитым зря, если он не помогал друзьям. Рассуждать подобным образом долго Г.С. Сковорода, естественно, не мог. Постоянно равнявшийся к высотам духа, поговорив о том, что человек должен делать в реальной, внешней жизни, он немедленно призывает его исполнять главную для всех должность – искать Царствие Божие. В этом "глава, свет и соль каждой частной должности" [2. С. 93]. Сопряжение главной должности и сродной обеспечивает счастье человека.

Г.С. Сковорода не изменил архаической концепции бедности и богатства и включил ее в свою философию человека. Богатство представляется ему опасным, ибо богачи каждый день могут "преобразоваться" в нищих. Барочная метаморфоза оказывается главным средством описания тщеты богатства. Барочная эмблематика лежит в основе утверждения о том, что жизнь богача подобна кораблекрушению, в отличие от жизни ремесленника, ибо ремесло – есть гавань для человека. Все желают серебра, власти, чести, из чего "родятся измены, бунты, похищения, падения государств и несчастий бездна" [2. С. 322], – утверждает Г.С. Сковорода, видя в стремлении к богатству основание для социальных перемен. Г.С. Сковорода неустанно объясняет, что богатство не наследуется, а наживается и проживается. "Самые беднейшие рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов" [2. С. 88.1].

Призывая жить в бедности, он следует христианской этике, убеждает читателя в том, что он должен любить нищету, подражая Господу: "Объемли уединение, люби нищету, целуй целомудрие, дружись с терпеливостью, водворись со смиреннем, ревнуй ко Господу вседержителю" [2. С. 260]. Кроме того, философ полагает, что бедность – это идеальное состояние, в котором нужно уметь пребывать: "Кто не любит хлопот, должен научиться жить в бедности" [2. С. 82]. Бедность и богатство не только разводятся по значениям. Они постоянно сближаются с тем, чтобы создать группы однородных антитез – способ, чрезвычайно распространенный в поэтике барокко. Так, выстраиваются противопоставления драгоценного венца и простой шапки, светлого платья и вретича и т.п. Богатство и бедность не конкретизированы, они представлены не как имущественное состояние человека, а как условные этические категории. Богатство и бедность условны, не приближены к жизни, они не принимают конкретных, повседневных очертаний, о чем свидетельствует следующий набор лексем: риза спасения, одежда веселья, златотканное платье. Хотя этот же набор говорит о том, что Г.С. Сковорода не отказывается от обращения к вещи-символу, раз предлагает прикрыть "телишко самую нищею одеждою и притом иметь сердце, в ризу спасения и одеждою веселья одетое, нежели носить златотканное платье и между тем таскать геенный огонь в душевном недре" [2. С. 344–345]. Так в действие входит такой компонент как вещь, которая, попав в текст, тут же теряет свои конкретные значения и становится символом внешней бедности и внутреннего богатства.

Бедность и богатство не влияют на счастье человека. Категория счастья – одна из основных в творчестве Г.С. Сковороды. Особенность ее интерпретации состоит в том, что философ сближает эту этическую категорию с христианской этикой, по делает это не сразу. Человек, довольствующийся малым и не тщающийся быть другим, уверенный в том, что "нищета мне есть приятель – давно с нею мы сваты" [2. С. 59] – счастлив. Эта концепция подтверждается античными примерами: "Больш спокойен домик малый, если в нужных сыт вещах", – так переводит Г.С. Сковорода Горация, которого называет "римским пророком" [2. С. 64]. Вводя категорию счастья, философ будто забывает о внешнем и внутреннем человеке, неустанно рассуждая о том, нужно ли стремиться к счастью и в чем оно состоит. Человек всегда ищет счастье и никак не может его найти. "Не привязал Бог счастья ни ко временам Авраамовым, ни к предкам Соломоновым, ни к царствованию Давидову, ни к наукам, ни к статьям, ни к природным дарованиям, ни к изобилию" [2. С. 324]. Его не нужно искать в чужих странах, или веках, "оное есть везде и всегда с нами, как рыба в воде" [2. С. 325].

Обнаружить счастье человек может, поверив, что счастье – не одинаково для всех: нельзя всем быть изобильными, пригожими, дюжими, нельзя всем вместиться во Францию и родиться в одном веке. Исполнение всех желаний человека необязательно ведет к счастью, напротив – оно приводит к пороку. В этом философу видится кривой путь к счастью. Человек должен знать, что счастье есть у всех: у больных и обездоленных, у "нескладным телом рожденных", а не только у богатых и удачливых. Конечно, счастливый человек может иметь высокий чин и быть богатым, но счастлив он не этим. Должность ему также не приносит счастья. Душа его становится несчастной, если вместо того, чтобы услужить, он обижает друзей и родственников, ближних и дальних, однородных и чужестранных. О каком счастье может идти речь, если он худо несет должность, так как у него нет ни старательности, ни неутомимого труда, нет охоты и усердия. Человек также должен понимать, что есть "родное" счастье, т.е. только ему нужное. "Родное счастье не в знатном чине, не в теле дарования, не в красной стране, не в славном веке, не в высоких науках, не в богатом изобилии" [2. С. 323]. Счастье это заключается в том, человек счастливо вступает с Богом в звание не по прихотям и не по чужим советам, а следуя тайному мановению святого духа. Так под пером философа преобразуется категория счастья, противопоставленного "несчастью". Оно описывается набором привычных антитез: "оно-то нас пленяет, представляя горькое сладким, а сладкое горьким" [2. С. 320]. Люди, сетует Г.С. Сковорода, не понимают своего счастья. Они мятутся, "сокровиществуют", но

не знают зачем. Истинный конец всем их затеям – радость сердца, а радость эту они обретут в Боге, о чем они забывают, ища путей к богатству и внешней радости.

Радость сердца вызывает к жизни не абстрактные рассуждения, а приближающиеся к реальной картины жизни, где все гоняются за чинами и званиями, чтобы их мнение "от почтения других восхищалось". Все боится лишиться прибыльного звания и беспокоится не о том, о чем нужно. Один жалеет, что не родился в знатном доме. Другой – что у него лицо не пригожее и воспитание не нежное. Еще один, будучи уверенный в том, что идет верным путем невинного жития, печалится, что богатые и знатные его хулят, "называя отчаянным, негодным, лицемером" [2. С. 343]. Какой-то человек чувствует в себе способность к услуге обществу, но не может продрасть к ней "за множеством кандидатов", "будто одни чиновные имеют случай быть добродетельными и будто услуга разнится от доброго дела" [2. С. 343]. Кто-то страшится своих седин, того, что начинает ослабевать тело, притупляются глаза и зубы. Он не в силах теперь танцевать, много есть и пить. Короче, никто не хочет "богомудро управлять внешнею, домашнею и внутреннею, душевною экономиею, то есть узнать себя и сделать порядок в сердце своем" [2. С. 343]. Все заняты ненужным, лишним. Вдобавок путаются в своих желаниях и мечтают соединить несоединимое. Кто-то желает быть знатным, иметь подчиненных, крепких, как россияне, и добродетельных, как древние римляне. Кто-то мечтает о доме, как в Венеции, и саде, как во Флоренции. Еще один желает быть разумным и ученым, благородным и богатым, за что его осмеивают друзья, называя его желания бестолковыми.

Люди выбирают друзей, "дабы от сообщения им своих мыслей иметь удовольствие" [2. С. 313]; гоняются за мимолетными удовольствиями: изобретают "разные напитки, кушанья, закуски для услаждения вкуса"; кручинятся, что не получили звания и места, которое поставило бы им стол, на который подавалось бы десять разных блюд – а теперь только шесть кушать изволят. Люди эти изыскивают "разные музыки", сочиняют "тму контратанцев для увеселения слуха" [2. С. 313]; вышивают шелками парчу, доставляют нежность телу благовонными спиртами, порошками, помадами и духами, особенно "знатные и достаток имеющие в свете персоны". Как видим, в списке преступлений против духа находится следование моде, гастрономической, музыкальной, парфюмерной. Человек, по мнению Г.С. Сковороды, не должен брести в след владеющей моды, как овца, а также "критиковать" других, "засматриваться на манеры мирские". Так Г.С. Сковорода дополняет рассуждения о внутреннем и внешнем человеке дидактическими положениями эпохи Просвещения, рисуя скупые портреты отрицательных персонажей, хорошо знакомых по литературе и театру XVIII в. Итоги всем своим нравоучениям философ подводит следующим образом: "Законное житие, твердый разум, великодушное и милосердное сердце есть то чистый звон почтенной персоны" [2. С. 344].

Человек, ищущий счастье, живет во времени, а не в вечности, потому философ выделяет в его жизни отдельные периоды, прежде всего отмечая детство, юность и старость. Уже в детстве человек пускает в свое сердце ехидну и гоняется за грубой видимостью. В старости же он охвачен бывает тоской, малодушием, задумчивой грустью, печалью и страхом. Так Г.С. Сковорода подходит к теме смерти, упрекая человека в том, что он возносит "умирающую мертвость и стареющуюся старость, и глеющуюся тлень" [2. С. 159], приписывает ей важность, "и силу, и бытие, и имя" [2. С. 149].

Смерть – есть бездуховная жизнь, жизнь без веры, "смешение в одно тленной и божественной натур" [2. С. 347], а не только реальная кончина. Много есть таких, о которых сказано: "мертв с мертвым твоим сердцем... Сидишь во тьме, лежишь в гробу" [2. С. 160]. Духовной смерти люди мало боятся, зато, когда плоть человека увядает, глеет, они плачут, понимая, что конец близок. Его скорбь бессмысленна. Человек ведет себя подобно младенцу, оплакивающему расколотый орех – когда-нибудь сей свет смертному телу оставлять надобно. Смерть в системе представлений о человеке противопоставляется жизни как плоть духу: "Что есть видимая плоть, если

не смерть?" [2. С. 148]. Это противопоставление подтверждается следующей сентенцией: не может существовать "лесть одна без правды, и злоба без благодати, и старость без юности, и тьма без света, и потоп без суши" [2. С. 159–160].

Итак, используя барочный принцип отражения и разветвленную цепь метафор Г.С. Сковорода создал образ раздвоенного человека, наделив его этическими категориями счастья, бедности и богатства. Он представил образ человека в экзистенциальных измерениях, трактуя тему смерти. Концепция человека выглядит незавершенной до тех пор, пока не выстраивается важнейшее противопоставление в системе взглядов Г.С. Сковороды: Бог – человек. Г.С. Сковорода прописывает его в подчиненном противопоставлении: человек – Библия. Построено оно очень сложно. Библия вобрала в себя всю правду о мире и человеке, и ее истина принадлежит каждому. Если ее узнаешь, один будешь с нею, – говорит Г.С. Сковорода, обращаясь к человеку. Так происходит слияние внутреннего человека со священным словом. Более того, сама Библия – есть человек, она подобна всякому человеку – утверждает он. Чтобы сблизить человека и Библию, философ описывает их отношения в терминах родства: если человек поймет себя, то будет мудрствовать в Священном Писании, которое ему есть брат.

Библия, кроме того, содержит все, что касается природы человека: "Библия ничего не говорит, что бы не касалось человека". Опираясь на это утверждение, сам философ любой библейский текст, символический образ, жест библейского героя пробует отнести к человеку – все приобщается, чтобы дать ему урок, втолковать основные понятия, без которых он не может ориентироваться в мире. Соответственно, конструируя образ человека, философ придает ему вечное движение по направлению к священному источнику, без которого он – ничто.

Беспрестанно общаясь с Библией, человек находит путь к Богу [6]. Человек должен ради своего благополучия "себя посвятить Богу, то есть отдать на искание и жвание точной истины" [2. С. 201]. Человек – это не только "новый зритель", который взирает на мир, сотворенный Богом. Он активно с ним взаимодействует. Бог и человек соотносятся по тому же принципу, что "наружный" и внутренний человек. Человек объявляется привидением, а Бог – образом и планом человека, истинным человеком. Бог – точное, новое, вечное тело человека. Как видим, в этом основном для всей концепции, противопоставлении Г.С. Сковорода использует те же лексемы, что и при противопоставлении внутреннего и внешнего человека. Человек, взаимодействуя с Богом, отражает его. "Его земная храмина" – слабая тень и вид "в рассуждении истинной, сопряженной во едину ипостась без слития естеств Божиего и тленного" [2. С. 162]. Отражение становится сопряжением: человек сопрягается с Богом в одно целое, если возлюбил его, который "одно с ним есть" [2. С. 162].

Оппозиция: Бог/человек постоянно наполняется новыми значениями. Г.С. Сковорода находит множество эмблематических оборотов, чтобы описать соотношение человека с Богом. Одно из них: человек – кит. "Чему вы, о киты, не ищите Ионы среди себя?" – задает философ риторический вопрос [2. С. 197]. Так он вводит известную ветхозаветную префигурацию Христа. Иона во чреве китовом знаменует Христа, три дня во гробе лежащего. Человек же немедленно становится китом, принимающим в себя Бога. Он вбирает в себя истинного человека, но не плотского кумира. Он – место для Бога, в нем таится закон Божий, сила Божия, слово Божие, глагол Божий, царство и власть Божии. В другом эпизоде китом становится сам Господь: "Один всесильный дух улавливает великого кита сего" [2. С. 383].

Отношения человека с Богом описываются и как отношения слуги и господина, царствующих вместе. Но главное состоит в том, что человек и Бог связаны вечным союзом любви: "Бог, Божие слово, к его слову любовь – все то же" [2. С. 119]. Человек без Бога – дикий и безобразный монстр, урод, зверек. Соотношение человек/Бог трансформируется в соотношение человека нового и человека ветхого. Г.С. Сковорода вспоминает Адама: "Сия обветшала фигура, конечно, образует того человека" [2. С. 380]. Сей болван, как и всякий человек, ведет за собой того, кто его создал:

"Хоть по образу, хоть вначале, да образует сень того единого мужа, какой есть начало и конец" [2. С. 380]. Адам, как и всякий человек – глиняный, земляной, способен в одном лице соединиться с небесным человеком. "Все роды от Адама до Христа образы и тени суть великие Божис, посему род Божий называется" [2. С. 380].

С тем чтобы приблизиться к Богу, принять его в себя, полюбить и служить ему, человек должен собрать свои мысли, "расточенные по пустыням светским, по честолюбию, по сребролюбию, по сластолюбию и войти внутрь себя" [2. С. 199]. Так начинается процесс самопознания, без которого человек никогда не достигнет Бога, не поймет мир и Священное Писание. Самопознание – счастье, пренужнейшее и прелюбезнейшее для всех. Самопознание по Г.С. Сковороде соотносимо с идеей совершенствования человека Я.А. Коменского. Человек должен стараться узнать себя. Как говорит Г.С. Сковорода – он должен найти человека. В этих словах кроется сопряжение человека и Господа. Познавая себя, человек познает нового человека, обнаруживая "внутри себя главный машины пункт – царствие Божие" [2. С. 415], в чем ему не поможет "ни хиромантик, ни анатомик"; к Богу он приближается, только обратившись к своему сердцу. Достичь его – не значит улететь за моря и леса, выше облаков. Для этого человек не должен переселяться во времени и пространстве, но "проникать в самый центр сердца нашего и души нашей" [2. С. 161]. Как только человек достигает самопознания, то мгновенно преображается и познает того, кто пребывает внутри него, т.е. отыскивает святое и божественное внутри себя. Процесс самопознания предполагает постоянную идентификацию внутреннего и внешнего человека. В процессе самопознания, человек заглядывает внутрь себя и узнает, что рука его – не рука, что это плоть наружная.

Замечательным образом Г.С. Сковорода описывает процесс самопознания в терминах античного мифа о Нарциссе. Нарцисс (Наркисс) взят из "обветшалого богословия"; именем этим нарицается, пишет Г.С. Сковорода, "некий цвет и некий юноша" [2. С. 122]. Как часто бывает в барочной литературе, этот миф трансформируется в образ всеобъединяющей божественной любви и самопознания. Г.С. Сковорода черпает из известного мифа мотивы совершенной внешней красоты, любви, к которой Нарцисс не был склонен, за что и понес наказание и, конечно, столь любимый его эпохой мотив отражения в незамутненном источнике [7]. Философ явно улавливает в античном мифе тему отражения и скрытого двойничества. Именно она ему нужна для создания образа нового Наркисса, который обретает себя истинного, смотря в чистые воды Библии. Образ Наркисса принимает и темы Преображения и Воскресения. Его Наркисс преобразуется во владыку всех тварей, в солнце. В библейных водах Наркисс видит в них разных Наркиссов, египетских и еврейских: свет, "Царя со славою", гавань апостола Петра, царя Давида, который, по мысли Г.С. Сковороды, приближается к истинному Наркиссу. Представляется ему в водах "Наркиссов амур", и "Софиина дочь", т.е. Премудрость Божия. Наркисс рвется и мечется, и "весь, как лед, истаяв, от самолюбного пламени, преображается в источник", т.е. приходит к Богу. Смерть античного Нарцисса используется в концепции самопознания – старый Наркисс преображается в нового. Наркисс у Г.С. Сковороды беспрестанно благовестит: "Узнай себя!" – что значит: уразуметь Бога и ничего не начинать без него в жизни своей. Без сего "наплюй на дела твои, сколько они ни хороши, ни славны" [2. С. 419]. Это мудрый Наркисс, но есть и буйные, которые бегают по околицам и не "амурятся" дома. Так топос пути, сплетенный с античным персонажем, создает цельную ситуацию с символическим значением познания самого себя.

Итак, в сочинениях Г.С. Сковороды гармонично построенная концепция человека в сопряжении с Богом и с миром, насыщается – как мы стремились показать – множеством мифопоэтических значений, что вводит ее в мир поэтики барокко и одновременно оставляет в пределах философско-религиозной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Избранные диалоги. М. 1965. С. 111.
2. Сковорода Г.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. 1973.
3. Лотман Ю.М. Об одном темном месте в письме Григория Сковороды // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 44, 1988, № 2.
4. Вышеславцев Б. Значение сердца в религии // Путь. 1925. № 1. С. 59.
5. Вайскопф М. Гоголь и Сковорода. Проблема: Внешний человек // Советское славяноведение, 1990, № 4.
6. Шаллер К. Универсализм Я.А. Коменского // Человек – культура – общество в концепции Яна Амоса Коменского. М. 1997. С. 68.
7. Мифологический словарь. М. 1991. С. 389.

В.Я. ПЕТРУХИН. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. 318 С.

Изданная на газетной бумаге и в популярной серии эта книга как будто рассчитана на широкого читателя, но, если воспользоваться калькой с английского, находится на самом остром лезвии исторической науки. Монография ставит труднейшую проблему российской историографии: создать обобщающую картину начальной истории Руси – и решает ее свежо и крупно. Если предшествующие усилия по созданию такой картины следовали стратегии экстенсивного собирания, то самую общую стратегию книги можно определить как интенсивный анализ данных, отобранных в результате пристальной источниковедческой критики и посредством четкого установления перспективы, которую определяет выбор фокуса исследования: в качестве предметного поля выделен этнокультурный генезис Руси/русси.

Проблемы методологии исторической реконструкции сложны и специфичны для разных периодов и зависят от характера источников. История не относится к числу строгих наук, и тем не менее она стремится быть наукой – отсюда свойственные ей парадоксы. Распространенной практике построения историографических повествований или общих картин путем эклектической подверстки представлений, отобранных из числа возможных на основе здравого смысла, противостоят строгие источниковедческие исследования, кото-

рые обычно кладутся на полку вспомогательных дисциплин и мало принимаются в расчет при выстраивании исторических повествований; сбалансированные же работы – великая редкость. Особенно сложно обстоит дело с начальным русским летописанием. Здесь наблюдается методологическое зияние. Подход к летописанию, разработанный в рамках сравнительно-текстологического метода А.А. Шахматова, успешного и незаменимого в деле реконструкции общей картины русского летописания и критики источников, испытывает непреодолимые трудности перед лицом начального летописания. В этом отношении он либо ведет к гипотезированию насчет более древних сводов в составе Повести временных лет (ПВЛ), либо подсказывает необходимость остановиться в недоумении в виду беспроектной гипотетичности этих реконструкций. В рамках данного подхода ригористическая тенденция выделять путем критики источников тексты наиболее близкие ко времени, о котором они повествуют, и различать в них "фактические" и "легендарные" сообщения оставляет немного от начального русского летописания. С такой позиции ПВЛ в значительной части относится к области легенд и дает мало данных, обладающих ценностью исторических фактов (см. по-смертно вышедшую книгу Я.С. Лурье [1]). С другой стороны, раздвигая рамки на-

чатого самим Шахматовым гипотезирования и с опорой на представление о том, что легенды могут рассматриваться как почтенные традиции, сокровища народной памяти (С.М. Соловьев), делаются допущения о несохранившихся древних письменных источниках, отраженных в легендах ("летопись Аскольда" у Б.А. Рыбакова), причем критика источников оказывается неуместной, легендарные сообщения проецируются на археологические карты, относящиеся ко временам, удаленным от письменных источников на тысячелетия, и хотя такие связи опираются лишь на самые поверхностные соображения типа "совпадения ареала", археология тут придает видимость научной обоснованности. Работа В.Я. Петрухина – как раз тот редкий случай, когда строгое источниковедческое исследование смыкается с многомерным междисциплинарным кругозором в уравновешенном единстве. Поэтому она заслуживает внимания не только своими результатами, но и своей методологией, своим концептуальным подходом, постановкой проблемы.

Этнокультурная история – понятие само по себе многозначное, но, кажется, в данном случае оно означает, что центр тяжести этнического генезиса мыслится лежащим в области культуры, точнее – в области этнического самосознания, и вполне ясно, что выбор этнокультурного аспекта формирования Древней Руси противопоставлен предшествующим подходам, с политико-экономической точки зрения. Очевидным основанием исследования является соединение историографических данных с ископаемыми материальными свидетельствами эпохи. Разнородные данные археологии поняты автором как свидетельства того, что на территории, на которой к XI в. сформировалось Древнерусское государство, происходил обширный этнический и культурный синтез, который обладает большой объясняющей силой для понимания своеобразия его продукта. Впрочем, данные археологии давно уже указывали в этом направлении и тем не менее не обязательно вели к подобным выводам. Поэтому можно догадаться, что подход, осуществленный в этой книге, имеет еще и неупомянутую предпосылку – евразийскую концепцию Руси, взятую в насколько это возможно неидеологическом смысле; во всяком случае этот подход с ней хорошо согласуется.

Совсем недавно, в период господства доктринерства, картина формирования Древнерусского государства получала

кажущуюся цельность путем сведения ее к закономерностям перехода от племенного к феодальному строю. Культурные особенности рассматривались лишь как местная окраска. По существу же, предыстория Руси распадалась на несвязные эпизоды и механически соседствующие аспекты. Тут нужен был новый путь концептуализации, и автор рецензируемой книги счастливо нашел его. Это большая удача – выбор точки зрения позволил В.Я. Петрухину впервые построить внутренне цельную картину формирования Руси именно в качестве *Руси/руси*, государства и этноса, позволяющую разместить все многоцветие исходных тонов в осмысленной конфигурации.

Ключевые понятия, позволяющие автору создать осмысленную и цельную картину этногенеза, это *самосознание* и *синтез*. Они, по-видимому, относятся к универсалиям истории. Этнос не может быть определен объективными критериями, единственный определитель – самосознание народа. Различные части единого народа могут иметь существенные религиозные, языковые и бытовые различия, не говоря уже об экономико-политических, и тем не менее считать себя принадлежащими единому народу. Но если часть народа не согласна считать себя таковой, то любого, политического или религиозного, различия довольно, чтобы стать почвой для возникновения и других, в том числе и языковых различий, которые ведут к этнической дифференциации. Сегодня мы являемся свидетелями множества подобных процессов внутри казалось бы сложившихся этносов. Сегодняшним процессам этнической дифференциации в иные периоды истории соответствовали процессы синтеза.

В этом отношении В.Я. Петрухин идет дальше очевидного. В его реконструкции *русь/Русь* формируется не только в результате расселения и племенной дифференциации славянства и не только в результате синтеза различных этнических субстратов на территории, освоенной восточными славянами, но и прежде всего – в результате культурного синтеза влияний, сильнейшие из которых приходят из сопредельных территорий. При этом он особое значение придает геополитически противопоставленным культурным силам, какowymi для формирующейся Руси были в первую очередь скандинавы, хазары и византийцы. Он подчеркивает, что выбор той или иной ориентации может затенить,

но не обязательно исключить тот элемент, который был номинально отвергнут. Такую ситуацию он находит в X в., когда возобладал союз скандинавско-государственной и византийско-религиозной культур над иудео-хазарской. Исследование синтеза задает в глазах автора параметры того поля, в котором конституируется этнос.

В центре внимания реконструируемого Петрухиным процесса находится формирование самосознания становящегося народа, в самом фокусе – этноним *русь*. С этим связана наиболее оригинальная сторона его исследования. Собственно, книгу можно было бы определить как историю имени *русь* в широко реконструированном контексте. Речь идет не только о происхождении этого слова, но и об истории его вхождения в обиход и изменений его значения в сознании народа, *в конце этого процесса* избравшего его своим именем. В этом отношении книга идет по следам ряда совместных работ Е.А. Мельниковой и А.Я. Петрухина, появившихся за последние десять лет. В качестве российских скандинавистов эти авторы использовали свое преимущество – видеть ситуацию на пересечении взглядов изнутри и извне; точка пересечения при этом как раз падает на этноним *русь*. Такое двойное зрение стало важной стратегией и в рецензируемой книге.

Наконец, еще одна крупная методологическая особенность книги лежит в области отношения автора к летописному материалу. Во-первых, летопись является его главной опорой. Во-вторых, отношение В.Я. Петрухина к летописи имеет источниковедческий характер. В отличие от широко распространенного обычая вычленивать из в общем довольно легендарного материала начального летописания то, что историку кажется рациональным, и прямо проецировать на данные археологии, автор данной книги идет по другому пути: он стремится выяснить письменные источники, из которых летописец черпал свою картину мира и, определив характер источника, установить, о чем свидетельствуют поправки, внесенные летописцем. Выход из обычного здесь тупика он нашел в том, что обратился не к гипотетическим источникам – предполагаемым более древним сводам, а к наличным экзогенным источникам. В-третьих, автор читает летописные тексты с большим текстологическим искусством и чутьем.

Начав с первых достоверных фактов о

славянах в VI–VII вв. и последующего их расселения из придунайских земель, В.Я. Петрухин указывает на сохранившееся значение Дуная и дунайскую ориентацию, сохранившуюся в ПВЛ и фольклоре. Это обстоятельство дает типологическую характеристику исходной космографической картине начальной летописи. Задачей пристального анализа становится выяснение значения этника *русь* в контексте картины расселения народов после потопа, который начинается ПВЛ. Перечень народов здесь в общем следует библейской парадигме – генеалогии, идущей от сыновей Ноя, но значительно отличается как от собственно библейской таблицы, так и от хроники Амартола, где нет ни славян, ни Руси. В этой связи В.Я. Петрухин делает важное открытие: наиболее вероятным источником космографии ПВЛ был еврейский хронограф X в., так называемая книга "Иосиппон" (введена в обиход исследований начального русского летописания Г.М. Барацем и повторно Н.А. Мещерским), которая пополнила библейскую картину расселения народов новейшими данными, в том числе почерпнутыми из каких-то славянских источников IX в. Он приводит перевод соответствующего сегмента "Иосиппона" и дает его сопоставительный анализ с ПВЛ. "Иосиппон" включает список славянских племен и упоминает *русь*, подобно ПВЛ, дважды: между саксами и англами (в ПВЛ – между готами и англами) и в связи с рекой Кива (= Киев; в ПВЛ – в связи с полянами на Днепре). Не менее, чем сходства, важны здесь различия. Интерпретация отличий картины народов в "Иосиппоне" по сравнению с Ветхим заветом и в ПВЛ по сравнению с "Иосиппоном", а также особенностей некоторых других средневековых космографий осуществляется В.Я. Петрухиным на основе важного принципа, согласно которому суть работы средневекового книжника состоит в соотнесении реальных данных с сакральной традицией, а точнее было бы сказать – во вписывании первых в последнюю. Если генетический аспект библейской картины народов перестраивался путем пополнения и перераспределения, то ее космографический аспект изменяется и в зависимости от точки зрения, которая стремится быть эгоцентрической и поэтому каждый раз впадает в трудно разрешимый конфликт с точкой зрения предшественника в данной традиции. Тут важна реконструкция точки зрения данного источника и ее отношения к точке зрения его собственного источника.

В итоге реконструируется переориентация, которая является свидетельством нового этнического сознания. Такой подход радикально отличается от все еще преобладающей тенденции так называемой исторической школы XIX в. соотносить легендарные данные напрямую с известными историческими фактами или тем, что он считает ими. Подход автора представляется методологически безупречным.

Что касается этнонима *русь*, то Петрухин задается целью выделить его реальное историческое начало из среды его легендарных употреблений, которые начинаются с ошибочной передачи понятия *верховный князь (наси рош)* из книги Иезекииля (38:2, 39:1) в Септуагинте как *архонт Рос*, народ которого находится на краю ойкумены, на севере, рядом с народом Гог и землей Магог, по соседству с народами-монстрами в рамках эсхатологической картины мира. Отсюда начался ряд легендарных отождествлений, в число которых попала и *русь*. Реальное историческое начало этнонима *русь* Петрухин относит к названию дружины варяжских князей, которая состояла из воинов-гребцов, откуда, по его и Е.А. Мельниковой мнению, идет наименование: *русь* ← *гоѣс* = 'гребец'. Нужно заметить, что вышедшая в 1996 г. в Осло книга Håkon Stang "The Naming of Russia", рассматривающая этноним *русь* в более обширном культурном контексте, при совпадении основных культурологических установок с теми, что приняты в рецензируемой книге, все же отклоняет этимологию, разделяемую В.Я. Петрухиным и приходит к другим выводам. Представляется, однако, что общая концепция Петрухина в любом случае остается вне опасности, хотя решение данного частного вопроса остается проблематичным.

Тонкий сопоставительный анализ контекстов первых упоминаний имени *русь* в ПВЛ приводит Петрухина к выводу, что оно меняло свое содержание, что его становление в качестве этнонима проходило в изменяющемся поле пересекающегося государственного и этнического самосознания. В общих чертах реконструкция такова. Первый контекст, в котором летописец употребляет имя *русь*, возникает в связи с его задачей указать происхождение руси – он помещает ее среди неславянских народов, имея в виду пришельцев-варягов. Название дружины варяжских князей в начале X в. переносится на весь правящий класс и получает государственное значение. Ко

времени создания ПВЛ это имя относится уже к государственному образованию на киевско-полянской основе и в этом значении противопоставляется словам Новгорода. В эту пору имя *варяг* применяется уже только к новым пришлым княжеским наемникам. Наконец, христианизация завершает образование того этнического единства, которое осознает себя в конце концов как *русь/Русь*.

Таков основной сюжет книги. Ему посвящены три первые из восьми глав. Остальные главы добавляют исследования, распадающиеся на две группы. Первая – это анализ сюжетов начального летописания, посвященных переходу экзогенного влияния варягов и хазар в эндогенные факторы, подробному рассмотрению сообщения летописи о призвании варягов, соотношению истории и легенды в рассказах о первых князьях, конфликту племенного и государственного права. Во многом свежее чтение летописей в рамках намеченной им концептуальной перспективы ведет автора к ряду интересных наблюдений и чтений. Особенно ценны текстологические наблюдения о соотношении ПВЛ и НЛЛ мл. изв. с гипотетическим Начальным сводом, которые расходятся с наблюдениями Шахматова о том, что Начальный свод последовательно лучше сохранился в НЛЛ. Показательно для состояния этой проблемы, что понадобился концептуально свежий взгляд, чтобы сдвинуть ее с довольно уже давно мертвой точки. Вторая группа очерков посвящена анализу археологических данных – в той мере, в какой они позволяют осветить начальную историю городов (проблема городов и погостов) и древнейшего русского искусства (в связи с тюрко-иранской традицией), характер погребальных обрядов языческих славян в свете германских и балтийских параллелей и проблему их свидетельства о переходе к христианству. В обзорах археологических данных у нашего автора преобладает тенденция осторожного фокусирования проблематики, что выгодно отличает их как от интерпретаций, не имеющих концептуального контекста, так и от концептуальных фантазий, не имеющих достаточного основания.

Можно не соглашаться с мнениями и выводами В.Я. Петрухина по частным вопросам, но останавливаться на этом не хочется ввиду несомненной большой удаче – построения методологически осознанного и счастливо выбранного многомерного культуроцентрического подхода к

проблеме этногенеза руси. Проблема таким образом выведена на новый уровень по сравнению с предшествующими усилиями в том же направлении.

© 1998 г. Сендерович С.Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

Славяноведение, № 2

S. FRANKLIN, J. SHEPARD. *The Emergence of Rus. 750–1200*. L.–N.Y., 1996. 450 P., с картами и таблицами

С. ФРАНКЛИН, Дж. ШЕПАРД. *Становление Руси. 750–1200 годы*

В восьмитомной "Истории России", подготовленной издательством "Лонгман", рецензируемая книга представляет собой первый том, хотя почти все другие тома уже вышли – в том числе второй – "Кризис средневековой Руси. 1200–1304", написанный Дж. Феннелом еще в 1983 г. (русский перевод 1989 г.). Этим определяется и верхняя хронологическая граница новой книги двух английских историков (1200 г.), формально включающей не весь домонгольский период истории Руси, но существенно относящийся, естественно, ко всему этому периоду. Авторы отмечают отсутствие обобщающих работ по этому периоду в новейшей историографии (заметим, что работа их предшественника О. Прицака о происхождении Руси встретила суровую критику и даже не упоминается авторами в библиографии), и хотя одновременно с английской книгой появились новые работы отечественных историков [1–3], С. Франклин и Дж. Шепард должны были сочетать в своей книге и изложение "общественных" фактов, и анализ источников.

Анализ источников в современной историографии все более прочно основывается на "комплексном" методе, и историки древней Руси уже не обходятся без данных археологии, нумизматики и других дисциплин – это в полной мере относится и к нашим английским коллегам. Но комплексный анализ создает дополнительные методические сложности и одновременно "соблазны", особенно тогда, когда археология "соответствует" или, наоборот, противоречит данным письменных источников, и

историк на этом основании делает заключение о недостоверности или достоверности тех или иных известий. Эти сложности и требуют обсуждения, на них и хотелось бы обратить внимание.

На сопоставлении письменных источников с обстоятельно анализируемыми данными археологии и нумизматики основаны первые три главы книги. Неслучайна и нетрадиционная для историографии начальная дата – 750 г.: так датируются первые археологические комплексы из Старой Ладogi, оставленные выходцами из Скандинавии, которых славяне и называли *русью*. Представляются вполне очевидными и цели, которые преследовали в Восточной Европе (как и повсюду) скандинавы эпохи викингов – стремление к обогащению. Первая глава называется "Искатели серебра с Севера": действительно, скандинавы, называемые *ар-рус* восточными авторами, с IX в. участвуют в меховой торговле и распределении восточного серебра, которое при их посредстве по рекам Восточной Европы достигает Балтики. Тогда же формируется и государственная организация, возглавляет которую хакан руси. Древнейшее свидетельство об этом содержит известие Бертинских анналов, впервые под 839 г. упоминающих "народ рос", который именует своего правителя хаканом. Центром этой организации и резиденцией хакана авторы считают не Ладogu, а новгородское Городище – там с середины X в. была традиционная резиденция русских князей, а скандинавское название Новгорода – Хольмгард, "Островной город" – напоми-

нает об "острове русов" и их хакане у Ибн Русте, писавшем в начале X в. (Р. 38–41). Авторы осознают гипотетичность избранной резиденции "хакана" уже потому, что на Городище нет слоев времени Бертинских анналов – самые ранние комплексы могут датироваться 850-ми годами. Если же продолжать поиски археологических соответствий данным письменных источников, то любопытно, что обряд погребения в камере, описанный Ибн Русте, практически не известен на Руси в IX в., зато характерен для главного центра Швеции в эпоху викингов – Бирки, расположенной как раз на острове. Едва ли поиски некоего реального "каганата" на "острове русов" можно считать перспективными – не только сам "остров" может принадлежать к традиционным конструктам средневековой географии (наподобие "острова Туле" или библейских "островов народов"), но и титул *хакан* был скорее демонстрацией претензий руси на ту власть, которой обладал в Восточной Европе хазарский каган, чем признанной в международной практике "реалией" формирующегося русского государства.

Дальнейшее построение исследователей строится, однако, на гипотезе о каганате с центром на Городище: оттуда, а не из Киева, предпринимается поход на Царьград 860 г. Летописные данные о походе Аскольда и Дира из Киева, по мнению авторов, – анахронизм, данные археологии о Киеве в середине IX в. также практически отсутствуют. "Противоречивые" известия летописи о призвании варяжских князей не анализируются в книге, что и естественно – ведь государство руси уже существовало, в соответствии с авторской концепцией, за три десятилетия до летописного призвания варягов в 862 г. "Обращение к югу", с Волжского пути на Днепровский, произошло около 900 г., так как пользоваться Волжским путем становилось все сложнее из-за препон, чинимых хазарами и волжскими болгарами. Правда, Киев в это время также находился под властью хазар – здесь авторы следуют построениям О. Прицака в его комментариях к письму киевской еврейско-хазарской общины X в. (см. русский перевод с комментариями рецензента [4]), но археологические памятники и в Верхнем (Гнездово), и в Среднем Поднепровье – сам Киев и Шестовицы – свидетельствуют о проникновении туда руси около 900 г. Авторы не считают возможным опираться на данные летописи, так как летописная хронология неточна, поход Олега на Царь-

град, описанный летописцем под 907 г., не упомянут другими источниками, а его имя могло быть вставлено в текст договора с греками 911 г. при включении договора в "Повесть временных лет": ведь из кембриджского документа известно, что Олег-Хелгу ходил на греков в царствование Романа Лакапина, т.е. после 920 г. Степень единства руси и отношения между ее группами, осевшими в Верхнем Поволжье, Верхнем и Среднем Поднепровье также неясны (Р. 91 и сл.). Во всяком случае для руси, утвердившейся на Днестре около 920 г. – так в соответствии с Новгородской Первой летописью датируется правление Олега (начало правления Игоря авторы относят к 930-м годам) – оставалась альтернатива: "создать свою организацию или погибнуть" (Р. 112 и сл.). Государственная организация руси была создана, как об этом свидетельствует Константин Багрянородный и данные археологии о расцвете городов с 930-х годов и распространении камерных гробниц русской дружины: эта организация была ориентирована на торговлю по пути из "варяг в греки". Русское государство пережило смерть Игоря, поражение Святослава и укрепилось при Владимире, который осуществил христианизацию, затронувшую лишь главные центры Руси. Так, в самом конспективном изложении, описывают авторы главные тенденции начальной русской истории – "истокам и торговым путям" посвящена первая часть книги.

Это описание соответствует характерным тенденциям новейшей историографии: в археологии доминантой развития Руси – прежде всего, русских городов – в IX–X вв. считается "внешняя" торговля, историки же стремятся опереться на "более достоверные" источники, чем "противоречивые" данные Начальной летописи. При этом исследователи, замороженные потоками монетного серебра, действительно "текущего" по рекам Восточной Европы в IX–X вв., отвлекаются от проблемы той базы, без которой невозможна была международная торговля: купцам, снаряжающимся в торговую поездку, нужно было не только кормиться во время подготовки и в пути – нужно было добывать у местных племен товар – меха – и добывать его не военными набегами – такой способ добычи не мог обеспечить регулярную торговлю, а взиманием дани, по договору, "ряду". Собственно, такой "ряд" о кормлении в восточнославянских городах и описывает легенда о призвании варягов, на сеть городов опирается и "кормящаяся" русская

дружина – в середине X в., да и ранее скандинавское название Русской земли – Гарды – очевидно относятся к такой сети городов. Хольмгард оказывается не "островным поселением", а частью городской сети, где может кормиться русь: к этой сети, по договору 911 г., подключается и сам Константинополь – едва ли у нас есть основания вопреки летописи исключать из этой сети Киев (эти три пункта на пути из "варяг в греки" скандинавы также именовали "гардами"). Авторы справедливо отмечают особую роль сарского городища – центра летописной меры – для начального периода русской истории: меря, наряду со словенами и кривичами, платила дань руси Рюрика, а затем и Олега. Предполагалось даже, что эти племена составляли некую "конфедерацию" на севере Восточной Европы, подобно тому объединению славянских племен, что платило дань хазарам в Среднем Поднепровье. Археология действительно подтверждает ранние связи этих племен, которые обнаруживаются по находкам скандинавских вещей на севере и хазарских – на юге. Но очевидно, что эти установившиеся в IX в. связи оставались актуальными вплоть до XI в.: в Среднем Поднепровье сложился великокняжеский домен, а претензии Всеслава Полоцкого на Псков и Новгород (ср. Р. 251) нельзя считать случайными – Полоцк и Псков были городами кривичей, а Новгород – словен.

Данные нумизматики в целом не противоречат летописным – регулярным приток восточной монеты становится с 860-х годов, времени "призвания варягов"; даже кризис в поступлении восточного серебра относится к последней четверти IX в., когда по летописи, Олег перемещается в Киев и присваивает хазарскую дань. Это перемещение также сопровождается установлением даннических отношений со славянами – это не просто поиск обходных путей к мировым рынкам. Наконец, и договор 911 г. едва ли мог быть заключен без похода или, во всяком случае, без демонстрации силы: слишком большие льготы получает русь в Царьграде. Неслучайно летописец перечисляет среди участников похода почти все известные ему племена Восточной Европы: для успешного похода на Византию действительно необходимо было сосредоточить все силы складывающегося Русского государства. И здесь было бы опрометчиво игнорировать данные летописи – известия об организации походов Олега (и Игоря) соответствуют сведениям Константина Багрянород-

ного о методах сбора однодеревки для экспедиции в Византию и не могли быть просто вымышленны летописцем.

Построения, которые исключают Киев из истории Руси до 20-х и даже 30-х годов X в., основываются на интерпретации данных письма, отправленного хазарскими евреями из Киева в X в. (судя по данным палеографии, проанализированным Н. Голбом) и имеющего "резюмирующую", написанную хазарскими рунами. Из этого делаются далеко идущие выводы о власти хазар над Киевом в момент написания письма, но выводы эти никак не согласуются с содержанием самого документа: в письме говорится о еврее – члене киевской общины, попавшем в долговую кабалу к иноверцам (стало быть, не хазарам), и нет никаких свидетельств того, что виза хазарского чиновника была поставлена в самом городе, а не собственно в Хазарии. Второй, также еврейский документ, провоцирующий исследователей на пересмотр летописной истории – так называемый Кембриджский аноним, свидетельствующий о походе некоего "царя" (*мелек*) Руси по имени Хлгу на Византию (царствование Романа Лакапина, т.е. после 920 г. Этот Хлгу легко отождествляется с Олегом Вещим, а дата его похода "совмещается" с датой Новгородской летописи, хотя там, как и в Повести временных лет, поход рисуется победным, а в кембриджском документе Хлгу терпит поражение и погибает где-то за морем (в Персии?). Можно было бы углубиться в проблему летописных датировок и показать (вслед за А.А. Шахматовым), что даты Новгородской летописи еще менее достоверны, чем даты Повести временных лет, но дело здесь, кажется, в ином. В соответствии с текстом договора Олега 911 г. власть на Руси принадлежала нескольким князьям – в договоре 944 г. среди доверителей также перечислены члены княжеской "фамилии" – княжеского рода. Таким образом, начиная с легендарных братьев – призванных варяжских князей – власть на Руси принадлежит всему княжескому роду. Имя Олег (как и имя Игорь – ср. упоминание "Игоря, племянника Игорева" в договоре 944 г.) относилось к традиционным княжеским именам, так что дружину руси, воевавшую во владениях Хазарии, а потом в Византии вел, скорее всего, очередной князь, носивший это традиционное имя и правивший не в Киеве (где и в XII в. хорошо была известна могила Вещего Олега), а в другом центре Руси. Начальная летопись, упоминающая лишь киевских

князей, тем не менее остается основным источником по начальной русской истории.

Вторая часть книги, посвященная собственно Киевской Руси – от вокняжения Ярослава Мудрого до начала раздробленности (в 1130-х годах), – в большей мере ориентирована на изложение исторических событий в освещении разных источников, чем на исторические реконструкции. Проблемы, с которыми столкнулся победивший в борьбе за киевский стол Ярослав, стали традиционными для всего домонгольского периода русской истории: авторы специально обращают внимание на то, как Ярослав должен был "разрываться" между Киевом и Новгородом – на первый мог претендовать Мстислав, обосновавшийся в Чернигове, на второй – полоцкие князья (Р. 187). Возведенное в годы правления Ярослава здание, точнее, по формулировке авторов, – "фасад" Киевской Руси, где Киев должен был являть собой "Константинополь на Днепре", князь воплощал право (Закон, "Русскую правду"), а христианская вера и церковь – Благодать, не было прочным. Дело было не только в княжеских распрях: светское и церковное законодательство пользовалось разными "языками": не только в формальном (древнерусский и церковнославянский), но и в "культурном" смысле (Р. 220: близкую концепцию развития русского средневекового права предложил В.М. Живов: [5]; русская церковь оставалась "миссионерской в языческой стране" (Р. 230) и зависела от пожертвований со стороны светских властей (десятина); в восприятии русской книжностью византийской культуры существовала лакуна – отсутствовало античное наследие: "Русь не читала "Илиады" ни по-гречески, ни по-славянски" (Р. 240). И вместе с тем культурный "синтез" скандинавских, славянских и греческих компонентов был осуществлен в эпоху Ярослава – были обозначены "параметры коллективной идентичности Руси" (Р. 244).

Археология в меньшей мере привлекает авторов в этом разделе, но ее данные значат для понимания эпохи Ярослава не меньше, чем для предшествующего периода. В XI в. формируется общерусская городская культура – на смену Гнездову, Шестовице и другим пунктам ремесла, торговли и сбора дани приходят настоящие города с усадебной застройкой, развитыми ремеслами и т.п. Сеть этих городов и придавала прочность Русскому государству и единство его культуре даже тогда, когда

эти города оказывались под властью враждующих князей; ср. приводимый авторами текст новгородской берестяной грамоты начала XII в., где некий Гюргий советует родителям продать дом в Новгороде и переселиться в Смоленск или Киев (Р. 283). Неслучайно Софийские соборы возводятся в Киеве, Новгороде и Полоцке – Русь использует единый культурный образец. Данные археологии ставят под сомнение и еще одно ставшее общим местом историографии утверждение – об изначальной "поверхностности" процесса христианизации. Можно спорить о том, отличались ли магия и календарные обычаи славян в XI и XIX вв., но очевидно, что после крещения Руси на Рубеже X и XI вв. происходят коренные перемены в погребальном обряде – традиционную для славян-язычников кремацию сменяет ингумация. Такая перемена, очевидно, свидетельствует о вмешательстве властей – дым погребального костра был для них сигналом об отправлении языческих культов. Отметим, что и "миссионерами", по летописи, оказывались представители светской власти – едва ли не главным среди них был воевода Янь Вышатич, подавивший восстание волхвов. Но описываемый авторами процесс дальнейшей христианизации погребального обряда – появление могильных ям, исчезновение курганов (сначала в городах) явно отражает эволюцию верований, ненасильственное внедрение христианских эсхатологических идей. Можно определенно сказать (вслед за Иларионом), что начальное русское христианство – единая христианская государственная культура – стала основой этнического единства "нового" русского народа в XI в.

Тем не менее, вскрываемые авторами противоречия в развитии русской культуры, конечно, оставались существенными, и не только для эпохи Ярослава. "Квазиимперское" строение Ярослава не было основано на прочном фундаменте квазиимперской политики, его завещание делило Русскую землю между братьями по старшинству, терминология родства в отношениях между князьями – потомками Ярослава – доминирует (в летописных текстах) над политическими претензиями (Р. 247). Соответственно, эти отношения были близки к хаотическим. Сложными были отношения и с городами, к требованиям которых должен был постоянно "подстраиваться" князь (Р. 288). Незразвитой оставалась социальная иерархия внутри правящей элиты – князь так и "сидит" со своей дружиной, как в старые времена (Р. 290).

Картина княжеских отношений дополняется в книге экскурсами, посвященными быту горожан, монастырей, положению женщин (весьма незавидному, особенно в писаниях древнерусских авторов-монахов). В целом ориентированная на Византию культура Руси второй половины XI–начала XII в., по словам авторов, "становится местной" (going native): "Поучение" Мономаха с его проповедью подвижной деятельности противопоставляется византийским статичным образцам правителя; отсутствие специального интереса к риторике, свойственного "псевдо-интеллектуализму византийских снобов", позволяло приспосабливать образцы византийской культуры к собственным нуждам. Можно усомниться в заключении авторов, что это придавало гибкости древнерусской культуре и, в частности, давало возможность для более "экуменического" отношения к латинянам (Р. 316) – слишком уж суровой (на грани религиозных наветов) была полемика с латинской верой. Но безусловно, что главное произведение этого периода – Повесть временных лет – воплощает тот культурный синтез, который был характерен для Руси, и подчиняет гетерогенные источники единой задаче – созданию русской истории (ср. Р. 317 и сл.) как части истории всемирной.

Третьей части книги дано характерное заглавие – "Подъем регионов" (1130–1170-е годы). Этот процесс авторы увязывают с ростом сети городов, торговых путей и колонизационных потоков, в том числе в Верхнем Поволжье (отметим сразу, что древнерусская колонизация там началась значительно ранее, в X в. – ее форпостами после Тимерева и других центров IX–X вв. стали Ростов и Суздаль). Города призывали князей и изгоняли их – это, даже события 1136 г. в Новгороде, было частью "интеррегиональной политики" (Р. 344). Новгород, как отчасти и Киев, оказался в зоне "династического вакуума", там не было своих династий, не было законных престолонаследников. После 1173 г. на Киев претендовали уже только князья южной Руси и Смоленска, на Новгород – князья Северо-Восточной Руси (Р. 351). Андрей Боголюбский проводил не только собственную государственную политику – он стремился и к самостоятельности церковной организации своей Владимиро-Суздальской земли (Р. 363). Главной тенденцией исторического процесса в XII в. была внутренняя интеграция регионов: значение литературных призывов к единению князей ("Слово о полку Игореве") оценивалось

обычно с позиций перспективы, грядущего монголо-татарского нашествия. С точки зрения ретроспекции Русь не несла никаких реальных потерь от внутренней интеграции регионов – ведь до XII в., в эпоху единства Руси, могучих князей во Владимире и Галиче вообще не существовало (Р. 368–369). Вместе с тем осознание единства – общего родства, славянского языка, единства православной веры и даже княжеской династии (имеющей множество ветвей) – существовало на Руси и в этот период (Р. 371).

Таковы – в самом конспективном изложении – главные установки книги о становлении Руси. Естественно, что со многими конкретными утверждениями авторов можно было бы спорить, и многое можно было бы уточнить. В частности, неверно утверждение о том, что христианизаторская деятельность Ольги не оставила археологических следов (Р. 139) – погребения первых христиан – в том числе знатных дам – и в Киеве, и в Гнездове относятся как раз к середине–третьей четверти X в. Можно сожалеть и о том, что не все собственные изыскания авторов нашли достаточное отражение в книге. Так, представляется важным открытие С. Франклином нового источника Повести временных лет – византийского апокрифа "Малое бытие", использованного в "Речи философа" и в текх пассажах летописи, где говорится о запрете нарушать "жребий братьев" (ср. Р. 319): здесь очевиден конкретный механизм отбора летописцем тех памятников и идей, которые были использованы им для создания ("синтеза") русской истории. Практически не обсуждается в книге и проблема "древнерусского феодализма" – трудная проблема формирования феодальной собственности и сословных группировок – боярства, дворянства, а без понимания этой проблемы сложно обсуждать и тенденции регионального развития Руси (ср. замечания А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузова о книге Дж. Феннела [6]). Напомним, однако, что книга предназначена для англоязычного читателя, что должно было предопределять отбор обсуждаемых проблем. Что касается читателя отечественного, то очевидно, что работа С. Франклина и Дж. Шепарда представляет собой свежий взгляд "извне" – весьма актуальный для нашей науки обзор проблем начальной русской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М.; СПб., 1995.
2. *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.
3. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск–М., 1995.
4. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
5. *Живов В.М.* История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture*. Columbus, 1988. P. 46–128.
6. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 14–16.

Славяноведение, № 2

Новые книги о болгарской средневековой культуре

В рецензируемых четырех небольших книгах, принадлежащих медиевистам – филологам и историкам, вышедших в Болгарии в 1994–1995 гг. [1], рассматриваются и общее развитие культуры болгарского средневековья, и ее локальные сюжеты, и "сквозные" темы. Предлагаемый обзор этих трудов обусловлен применением их авторами нетрадиционных методов, позволяющих извлекать новую информацию из давно известных источников. Объединяет их и стремление к историко-культурному синтезу, к преодолению описательности и "понимающему" подходу к исследованию средневековой болгарской культуры, что до недавней поры нечасто встречалось в болгарской научной литературе.

Тонкий знаток древнеболгарской книжности, совмещавший лучшие качества классической болгарской историко-филологической школы с отработанными в Пушкинском доме приемами текстологического анализа, шуменский исследователь Пейо Димитров безвременно ушел в 1992 г., и его посмертная книга издана усилиями коллег и друзей. Содержание книги гораздо шире ее названия, это – очерки по болгарской культуре послесимеоновой эпохи, одной из самых неисследованных проблем болгарского средневековья.

П. Димитров обосновывает основные линии культурного развития Болгарии после царствования Симеона через атрибуции и датировки переводов святоотеческих сочинений и произведений оригинальной учительной литературы.

Именно проповедь в разных ее видах – от смиренного поучения до гневных обличений – стала основной формой творчества не только книжников-ортодоксов Черноризца Петра (П. Димитров видит в нем принявшего монашество царя Симеона), Иоанна Рильского, Григория Пресвитера (автору известной приписки о переводе библейских книг атрибутируется ряд поучений, носящих имя Григория Богослова), Пресвитера Козьмы, но и их оппонентов – попа Богомила и Иереми. Автор исходит из тщательного текстологического анализа списков русских (преимущественно петербургских) древлехранилищ, его историографические экскурсы исчерпывающи в отношении старой российской славистики, авторитет которого для исследователя непререкаем.

Сосредоточение интереса писателей послесимеоновой эпохи на вопросах морали в воссоздаваемой исследователем общекультурной атмосфере выглядит не данью христианской традиции, а насущным духовным требованием времени, когда средневековое болгарское общество переживало мощный культурный разлом, связанный с утверждением христианства уже не просто как официальной религии, но в качестве общей для всех болгар культурной среды. К сожалению, кончина не позволила автору подробно развить и обосновать важную (и спорную) тему рецепции поучений Петра в древнерусской литературе.

Подход П. Димитрова к неофициальной литературе эпохи также отличается ори-

гинальностью. Для исследователя и богомилство, и творчество Иеремии (в последнем автор оправданно видит альтернативу как ортодоксальной, так и богомилской догматике) – результаты единого процесса христианизации духовной культуры Болгарии. Осознавая и интерпретируя в рамках христианской культурной модели вопросы онтологии и антропологии, социологии и этики, часть творческой страты болгарского общества не ограничилась рецепцией ортодоксальных истин в рамках предназначенной для неофитов "школьной нормы", но, сочетая ее с духовными запросами среды, определявшимися понятным дилетантизмом христиан во втором-третьем поколениях, попыталась создать интерпретации главных проблем устройства мира, общества и человека. Значимы выводы автора о регрессе, деградации духовного содержания богомилства от его основателя к последователям, об осознании богомилами сословного устройства общества. Интересна предлагаемая пунктуация известного пассажа Козьмы (БЫША ЖЕ И ПОТОМ РАЗНЫ ЕРЕСИ..., ЯКОЖЕ СЛУЧИ СЯ В БОЛГАРСТИИ ЗЕМЛИ В ЛЕТА ПРАВОВЕРНАГО ЦАРА ПЕТРА. БЫСТЬ ПОП ИМЕНЕМ БОГОМИЛ...), влияющая на датировку его "Беседы". Остается лишь сожалеть, что ученый уже не сможет досказать невысказанное и внести свой вклад в намечающуюся в болгарской медиевистике дискуссию о переоценке социальной и культурной роли богомилства и неофициального христианства (см. [2]).

Автор второй рецензируемой книги (кстати, и редактор первой) шуменский славист Христо Трендафилов, сочетает фундаментальные знания филолога-медиевиста, закрепленные длительной работой в архивах обеих российских столиц, с ярко выраженным тяготением к поиску и реконструкции культурных моделей, к дешифровке культурного языка болгарского средневековья. Первую часть его небольшой книги составили очерки, в разное время опубликованные в специальных изданиях. В первом из них автор вкратце излагает свое понимание историко-культурного метода, а далее иллюстрирует его конкретными исследовательскими этюдами. Их главная тема – преемственность между культурой языческой и христианской Болгарии, раскрываемая через символику политических действий, повторяемость меняющих внешнюю форму устойчивых культурных элементов, сохранение и развитие христианской культурной традиции языческого времени.

Рассматривая христианизацию Болгарии Борисом-Михаилом и ее политические перипетии, формирование жанров древнеболгарской книжности, зарождение официальной литературной традиции, формирование культурных стереотипов "золотого века" болгарской книжности, Х. Трендафилов умело реконструирует сложный контекст древнеболгарской культуры во встрече и взаимодействии многих тенденций, восходящих и к истокам восточного христианства, и к традициям ханской Болгарии, и к византийской культуре послеиконоборческого периода. Не прибегая к сугубо структуралистским приемам, автор тем не менее сосредоточен именно на выявлении структурной основы формировавшейся в IX–X вв. культуры христианской Болгарии. Во второй части книги ученый от историко-культурных штудий, через тему судилища как характерного топоса болгарской духовной культуры, переходит к средневековым реминисценциям культурной ситуации в современной Болгарии, своеобразно продолжая и закрепляя центральную тему – преемственность духовного развития болгар.

Несколько ранее публиковавшихся историко-культурных очерков объединил под одной обложкой с новыми разработками маститый историк-медиевист Иван Божилов. Он рассматривает свою небольшую книгу как первый приступ к целостному монографическому описанию болгарской средневековой культуры. Изобилующая яркими цитатами и, в свою очередь, подчеркнуто афористичная, его работа – скорее перечисление и формулирование проблем, стоящих перед учеными, чем опыт их разрешения. И. Божилов начинает с вопросов методологии, определяя через понятие "культура средневековой Болгарии" место объекта своего исследования в кругу культурных феноменов балканского средневековья. Изменившееся от времени прихода орды Аспаруха до эпохи Симеона значение термина "болгары" удерживает автора от формулы "болгарская средневековая культура", а конструирование понятия "Преславская цивилизация" как начала "болгарской культуры византийского типа" должно, по его замыслу, обозначить специфику объекта исследования на фоне культуры Византии и православного славянства.

В культуре дохристианской Болгарии, называемой автором "государством варварского типа", огромную роль играло основанное на болгарских традициях государство, сосредоточенное вокруг ос-

бы хана. Существование болгаро-славянского дуализма при политическом доминировании болгар и культурная идентификация Болгарии через тотальное противопоставление Византии, по мнению И. Божилова, обусловили специфику культуры дохристианской Болгарии на фоне современных ей "варварских держав" Восточной Европы – Великой Моравии, Венгрии, Киевской Руси.

Более трети книги занимают размышления автора о "Преславской цивилизации", большей частью сформулированные им в предшествовавших публикациях [3]. Смена культурной модели, связанная с принятием христианства, привела к созданию "цивилизации в цивилизации" – фактически нового сегмента христианского мира Европы, генетически восходящего к Византии, и в то же время политически и идейно противопоставленного ей. Воплощенная в сосредоточенной в Преславе духовной и идеологической деятельности, новая культурная модель в своих основных составляющих (письменность, язык, книжность, столица в многообразии ее функций и проявлений, политическая идеология, царский и патриаршеский институты) в той или иной степени явилась образцом для других культур формирующейся византийско-славянской общности.

Лишь бегло остановившись на условиях существования болгарской культуры в эпоху византийского господства и характеристике возобновленного Асенями Болгарского царства, И. Божилов сосредотачивается на проблеме преемственности болгарской культуры XIII в. по отношению к наследию Симеоновой эпохи и на формировании новых синтезных форм культурной продукции – агиографического, гимнографического и летописного циклов, воплощавших идею возобновленного Болгарского царства как части христианского мира. Автор обозначает как важнейшие элементы динамики развития культуры средневековой Болгарии формирование в XIV в. "славяно-византийской общности" с центрами на Афоне, в Константинополе и Фессалониках, перемещение центра столичной культурной деятельности из царского дворца в патриархию и возрастание роли провинциальных центров в процессе создания культурных ценностей. К сожалению, почти в конспективной форме рассматривает место болгарской средневековой культуры в православном славянском мире. Отталкиваясь от известной формулы Д.С. Лихачева о "культуре- посреднице",

И. Божилов вносит в нее следующие коррективы: в качестве посредницы между Константинополем и славянскими православными народами болгарская культура предлагала им уже переработанные и адаптированные ценности, чем влияла на облик византийско-славянской цивилизации в целом и становилась продолжательницей византийских миссий IX в. В периодизации болгарских культурных воздействий на православное славянство автор следует традиционным хронологическим рамкам "первого" и "второго" южнославянских влияний, определяя специфику первой волны X – начала XI в. как просветительски-миссионерскую и связывая вторую – в конце XIV – начале XV в. – со складыванием византийско-славянской общности.

Книга И. Божилова не содержит новых фактов, ее цель – "представить важнейшие теоретические проблемы культуры средневековой Болгарии". Приглашая читателя к дискуссии, автор, как нам представляется, прежде всего подготавливает для себя удобное "поле битвы". Ему важно утвердить свою терминологию как основу будущего исследования, "застолбить" участки будущих дискуссий постановкой их проблем и расставить акценты таким образом, чтобы предполагаемые оппоненты могли выразить свою точку зрения лишь с учетом уже высказанного инициатором дискуссии мнения. Однако и в этом качестве появление подобной синтезной монографии стóит приветствовать.

Работа Росицы Пановой обращает на себя внимание особо бережным, почти благоговейным подходом к культуре прошлого, стремлением удержаться от экстраполяции в средневековье нынешних представлений или собственных рефлексий. Она описывает средневековую болгарскую культуру через столичный город – ее часть и средоточие, манифестацию и творческий центр. Моноцентризм средневековой истории Болгарии, где с языческих времен столичный город играл роль уникальную и неоспоримую (хотя время от времени и оспаривавшуюся) позволил автору через изучение одного из элементов культуры высказать ряд обоснованных суждений о ее развитии в целом. Уже языческая Плиска (как нам кажется, Р. Панова не вполне обоснованно считает ее безусловно столичным центром уже с конца VII в., а не с начала IX в., о чем имеются бесспорные свидетельства источников) становится центральной манифестацией болгарского государства на

Балканах – противостоящего Империи на поле брани, возглавляемого древней и "богопоставленной" династией и основанного на древних болгарских культурных традициях. Ханская резиденция рассматривается автором как культурный текст, раскрывающий отмеченные "идеологемы". С принятием христианства болгаро-византийское противостояние переходит в общую для двух культур систему координат, что сказывается на трансформации столичного города – вначале Плиски, где была предпринята попытка найти новую культурную идентичность через акцент на преемственность и синтез старых и новых традиций, а затем Преслава, отстроенного как аналог и антитеза византийской столицы и воплощающего обновленную болгарскую самобытность через градоустройственный облик, саркальную топографию, производимые специфические культурные ценности – книжность, рисованную керамику, каменную пластику и пр. Столица Второго Болгарского царства, Тырново, раскрывает обновленную модель культуры болгарского средневековья XII–XIV вв., для которой наряду с утверждением авторитета династии Асеней было характерно усиление мотива причастности к общности православных народов во главе с Константинополем.

Исследовательский подход Р. Пановой отличают приверженность идее "диалога культур" (ее методология подчеркнута перекликается с исследовательским подхо-

дом Ю.М. Лотмана), тщательность в интерпретации культурных фактов и осторожность общих выводов. И этот труд – приглашение к дискуссии, которая, вне сомнения, приведет к новым результатам в изучении средневековой болгарской культуры как целостного феномена.

Рецензируемые книги вселяют уверенность, что в этой дискуссии будет преобладать "понимающая историография", столь необходимая в культурно-исторических штудиях.

© 1998 г. *Полывянный Д.И.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Димитров П.* Петър Черноризец. Шумен, 1995; *Трендафилов Х.* Этюди по поетиката на историята. Пловдив, 1994; *Божилев И.* Културата на средновековна България. София, 1995; *Панова Р.* Столичният град в културата на средновековна България. София, 1995.
2. *Стойнев А.* Св. Иван Рилски, официалното християнство и богомилство. София, 1991.
3. *Божилев И.* Преславската цивилизация // Преславский сборник. София, 1993. Т. 4. С. 33–47; *Божилев И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995. С. 73–129.

Славяноведение, № 2

Е. ДРОСНЕВА. Фолклор, Библия, История. София, 1995. 256 С.

Е. ДРОСНЕВА. Фольклор, Библия, История

Свою монографию болгарская исследовательница приурочила к 230 годовщине появления в свет "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского, книге, открывающей важный и длительный процесс национального Возрождения в Болгарии. Сочинение Паисия стало почитаться в стране как национальная святыня. Е. Дроснева уместно подчеркивает, что начиная с 1762 г., когда Паисий завершил свой труд, и вплоть до современности, он стал баро-

метром умонастроений в болгарском обществе, "существенной частью национальной науки и культуры, истории общественных идей, политических столкновений и опыта их преодоления" (С. 9). Поэтому не случаен интерес ученых к делу и личности Паисия Хилендарского и огромна литература, ему посвященная. Однако Е. Дросновой удалось отыскать еще один пласт "паисиеведения", пока еще недостаточно изученный: авторское внимание сосредото-

точно на поиске и анализе перехода, начатого Паисием, от средневековой историко-летописной традиции к исторической науке Нового времени. Выясняется уровень и объем исторических знаний, позволивших начать такой переход.

Анализ трех групп источников – болгарского фольклора, библейских текстов и их влияния на исторические представления болгар, исторических сочинений, появившихся в средневековой Болгарии, составил содержание трех глав работы. Формирование и развитие болгарской историографии представлено как длительный процесс, начало которого восходит к IX в. В сущности автор ищет ответа на вопрос – как в униженной османами Болгарии могло в 1762 г. появиться сочинение, буквально пробудившее болгарское общество? Автор справедливо полагает, что «"История славяноболгарская" появилась на болгарской почве и распространялась в болгарской среде» (С. 10). Однако этой констатации недостаточно. Ведь Паисий жил и работал на Афоне, в многонациональной монашеской среде, а свое сочинение написал в Хилендарском, сербском монастыре. Возможно поэтому не только болгарский, но и балканский контекст стал составной частью его книги.

В первой главе монографии читателю предлагается необыкновенно живая и эмоциональная характеристика устного народного творчества болгар. Фольклор рассматривается как носитель исторической информации. Анализируется тематика и жанровое разнообразие песен о гайдуках и юнаках, преданий, сказаний, песен, пословиц и поговорок, всего огромного разнообразия фольклорного творчества народа, развивающегося в тяжелых условиях отсутствия у болгар национальной государственности, самостоятельной церкви, необходимых учреждений культуры. Читатель буквально погружается в море изумительно метких и ярких фольклорных сочинений. Завершается первая глава вовсе не четким выводом, а скорее вопросом о присутствии фольклорного элемента в сочинении Паисия. Давая утвердительный ответ на этот вопрос и намечая перспективу дальнейших изучений этого сюжета Е. Дроснева в резюмирующей части своей книги замечает: «Особенности жанра "Истории" Паисия показывают, что его работа достаточно далека от фольклорной традиции» (С. 252). Привлекательный вывод представляется недоказанным, ведь анализа фольклорных источников "Истории

славяноболгарской" автор не производит.

Влияние христианской, прежде всего библейской литературы на формирование болгарской историографии на протяжении длительного исторического периода, начиная с IX в. и вплоть до середины XVIII в., анализируется во второй главе работы. Крестившаяся в 864 г. Болгария активно овладевала богатствами христианской культуры, бережно их сохраняя и в тяжелые времена османского владычества. Священное Писание формировало в болгарском обществе основные концепции представлений о мире, человеке, историческом процессе (С. 86). На библейские тексты опирались болгарские историки периода средневековья. Сильнейшее влияние на развитие историографии оказывала сама библейская модель с ее идеями богоизбранности народов, провиденциализма, универсализма, дуализма и эсхатологии (С. 165). Модель внушала почтительное отношение к прошлому и требовала сохранения устных и письменных воспоминаний о нем. Постановка вопроса о влиянии библейской модели на сочинение Паисия представляется вполне закономерной: "Паисий – лицо духовное и его подготовка, его обязанность иеромонаха и таксидиота дают надежное основание считать, что он знал библейскую модель интерпретации мира" (С. 87). И в то же время "История славяноболгарская" далека от модели священной истории, заданной Библией (С. 251).

В третьей главе – "Болгарские письма" Е. Дроснева рассматривает процесс формирования и продолжительного развития историко-летописного жанра болгарской историографии. Обширный исторический период IX – середины XVIII в. удачно разделен на этапы, каждый из которых получает исчерпывающую характеристику. Специально анализируется творческое наследие историков Второго Болгарского царства, оценивается уровень развития историографии Болгарии кануна турецкого завоевания. По мнению автора, "ко времени гибели Второго Болгарского царства его историография достигла своего расцвета и насыщенности почти всеми характеристиками, которые создают облик европейской средневековой традиции" (С. 168). Для историков, писавших в Болгарии, утратившей свою национальную независимость, достижения предшествующей историографии стали прочной базой развития. Особенно тщательно Е. Дроснева исследует процесс

эволюции болгарской историографии XV – середины XVIII в. Этот период резко контрастирует с предыдущим. В средневековой Болгарии времен независимости государство в значительной мере заботилось о труде летописцев. Содействие и покровительство историкам оказывала церковь. Немаловажным было сосредоточение интеллектуальных сил в столичных центрах – Преславе и Тырново. В то же время в период османского господства в Болгарии процесс сохранения, поддержания и продолжения исторического познания был сведен до уровня личной инициативы (С. 172). По наблюдениям автора, болгарские средневековые историки обнаруживают интерес к нескольким устойчивым темам прошлого. Центральное место занимает политическая история, включая внешнеполитическую, затем церковно-религиозная тема (С. 179–180). Анализируя жанры и тематику средневековой историографии Е. Дроснева обращает внимание и на ее "белые пятна". Болгарской историографии средневековой поры недоставало интереса к истории общества, отношений между его отдельными прослойками, светской жизни, экономического развития, учреждений и многого другого. Следует признать авторской удачей углубленный анализ болгарской историографии XV в. Ведь этот век, по крайней мере до его середины, был более благоприятен для творчества, чем последующие. Положенное все еще представлялось обратимым, османы еще не успели полностью установить свою гегемонию на Балканах, еще были живы историки, творившие во времена независимости (С. 199). Это объясняет присутствие на болгарском литературном небосклоне таких книжников как Константин Костенечский, Григорий Цамблак, Мардарий Рильский, Владислав Грамматик, дьяк Андрей, Иоасаф Бдинский, Димитр Кантакузин – книжников высокого класса, которые сумели в последние годы свободы или в первые десятилетия после ее потери спасти многие из памятников, а в общем плане и уровень средневековой болгарской историографии (С. 199).

В книге анализируется состояние историографии в Болгарии в XVI в., когда изменяется ее основная тематика, а объектом внимания становятся святые или мученики за веру, в целом тяжкое положение болгарского общества (С. 207). Следующий этап развития болгарской историографии, пришедший на XVII в.,

вполне заслужил пессимистическое заключение автора относительно того, что "скромны данные о более или менее крупных произведениях, появившихся в XVII в. и еще более скромны исследования, им посвященные (С. 207). Рисуемая Е. Дросневой историографическая картина XVII в. в значительной мере строится на анализе материала приписок к средневековым сочинениям. Записи писцов на полях рукописей справедливо квалифицируются автором как "самый устойчивый и самый продуктивный жанр XV – середины VIII в." (С. 207). В то же время – это и самый трудоемкий для изучения материал из-за его огромного объема, разбросанности по десяткам и сотням рукописей болгарских и иностранных архивохранилищ.

К сожалению, первая половина XVIII в. как этап болгарской историографии, тем более непосредственно предшествующий появлению "Истории славяноболгарской", охарактеризован автором самым беглым образом. Хотя с общим выводом относительно этого периода можно вполне согласиться. Вывод таков: "Первая половина XVIII в. все еще очень близка по историографическим измерениям предшествующим трем столетиям. Но оно и отличается от них. Различие идет от новых моментов в развитии Османской империи, европейской политической конъюнктуры и перемен в болгарском обществе" (С. 218).

Завершает книгу раздел "Вместо заключения", в котором автор в корректной форме пытается сформулировать свои предварительные выводы, полагая, что для окончательных и категоричных заключений время еще не пришло (С. 221). Е. Дроснева пытается ответить на важный вопрос – какое историографическое наследие, созданное и сохраненное в Болгарии на протяжении многих столетий, послужило источником идей для Паисия Хилендарского? Заманчиво звучит еще не вполне доказанное утверждение автора: «Есть все основания подозревать, что "История славяноболгарская" – не первый труд Паисия» (С. 227).

Прочтение нужной и полезной книги болгарской исследовательницы позволяет сделать вывод, что появление труда Паисия Хилендарского в Болгарии в начале 60-х годов XVIII в. было явлением закономерным.

Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. 1–5. Zagreb, 1991–1995.

Словарь церковнославянского языка хорватской редакции

Составление картотеки Словаря началось в Загребе в 1950 г.; после принятого на московском съезде славистов в 1958 г. решения о составлении региональных словарей церковнославянского языка работа приняла целенаправленный характер. Ее задачи были изложены в статьях Вацлава Мареша [1] и редактора Словаря Аницы Назор [2]. В. Мареш, многие годы возглавлявший в Международном комитете славистов Комиссию церковнославянского словаря, вдохновил на лексикографическую работу одновременно в нескольких славянских центрах – Загребе, Белграде, Скопле, Софии, Киеве, Минске, Москве. Каждый из региональных исторических словарей имеет свои особенности как в принципах, так и в методах исполнения, так что единство замысла всех этих работ не всегда заметно. Однако родственная связь настоящего Словаря со "Slovníkem jazyka ztsloslověnského", издание которого неспешно, но уверенно осуществляется в Праге с 1958 г., не вызывает сомнений. Сходство двух словарей видно в построении словарных статей, обращении с источниками, равным образом и во внешнем облике. Родственность и преемство не часто встречаются в нашей научной практике, они производят весьма благоприятное впечатление, потому что наглядно свидетельствуют о сложении прочной научной традиции. За прошедшие сорок лет пражский Словарь так хорошо зарекомендовал себя, что сходство с ним – несомненное достоинство.

Если пражский Словарь дает лексикографическое описание древнейших источников славянской письменности, относительно свободных от определенной локальной привязки (за исключением нескольких чешских текстов X в.), то региональные словари должны в совокупности описать церковнославянский язык последующей поры по его местным изводам. Нужно признать, что замысел этот не безупречен уже потому, что подчас

искусственно делит на сегменты языковой и культурный континуум; громадное большинство источников оказывается общим для всех словарей, их различия ограничиваются орфографическим обликом и определенными грамматическими чертами. Среди региональных словарей лишь хорватский имеет источниковую базу, четко ограниченную внешне своей глаголической графикой. И это, как будто внешнее, обстоятельство придает убедительность общему плану Словаря. Не нужно, однако, думать, что хорватская глаголическая письменность развивалась в отрыве от кириллической письменности. Среди иллюстраций, включенных в словарные статьи, встречаются древние тексты, хорошо известные письменности православных славян, например, библейские тексты и жития Кирилла и Мефодия. Встречаются среди них и сравнительно поздние тексты, появившиеся в XIV–XV вв., например, сказание об обретении Честного Креста, откуда взяты материалы на слово АКРА (о кириллическом варианте сказания см. [3; 4]). История славянской письменности и языка этой письменности дает все новые свидетельства того удивительного культурного единства, которое вопреки поверхностному впечатлению сохраняли православные славяне и славяне-католики.

Список источников словаря исключает 63 единицы, которые тематически делятся на Апостолы (4 единицы), Псалтыри (3), миссалы (9), бревиарии (19), апокрифы и гомилии (10), служебники (3) и сборники (15). Привлечение многих списков бревиария и миссала оправдано тем, что в составе каждый из них имеет много своеобразного. Содержание сборников описано полистно, так что у читателя всегда есть возможность узнать, из какого Именного текста приведена цитата. Древнейшие источники относятся к XII в. (Михановичев и Гршковичев апостолы), поздние принадлежат XVI столетию.

Трудно сказать, каково количество источников, оставшихся за пределами Словаря, в данном случае желательна была бы исчерпывающая полнота их привлечения. Можно лишь отметить, что отсутствуют многие источники из богатого и плохо описанного собрания Ивана Берчича, хранящегося в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, нет сборника гомилий блаж. Иеронима из Библиотеки РАН. Список источников Словаря завершается кратким перечнем вспомогательных источников из четырех единиц, в 4-м выпуске Словаря названо еще два дополнительных источника, так что список их на сегодня нельзя считать закрытым; будем надеяться на его дальнейшее пополнение. В связи с этим хотелось бы призвать хранителей глаголических рукописных фондов из разных библиотек активно содействовать тому, чтобы круг источников этого Словаря имел полный и исчерпывающий характер.

Поскольку рецензируемый Словарь принципиально сходен с пражским Словарем старославянского языка, нет необходимости подробно описывать его построение. Остановимся только на некоторых особенностях.

Заглавие словарной статьи дается в глаголической и кириллической графике. Орфография заголовков ориентируется на хорватскую орфографию XIII–XIV вв., в заглавии же приводятся варианты написания. Складывается впечатление, что авторы Словаря не всегда последовательны в выведении заголовочной формы. Иногда она соответствует поздней норме и обходится без редуцированных гласных, например, БЕЗАКОННО, БЕЗДНА, БШИЮ (-бъшию); иногда редуцированные восстанавливаются, например, АГНЬЦЪ, БЕЗАКОННЪ. Малому юсу в заглавиях всегда соответствует Е, например, БЕЗРЕДНИКЪ, БЕЩЕДИЕ, т.е. принимается поздняя орфографическая норма, но наряду с этим постоянно употребляется диграф ОУ, ср. БЕЗОУМЬНЪ, в действительности почти неизвестный глаголическим текстам. Вызывает сомнение также необходимость восстановления старых чередований, явно анахроничных для источников, на которых базируется Словарь, например, несовершенный вид БЛАГОЛСАВЛАТИ при совершенном БЛАГОСЛОВИТИ. Для слов БЛЮВАТИ и БЛЮВОТИНА выведены архаические формы на БЛЬ-, неизвестные глаголическим источникам.

Иллюстрации набраны латиницей, в их

составе заголовочное слово выделено жирным шрифтом. семантические описания кратки и даны на двух языках: хорватском и английском, для собственных имен даны латинские пояснения. Греческие и латинские соответствия, приводимые после семантического описания, служат также и семантической характеристикой; после иллюстраций они приводятся вновь уже как чтения оригинала, с которого сделан перевод. Более систематично, чем в пражском Словаре, вводится в статьи материал по лексической вариантности, когда на месте одного и того же греческого или латинского соответствия в разных списках текста обнаруживаются различные лексемы. Разумеется, что за этим стоит большая текстологическая работа, для филологов такой материал представляет исключительную ценность. Как и в пражском Словаре, перечень этих вариантов или синонимов завершает словарную статью. Кроме того, в справочный аппарат включается указание на наличие или отсутствие слова в словарях пражском, Миклошича и большом "Rječnice hrvatskoga ili srpskoga jezika" (1880–1976), что существенно повышает информативность аппарата.

В пяти выпусках опубликованы материалы на первые две буквы алфавита, так что это еще сравнительно незначительный объем, чтобы делать серьезные обобщения о семантической обработке слов. Впрочем, можно повторить, что следование авторов Словаря столь надежному образцу как пражский старославянский Словарь может оберечь от ошибок и дать читателю возможность удобно сопоставлять лексикологические сведения обоих словарей.

Ценность глаголической письменности с великим энтузиазмом защищали Иосиф Шафарик, Иван Берчич, Ватрослав Ягич, Иосиф Вайс. Несколько изданий бревиариев и миссалов, которыми была обогащена славянская филология в последние десятилетия (в частности, при участии авторов данного Словаря) сделали глаголическую письменность более доступной читателю, открыли дополнительные возможности ее изучения. Однако только филологический словарь может сделать старую письменность понятной настоящему, показать ее значимость и в историческом, и в научном, и в образовательном отношениях. Сегодня мы являемся свидетелями большого начинания, которое сулит в будущем богатые плоды. Уместно поэтому назвать имена

тех, кто вложил в Словарь свой труд, но не дожидая его публикации, это незабвенные Вацлав Мареш, Бисерка Грабар, Иосиф Тандарич. Хочется пожелать небольшому, но высококвалифицированному коллективу успешной работы над Словарем и поблагодарить за прекрасное начало.

© 1998 г. Алексеев А.А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мареш Ф.В.* Проект подготовки словаря церковнославянского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 86–99.
2. *Назор А.* О словаре хорватско-глаголической редакции общеславянского литературного (церковнославянского) языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 99–105.
3. *Сперанский М.Н.* Еврейская молитва Иуды // ЧОИДР. 1908. Кн. 2.
4. *Алексеев А.А.* Молитва Иуды // ТОДРЛ. 1993. Т. 48.

Славяноведение, № 2

The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) with Introduction and Notes by Moche Altbauer / Concordance compiled by Moshe Taube. Jerusalem, 1992. The Israel Academy of Sciences and Humanities. 421 p.

Пять библейских манускриптов в еврейском переводе XVI в. на белорусский язык с предисловием и примечаниями Моше Алтбауэра

Этот сборник библейских книг начала XVI в. стал известен со времени Ф. Добрянского [1] и П.В. Владимирова [2]. Он содержит книги Иова, Руфь, Псалмы, Песнь песней, Екклесиаст, Притчей, Плач, Даниила и Есфирь. Уже Владимиров издал из него образцы нескольких текстов. Затем И.Е. Евсеев [3] издал книгу Даниила, которая стала предметом исследования в диссертации А.А. Архипова [4]. В.Н. Петец не раз обращался к нему и опубликовал книги Плач [5], Руфь [6] и Есфирь [7]. Все книги сборника за исключением Псалтыри и нескольких глав Даниила переведены с еврейского оригинала, язык перевода не имеет точного названия в нашей научной традиции, его называют западнорусским, старобелорусским, простой мовой или Ruthenian; тексты сборника включены в источники [8]. В рецензируемой работе вновь изданы книги Руфь, Плач и Есфирь, а также впервые книги Песнь и Екклесиаст. Текстам предшествует научное Введение (Р. 13–79), и сопровождается их полный конкорданс с еврейскими соответствиями (Р. 255–421).

Известно, что издание текстов дело трудоемкое, в особенности – подготовка и издание конкордансов, так что следует высказать благодарность М. Алтбауэру и М. Таубе, взявшим на себя этот нелегкий и непростой труд. Благодаря их усилиям обогатился круг опубликованных и изученных источников по истории восточносла-

вянских языков и литератур. Все же объективности ради следует остановиться и на недостатках этой работы, которые, к сожалению, есть.

Текст издан en regard, так что на развороте книги слева мы видим фототипическое воспроизведение рукописи, а справа наборное издание текста. Такая форма публикации позволяет любому читателю контролировать качество наборного текста и выявлять его недостатки.

В издании есть опечатки, случаи орфографической непоследовательности и неправильного прочтения оригинала; приведем их списком, на втором месте предлагаемая поправка.

83.2¹ и многие др. **также же:** **такоже**, но встречается и правильное слитное написание 85.6 и др.

85.4 **али ж:** **алижь**

87.4 **звронхованне:** **зврон хованне**, здесь нет сложного слова, первое слово имеет форму род. падежа

97.4 **вднон:** **вдинон**

97.5 **вванхъ:** **вва нхъ**

97.11 **по што:** **пошто**

97.15, 167.9 **асе:** **асе**, 125.10 **асеж:** **асеж**, 101.21 **али жь:** **алижь**

103.3 и **змынса:** **измынса**

¹ Первая цифра обозначает страницу издания, вторая – библейский стих.

103.14 *лжжала*: *лежала*

103.17 *порожнял*: *порожнял*

105.1 в *зышооль ек воротом*: в. е к в.,
форма *е* = *есть*.

Аналогично в 163.12

109.8, 109.13 на *зад*: *назад*

113.9 опущена маргиналия и *пророци*

113.11 *съсъщего*: *съсъщего*

121.4 *прильноуать*: *прильноуать*

125.2–3 знак выноски (+) попал не на
свое место

143.12 *зневѣданьл*: *зневѣданьл*, в
конкордансе это предположно-именное соче-
тание рассматривается как наречие

143.14 *малы*: *малы* и (с выносным и)

151.2 *цсрю*: *црю*, *цсрства*: *црства*

151.5 *цсрское*: *црское*

151:6 *маръмѣра*: *маръмѣра* и *дара*

155.6 со *нхонѣю*: со *нхонѣю*

165.2 *сторжов*: *сторожов*

167.4 *ес мо*: *есмо*

171.1 *его же*: *егоже*

171.11 и *загѣвнн*: и и *загѣвнн*

Аналогичные случаи встречаются и в конкордансе, который, кстати сказать, набран латиницей. Так, на Р. 256 в статье на слово *Адагъ* напечатано *опъ љ* вместо *опъљ*; на Р. 258 выведена форма *Ахаѣвегошовъ*, тогда как в тексте употреблено полное прилагательное *ахашъвершовын*; на Р. 259 дано слово *bezokostŋny* – в тексте имеется лишь форма на *воз-*; на Р. 300 дано слово *kroleva* вместо *krolevaĵa*; на Р. 355 *proĵilasĵa* – в тексте форма на *поро-*, и т.д.

В конкордансе дано грамматическое описание всех словоформ славянского текста. Пожалуй, этого можно было не делать, так как текст находится тут же, и всякий квалифицированный читатель может разобраться в нем без посторонней помощи. К сожалению, грамматическая характеристика славянского глагола дана в конкордансе крайне необычно и неудачно, ибо в глагольную парадигму оказались включены кондиционалис и пассив. Таким образом, формальная характеристика глагола оказалась заменена описанием грамматической семантики сказуемого в терминах универсальной грамматики. Это было бы уместно, если бы давало читателю возможность понять структуру сказуемого в еврейском оригинале, но структура последнего, как известно, стоит еще дальше от классической грамматики,

чем славянская. В результате мы сталкиваемся с большими странностями.

В конкордансе сказуемое настоящего времени может быть описано как *Passiv Perfect*, например, *гласъ горлицы слышан* (Р. 370), тогда как это только характеристика причастия.

В конкордансе встречаются грамматические пометы *Passiv Periphrastic Preterite был дан* и *Passiv Periphrastic Conditional абы был дан* (Р. 271), как если бы существовали аналитические формы пассива и кондиционалиса.

Выбранная система описания глагола заставила составителя конкорданса ввести такие статьи как *byti bĕlŷ, byti ĉistŷ, byti dobŷ, byti krasenŷ, byti ni za ŝto, byti rġavŷ* и т.д. (Р. 263–264). В соответствии с членением еврейского текста выделяются такие лексические единицы, чуждые славянской лингвистической системе, как *ne byti, ne imĕti, ne posluŷati* (Р. 321).

В конкордансе отмечается *Perfectum Passivi*, но отсутствует *Perfectum Activi*, хотя в тексте он встречается очень часто. Обычно он характеризуется как *Preterite* как, например, *говорили есмо* (Р. 286), *отворила есми* (Р. 335).

В конкордансе употреблены такие грамматические характеристики как *Modal Futute што имеет быти то вже было* (Р. 262). Но если в этой фразе видеть *Futurum*, то *имает* выполняет роль глагола-связки будущего времени, если же *имает* является модальным глаголом, то он либо стоит в настоящем времени, либо вообще не может характеризоваться категорией времени. Ср. еще аналогичные случаи: *Passiv Modal Future все же маеть быти дано* (Р. 270), *то имает быти вчинено* (Р. 393).

Из отдельных ошибок другого рода отметим неправильное определение формы *камень* как род. ед. вместо вин. мн. и отнесение ее в статью *камень* вместо *каменье* (Р. 295); выведение формы *кудра* вместо *кудря "сота"* (Р. 301), *ланья* вместо *лань* (Р. 302), *рысьи* вместо *рыси* (Р. 363), разделение слова *рѣка* на две статьи в зависимости от написания корневого гласного (Р. 359); определение глагола *имати/мати* как вспомогательного, а не модального (Р. 289, 307).

Филологическая характеристика текста, данная во вступительной статье, не представляется ни вполне точной, ни исчерпывающей. Еще В.Н. Перетц показал в свое время [9], что Вил. 262 является

копией более раннего оригинала, с чем как будто согласны и авторы издания (Р. 28–30). Однако все фонетические черты данного списка отнесены в лингвистическом описании на счет переводчика. Между тем, следует безусловно различать разные этапы бытования текста. Невозможность доказать наличие белорусского аканья у переводчика единственным написанием **законъ** (= з оконъ) и орфографией собственных имен. Фактически из приведенных в статье белорусских черт в фонетике лишь замена у/в носит регулярный характер (Р. 33), в морфологии таким же характером отличается образование предл. пад. типа *въ ѣздокохъ* и парадигма глагола-связки (*есмо, абыхмо* и т.п.) (Р. 35). Все остальные черты имеют общевосточнославянское распространение.

Основную часть введения занимает раздел, посвященный "еврейской переводческой технике" (Р. 38–79). Почему эта сравнительно буквальная манера перевода должна называться "еврейской", не объясняется. Нужно ли понимать так, что переводы с латыни на славянский выполнены в "латинской переводческой технике"? Или же когда переводят белорусы, они пользуются "белорусской переводческой техникой", а когда переводят католики, то прибегают к "католической" технике? Фактически, вероятно, речь должна была бы идти о том, что данный перевод выполнен иудеями еврейской национальности. На Р. 71 приведены не слишком убедительные свидетельства того, что какие-то раввинистические комментарии на св. Писание были использованы в этом переводе. По всей вероятности, так оно и было, во всяком случае более уверенно это удалось проследить А.А. Архипову [4] при анализе книги Даниила из этого же сборника. В свое время мне пришлось показать, что перевод этот менее буквален даже, чем перевод св. Мефодия [10], а последний, между тем, относится к числу наиболее свободных в славянской переводческой практике с греческих оригиналов. Объясняется это, конечно, тем, что сходство грамматических систем греческого и славянского языков позволяет гораздо дальше идти по пути буквализма, чем при переводах с еврейского оригинала. Существование особой "еврейской переводческой техники" не может быть принято на веру.

Между тем складывается впечатление, что издатели находятся в плену каких-то предубеждений. Нарушена нормальная процедура изучения Виленского сборника как единого целого: из него выдернуты те пять текстов, которые в иудейской литургической традиции св. Писания составляют особый раздел пяти свитков (мегилот), предназначенных для чтения в дни определенных праздников. Почему эти тексты соединены в составе данной рукописи с книгами Иова, Даниила, Притч и Псалтыри, совершенно не ясно. Почему Псалтырь дана в традиционном для православных славян виде и с обычными сопроводительными статьями? Даже если по каким-то внешним причинам удобнее и проще оказалось издать именно данные тексты, следовало все же сказать о сборнике как едином целом и особенно о той его части, которая содержит библейские книги. Едва ли это будет уместно сделать при издании остальных текстов, что, как кажется, входит в замысел авторов. Выражениями своего заглавия "пять свитков" и "еврейский перевод" книга обещает больше того, что фактически позволяет материал сборника.

© 1998 г. Алексеев А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1882.
2. *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1988.
3. *Евсеев И.Е.* Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1902. Кн. 3. С. 127–164.
4. *Архипов А.А.* Древнерусская книга пророка Даниила в переводе с древнееврейского (к истории гебраизмов в древнерусском книжном языке). М., 1982. Ч. 1–3.
5. *Перетц В.Н.* Новые труды о "жидовствующих" XV в. и их литературе. Киев, 1908 (оттиск из "Университетских известий").

6. *Перец В.Н.* Книга Руфь в белорусском переводе XV в. (оттиск из неизданного сборника в честь А.И. Соболевского). Б.м., 1908.
7. *Перец В.Н.* До історії перекладу Біблії в Західній Русі. Книга Естери в перекладі кінця XV віку // Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. С. 23–45.
8. Гістарычнага слоўніка беларускай мовы. Мінск, 1982.
9. *Перец В.Н.* К вопросу о еврейско-русском литературном общении // *Slavia*, 1926/Рос. 5. S. 267–276.
10. *Алексеев А.А.* Переводы с еврейских оригиналов в Древней Руси // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. XI. P. 1–20.

· А. МАРКУНАС. *Истоки и сущность русского православия. Хрестоматия.* Познань, 1994. 210 С.

Рецензируемое издание, вне всяких сомнений, заметное событие оскудевшей за последние годы в Польше учебно-методической литературы восточнославянского профиля.

Это тем более очевидно, если принять во внимание, во-первых, возросшую потребность в такого рода публикациях из-за открытия многими высшими учебными заведениями страны новых "восточных" специализаций и наметившийся в связи с этим бедственный отрыв учебного процесса от необходимой библиотечной базы, которая пока предельно скудна, и, во-вторых, если учесть важный сам по себе добротный уровень данной публикации, заполняющей пробел познаний нашей молодежи о православии, его истоках, канонах, обрядах, устройстве церковной жизни, месте и роли в обществе и пр. Хрестоматия содержит тщательно подобранный богатый материал, частью фрагментарно, но в то же время достаточно широко охватывающий громадный пласт религиозной бытности восточных соседей Польши, чем объективно способствует приближению их истинного облика; раскрывает в ликах святых, архитектонике храмов, календаре церковных празднеств, течении литургии мир их духовной сакральности. Она ориентирована прежде всего на изучающих восточнославянскую филологию – отсюда тщательный подбор текстов под углом их языкового своеобразия – и все же в не меньшей мере может быть полезна для историков и этнографов, искусствоведов и философов, а только лишь начинающим знакомиться с основами культуры России, Украины и Белоруссии она попросту необходима. Если к тому же учесть, что приведенные в ней материалы по большей части до этого были труднодоступны, то важность ее для дидактического и – шире – познавательного процесса станет еще более очевидна.

В аннотации хрестоматии среди другого читаем: "Автор осуществил выбор и адаптацию источниковедческих и комментирующих текстов, освещающих генезис христианства и православия на фоне других религий (индуизма, буддизма, ислама),

а также деяния русского православия от Крещения Киевской Руси до наших дней.

Тексты содержат описания православных празднеств, иконографии, архитектуры и интерьера церкви, иерархии духовенства, ритуальных и праздничных ритуалов, объясняют составные части богослужения (в особенности литургии), равно затрагивают проблемы экуменизма".

Пособие детально структурировано. Стоит привести заглавия основных его разделов, обнажая тем самым и композицию всего целого, и содержание его составляющих компонентов: "Мировые религии: индуизм, буддизм, ислам", "Православие: история и современность", "Возникновение и развитие христианства", "Крещение Руси и его последствия", "Библия (Ветхий Завет)", "Четыре Евангелия (Новый Завет). Жизнь Иисуса Христа и его историчность. Дева Мария. Тайна Святой Троицы", "Нагорная Проповедь Спасителя – сущность христианского учения", "Важнейшие православные праздники, посты и таинства", "Церковь (храм)", "Иконография", "Священнослужители, церковнослужители, монашество", "Богослужения", "Экуменизм", "Народные обряды, обычаи и традиции, связанные с православием", "Православные святые о...", "Краткий молитвослов".

Составитель хрестоматии, проф. А. Маркунас, использовал при его подготовке помимо канонических христианских текстов ряд других религиоведческих источников, в том числе – специальные работы В.П. Вомперского, Н.С. Гордиенко, А. Грибанова, Д. Гудинга и Д. Леннокса, А. Крылова, В. Кускова, А.В. Потаповой и В.П. Герейло, С. Сергеева, В.А. Солоухина, П. Тиволье, С.А. Токарева, А. Топоркова. Извлеченные из них фрагменты отличаются содержательностью, ясностью изложения, образностью и живостью языка. Будучи выстроенными в общий ряд, они воссоздают, насколько это вообще возможно, детализированную, а главное, динамичную общую картину православия, представленного в контексте мировых религий и собственного генезисе. Несмотря на неизбежную пестроту, хрестоматия по сути дела (должно быть, это и входило в

задачу ее составителя) воспринимается как один большой текст (если иметь в виду ее религиозно-познавательность) и вместе с тем – как полифония авторских индивидуальных стилей (если подходить к ней с филолого-языковедческой стороны). Еще одно несомненное достоинство рецензируемого пособия – его большая информационная насыщенность.

Что же касается возможных его недостатков, то они, если и обнаруживаются придирчивыми читателем, из разряда тех, что вообще характерны для жанра хрестоматии, куда помещено многое, но все же далеко не все. Так, не приходится сомневаться, что другой составитель подобрал бы какие-то иные текстовые материалы, скомпоновал бы их несколько иначе и пр. Скажем, включил бы проповеди Феодосия Печерского, фрагменты из П. Флоренского и А. Меня, а тексты писателя В.А. Солоухина упрел бы цитирова-

нием Л.Н. Толстого. Наверное, следовало бы ввести в хрестоматию иллюстративные материалы, дающие наглядное представление об экстерьере и интерьере православного храма, облачении священнослужителей и культовых предметах, иконографии. Все это так. Но тут же приходит на ум старая добрая поговорка – "нельзя требовать от розы, чтобы она пахла фиалкой". Помня о ней, мы должны оценивать то, что уже сделано, а не то, что могло бы быть сделано в каком-то там гипотетическом будущем. Под этим углом зрения с уверенностью можем констатировать: в руки тех, кто профессионально или любительски интересуется восточнославянской духовностью, отдана книга, которая им хорошо послужит и наверняка не запылится на наших длинных книжных полках.

© 1998 г. *Каминский В.*

ЛЬВУ НИКАНДРОВИЧУ СМИРНОВУ – 70 лет

Знаменательную дату в своей жизни отмечает крупнейший российский словакист доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН Лев Никандрович Смирнов. 30 мая 1998 г. ему исполняется 70 лет.

Воспитанник Московского университета, Л.Н. Смирнов в марте 1955 г. стал сотрудником Института славяноведения АН СССР. Здесь он прошел обычный для многих сотрудников академического института должностной путь от младшего научного сотрудника к старшему, а затем к ведущему. Но в отличие от многих на его долю пришлось и ответственной работой руководителя сектора славянского языкознания Института, которой он занимался 17 лет, заменив на этом посту проф. С.Б. Бернштейна. В настоящее время Л.Н. Смирнов – руководитель Центра по изучению славянских литературных языков.

Л.Н. Смирнов – один из видных современных российских славистов. Его перу принадлежит более 200 научных трудов. В их списке – монографии, главы и разделы в крупных коллективных трудах, многочисленные статьи, заметки и рецензии, опубликованные в нашей стране, Словакии, Чехии, Болгарии, Польше, Италии и других странах.

В современном славянском языкознании Л.Н. Смирнов известен прежде всего как авторитетный словакист. Исследованию разных проблем истории и современного состояния словацкого языка посвящена большая часть его трудов. Среди них выделяется цикл его работ по грамматике, словообразованию и лексике этого языка. Заметным вкладом в лингвистическую словакистику являются в частности труды Л.Н. Смирнова по исследованию категории вида и времени словацкого глагола. Этой проблематике посвящена его известная монография "Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке" (1970), которая в 1972 г. была им защищена в Институте языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук в Братиславе на соискание ученой степени доктора филологических наук. Данная монография – наиболее крупное достижение автора в грамматической части его исследований. Это первая и единственная в существующей литературе монография, в которой анализ глагольного вида в словацком языке анализируется на богатом фактическом материале в сочетании с разработкой общетеоретических проблем славянской аспектологии. Другое важное направление исследований Л.Н. Смирнова-словакиста – изучение истории словацкого литературного языка. Этой проблематике посвящена большая серия его статей, особое внимание в которых уделяется процессам формирования и развития этого языка в эпоху становления нации и национально-культурного возрождения словаков. Среди работ этого цикла наибольший интерес представляют статьи, посвященные характеристике роли А. Бернолака, Л. Штура, других словацких возрожденцев в становлении словацкого литературного языка. В этом же контексте привлекают внимание и статьи Л.Н. Смирнова о переводах Библии на словацкий язык и их значении в становлении литературно-языковых норм этого языка. Вопросы истории словацкого литературного языка Л.Н. Смирнов рассматривает на

широком историко-культурном и социальном фоне, с учетом сложного взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. В последнее время Л.Н. Смирнов значительное внимание уделяет проблемам развития и функционирования словацкого литературного языка в новейший период, особенно изучению тенденций его демократизации и интернационализации.

В поле зрения Л.Н. Смирнова и другие области словакистики. Это в частности история словакистики, главным образом, отечественной, и лексикография. Последней он отдал много времени и сил в качестве редактора-рецензента изданного в Словакии шеститомного "Большого словацко-русского словаря".

Словакистика – лишь одна из многих областей научных занятий Л.Н. Смирнова. Немалая часть его трудов посвящена общеславянским теоретическим и сравнительно-типологическим проблемам. В их числе – проблемы славянской аспектологии, теории и истории славянских литературных языков, социолингвистики, демократизации и интернационализации языков, теории и практики художественного перевода. Большой интерес представляют и труды Л.Н. Смирнова по истории славяноведения.

Значительное место в деятельности Л.Н. Смирнова в Институте славяноведения и балканистики РАН и вне его занимает научно-организационная работа. Л.Н. Смирнов принимал участие в семи международных съездах славистов, во многих научных конференциях и симпозиумах, состоявшихся в нашей стране и за рубежом, особенно в Словакии, Польше, Болгарии. Он инициировал, организовывал и руководил рядом важных научных начинаний, включая и работы по линии международного сотрудничества, конференции, коллективные труды. В самое последнее время он руководит коллективным трудом историографического плана "Российская филологическая наука и зарубежное славянство: отечественные слависты XIX в. о формировании национальных литературных языков южных и западных славян". Л.Н. Смирнов неоднократно выступал в качестве ответственного редактора коллективных трудов и монографий, члена редколлегии многих научных сборников. В течение многих лет он был членом редколлегии и заместителем главного редактора журнала "Советское славяноведение". В настоящее время он член редколлегии известного серийного издания "Славянское и балканское языкознание", член международной комиссии по социолингвистике при Международном комитете славистов.

Наряду с разносторонней научной деятельностью Л.Н. Смирнов много сил отдает и педагогической работе. Он читал лекции и руководил спецсеминарами, курсовыми и дипломными работами студентов-словакистов славянского отделения филологического факультета Московского университета. Ученый вел спецкурсы по истории славянских литературных языков во Львовском университете и Самарской гуманитарной академии. В настоящее время читает курс основ славяноведения на факультете иностранных языков Московского университета.

Л.Н. Смирнов уделяет серьезное внимание и подготовке научной смены. Под его руководством прошли аспирантскую подготовку несколько начинающих ученых. Некоторые из них успешно защитили кандидатские диссертации и ведут самостоятельную научную работу.

Как исследователь, организатор науки и педагог Л.Н. Смирнов широко известен славистам нашей страны и других стран. Своей многолетней работой он заслужил их уважение. Его вклад в развитие славяноведения и прежде всего словакистики отмечен высокими академическими наградами – "Золотой почетной медалью им. Людовита Штура" Словацкой академии наук и "Серебряной медалью им. Иосифа Добровского" Чехословацкой академии наук.

Л.Н. Смирнов продолжает плодотворно трудиться на славистической ниве, в дальнейшей разработке которой мы желаем ему новых успехов и достижений.

© 1998 г. *Венедиктов Г.К., Стемковская Ю.Е.*

БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ ФЛОРЕ – 60 лет

8 декабря 1997 г. исполнилось 60 лет ведущему научному сотруднику Института славяноведения и балканистики РАН, доктору исторических наук Борису Николаевичу Флоре.

Б.Н. Флора работает в Академии наук с 1960 г., а в Институте – с 1966 г. За это время им опубликовано свыше ста пятидесяти научных работ, из них шесть монографий. Одной из главных сфер научных интересов юбиляра является становление международных связей Русского государства в XVI–XVII вв. Этой теме посвящены его монографии "Русско-польские отношения и Балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в." (1973), "Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в." (1978) и "Россия и чешское восстание против Габсбургов" (1986). Кроме того, им опубликован ряд работ об отношениях России с Османской империей, народами Балканского полуострова, по русско-украинским связям. Вторая важная сфера научных интересов Б.Н. Флора – развитие этнического самосознания славянских народов. Его перу принадлежат главы о самосознании чехов, поляков, восточных славян, опубликованные в коллективных монографиях по истории славянского самосознания. Третья область, в которой много и плодотворно работает юбиляр, – это становление раннефеодальной государственности у славян. Этому посвящена монография "Отношения государства и церкви у восточных и западных славян" (1992). Чрезвычайно большое научное значение имеет его работа "Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян" (1992). Б.Н. Флорей разработана плодотворная модель зарождения государственности у славян и на Балканах. Четвертая сфера, в которой успешно трудится юбиляр – это история христианизации славянских народов. В рамках этой темы опубликованы его "Сказания о начале славянской письменности" (1981). В последние годы Б.Н. Флора занимается историей борьбы православия и католичества в славянском мире и уний. В печати находится его монография "У истоков конфессионального раскола славянского мира (XIII век)". В 1997 г. вышла подготовленная под его руководством коллективная работа "Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Часть I". Завершена работа и над второй частью исследования.

Таким образом, можно сказать, что в сферу научных интересов Б.Н. Флора попадает весь период славянского средневековья от IX до XVII в. и в самых различных аспектах. Его огромные знания и удивительная работоспособность вывели его в число виднейших медиевистов мира.

© 1998 г. *Иванов С.А.*

Славяноведение, № 2

К 70-летию словацкого историка В. МАТУЛЫ

30 апреля 1998 г. исполняется 70 лет видному словацкому историку, доктору исторических наук Владимиру Матуле. Он родился в селе Велки Дюр в Южной Словакии, в интеллигентной семье. Уже в гимназии увлекся русской классической литературой и написал интересную работу об А.С. Пушкине. После окончания гимназии в 1948 г. он среди первых словацких студентов поехал учиться в Москву. Поступил на Исторический факультет МГУ, специализировался по кафедре истории южных и западных славян. Провел незабываемые студенческие годы в общежитии на Стромынке, познавая воочию

действительность Страны Советов, в тесном общении с будущими известными советскими и чехословацкими историками. В 1953 г. получил диплом с отличием и вернулся на родину. Далее в 1953–1955 гг. В. Матула работал на кафедре истории философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе, много содействовал становлению Словацкого национального музея в городе Мартин, директором которого был в 1958–1963 гг. Вся остальная профессиональная деятельность ученого с 1955 (с небольшими исключениями) по 1991 г. была связана с Историческим институтом Словацкой Академии наук. Здесь же он защитил в 1964 г. кандидатскую ("Идея славянской взаимности и Молодая Словакия. 1835–1848"), а в 1980 г. докторскую ("Славянские связи словацкого национально-освободительного движения 30–60-х годов XIX в.") диссертации. С 1991 г. В. Матула на пенсии, но продолжает трудиться на благо словацкой науки, тесно сотрудничая с Матицей словацкой в Мартине, музеем Л. Штура в Модре и другими научными учреждениями.

Основное направление научных занятий В. Матулы всегда составляли темы: словацкое национальное возрождение и его лидер – Л. Штур, словацко-славянские культурные и общественно-политические связи этого периода. В этой области он добился значительных научных успехов, как в плане общетеоретического решения проблем, так и их конкретно-исторического анализа на основе новых архивных материалов. Имеют важное научное значение книга В. Матулы "Людовит Штур" (Братислава, 1956, переведенная на несколько языков), исследования "Штур и славянство" (1956), "Людовит Штур и Россия" (1969), "Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура" (1978), "К вопросу об исследовании перехода от феодализма к капитализму в словацкой истории" (1989), "Кирилло-Мефодиевская традиция и ее роль в словацком национальном возрождении" (1992), "Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении до революции 1848–1849 гг." (1992), написанные им разделы в возглавляемом им монументальном труде "История Словакии" (Братислава, 1992. Т. 2), "Русская православная миссия и словаки" (1997) и многие другие. Все им опубликовано около 80 ценных научных работ.

В. Матуле выпало большое счастье для всякого исследователя – быть первооткрывателем не только отдельных, но и целых комплексов важных исторических документов. Во многом по-новому удалось ему представить Л. Штура и его эпоху благодаря открытию неизданного сборника (альманаха) штуровцев "Чувства благодарности молодых сынов Словакии", изданного им в 1959 г. Многолетние разыскания во многих российских архивах привели его к открытию уникальной всеславянской переписки протоиерея русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевского, первый том которой совместно с И.В. Чуркиной удалось издать в 1975 г. ("Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского"). Изучение рукописи концептуального сочинения Л. Штура "Славянство и мир будущего" привели ученого к важному уточнению ее датировки (не 1854, а 1851 г.), что позволило объяснить некоторые психологические нюансы содержания этого во многом загадочного трактата (статья 1990 г.). В настоящее время неутомимый исследователь занят подготовкой к печати 4 тома публикации новых писем Людовика Штура (к нему и от него).

Научные работы В. Матулы получили признание не только в Словакии, но и за рубежом. Он заслуженный работник САН. Награжден золотой медалью Л. Штура от САН за заслуги перед обществом, серебряной медалью Ф. Палацкого от ЧСАН, медалью И. Сечени от Венгерской АН, лауреат гос. премии им. К. Готвальда.

Большой вклад внес В. Матула в развитие международного сотрудничества славистов. Много лет он был членом Международного комитета славистов 1970–1990, в 1988–1990 гг. вице-президентом, зам. председателя Международной комиссии по истории славистики (1975–1991), сопредседателем Чехословацко-венгерской исторической комиссии (1979–1989). Участвовал с интересными докладами в работе VI–XI международных конгрессов исторических наук, ряде международных конференций и симпозиумов.

Большая дружба всегда связывала В. Матулу с российскими коллегами. Она особенно укрепилась во время его научных стажировок в СССР в 1966–1968 и 1972–1974 гг., когда были задуманы и осуществлены многие научные проекты. Не прервалась она и после 1989 г. Друзья и коллеги из Института славяноведения и балканистики РАН сердечно поздравляют В. Матулу с очередным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, жизненного оптимизма и дальнейших творческих успехов в избранной им области науки.

© 1998 г. *Досталь М.Ю.*

**Новые издания Института славяноведения
и балканистики РАН**

В 1995–1997 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.
- * Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- * Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- * Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.
- * Исследования по славянской диалектологии *З. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- * Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
- Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- * Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- Никифоров Н.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- * Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.
- * Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- * Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- * *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- * Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.
- Савченко В.Н.* Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- * *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- * *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
- * *Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995).* М., 1996.
- * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- * *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- * Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
- * "Путь романтичный совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
- * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- * Славянские магицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.

- * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.
- * *Улуян А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
- * Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- * История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- * Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- * Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- * *Натура и культура.* М., 1997.
- * *Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- * *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое. М., 1997.
- * Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- * Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т: 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095)938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

To the 120th Anniversary of the Liberation of Bulgaria

<i>Khevrolina V.M.</i> (Moscow). Bulgarian question in Russian Public idea of the 80s years of the XIX Century (I.S. Aksakov, M.N. Katkov, S.S. Tatishchev).....	3
<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). About "Crimean syndrome", the British sea power and the threat of Austrian attack from the flank: from Catherine up to Alexander II.....	16

* * *

<i>Kaliganov I.I.</i> (Moscow). Bulgarian-Russian literary connections of the Medieval Period (Critical Review of opinions and problems of study).....	27
<i>Kruming A.A.</i> (Moscow). Redaction of Slavic printed Prolog (preliminary notes).....	46
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). Early Moscow declamations of Simeon Polotzki in the context of the conflict of Tzar Alexey Mikhailovich and patriarch Nikon.....	61
<i>Mikhailov K.</i> (Sophia). Oral and written folklore in the works of Sofroni Vrachanski.....	89
<i>Sofronova L.A.</i> (Moscow). The conception of human being in the works of G.S. Skovoroda.....	101

SURVEYS AND REVIEWS

<i>Senderovich S.Y.</i> Petrukhin V.Y. The beginning of the Ethno-Cultural History of Russia of IX–XI Centuries. Smolensk.....	115
<i>Petrukhin V.Y.</i> S. Franclin, J. Shepard. The Emergence of Rus. 750–1200.....	119
<i>Polyvyanny D.I.</i> New books about Bulgarian Medieval Culture.....	124
<i>Gorina L.V.</i> Drosneva E. Folklore, Bible, History.....	127
<i>Alexeev A.A.</i> Rjecnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije.....	130
<i>Alexeev A.A.</i> The Five Biblical Scrolls in Sixteenth Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) with Introduction and Notes by Moshe Altbauer.....	132
<i>Kaminski V.A.</i> Markunas. The Sources and the Essence of the Russian Orthodoxy.....	136

PERSONALIA

<i>Venediktov G.K., Stemkovskaya Yu.E.</i> The 70th Anniversary of Lev Nikandrovich Smirnov.....	138
<i>Ivanov S.A.</i> The 60th Anniversary of Boris Nikolaevich Flori.....	140
<i>Dostal' M.Yu.</i> To the 70th Anniversary of Slavic historian V. Matula.....	140
The new publications of the Institute of Slavic and Balkanic Studies of RAN.....	142

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.12.97	Подписано в печать 26.01.98	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 11,7	Усл.кр.-отт. 8,0 тыс.	Уч.изд.л. 13,0	Бум.л. 4,5
Тираж 674 экз.		Зак. 3031		

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Издательство "Наука" РАН
обращает ваше внимание на следующие книги:**

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. – М.: Наука. 1997. – 19,6 л.

В монографии прослежен новый метод классификации большого числа объектов по большому числу признаков.

Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. – М.: Наука. 1997. – 13,7 л. (о)

В научно-популярном очерке описываются древнерусские рукописи, непосредственно содержащие в себе православно-христианское вероучение и богослужение.

*По всем вопросам приобретения книг просим обращаться
в Торговую фирму "Академкнига" РАН по адресу:*

*103624, ГСП, Москва, Б. Черкасский пер., 2/10.
Тел. торгового отдела: 923-72-84.*

